

П. Зорскаго-Платонова.

ГОЛОСЪ СТАРАГО ПРОФЕССОРА

ПО ДѢЛУ

ПРОФЕССОРА **А. П. ЛЕБЕДЕВА** СЪ ПОКОЙНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ
О. ПРОТОІЕРЕЕМЪ **А. М. ИВАНЦОВЫМЪ-ПЛАТОНОВЫМЪ**

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ СТАТЬИ

„Изъ наблюденій стараго профессора“.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^о**, Пименовская ул., соб. д.
1900.

Голосъ стараго профессора по дѣлу профессора А. П. Лебедева съ покойнымъ профессоромъ о. про- тоіереемъ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ.

Покойный о. протоіерей Александръ Михайловичъ Иванцовъ Платоновъ принадлежалъ къ числу студентовъ XXII-го курса Московской духовной академіи (1856—1860 гг.). Этому курсу впервые читалъ я свои лекціи по библейской исторіи и еврейскому языку, начавшіяся съ 1858 года. Алексѣй Петровичъ Лебедевъ былъ моимъ слушателемъ позднѣе: онъ принадлежалъ къ составу XXVII курса (1866—1870 гг.). Прослужилъ я въ академіи тридцать пять лѣтъ и оставилъ академическую службу почти совсѣмъ одновременно съ А. П. Лебедевымъ, въ томъ же 1895 году. Значить, всѣ двадцать пять лѣтъ своей академической службы онъ прослужилъ вмѣстѣ со мною. Не мудрено, что у меня наберется немало матеріала, пригоднаго для сужденія о тѣхъ укорахъ, отчасти ученаго, а отчасти совсѣмъ уже неученаго свойства, какіе раздались изъ устъ одного церковнаго историка, младшаго, противъ другого церковнаго историка, старшаго. Раздались они сначала, къ немалому моему прискорбію, на страницахъ академическаго журнала («Богословскій Вѣстникъ», августъ 1899 года), изданія, близкаго мнѣ по весьма уважительнымъ причинамъ, а затѣмъ перешли на страницы «Московскихъ Вѣдомостей», принявъ форму полемики съ священникомъ Н. П. Добронравовымъ. Отецъ Добронравовъ пожелалъ отразить укоры, доставшіеся А. М. Иванцову-Платонову (см. «Моск. Вѣд.» №№ 279—281, 1899 г.). А. П. Лебедевъ по-

желать и поразить защитника, и усилить укоры покойному о. протоіерею. («Моск. Вѣд.» 1899 г., №№ 279—300, 302, 303, 305). Я съ своей стороны имѣю возможность внести нѣкоторый свѣтъ и въ это дѣло, и въ нѣкоторыя другія, находящіяся съ нимъ въ болѣе или менѣе близкой связи. Чтобы онъ не погасъ вмѣстѣ съ свѣтомъ моей жизни,—мнѣ 64 года,—я и захотѣлъ поговорить о томъ, что мнѣ хорошо извѣстно, чего другіе не знаютъ, а кто и знаетъ, то говорить, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не захочетъ. Правдивый историкъ, можетъ быть, скажетъ мнѣ спасибо не столько за надлежащее освѣщеніе дѣла А. П. Лебедева съ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ,—дѣла имѣющаго интересъ весьма *прегодящій*,—сколько за правильныя свѣдѣнія о дѣлахъ, соприкосновенныхъ съ нимъ и неизбѣжно имѣющихъ встрѣтиться мнѣ на моемъ пути, ведущемъ къ разъясненію дѣла А. П. Лебедева съ А. М. Иванцовымъ.

За время студенчества того и другого изъ поименованныхъ лицъ у меня, — да и не у одного меня, — составилось такое о нихъ понятіе. Изъ студентовъ XXVII-го курса лучшими, наиболѣе даровитыми студентами были Ник. Мих. Иванцовъ (братъ А. Михайловича), А. П. Лебедевъ, Ив. Дм. Петропавловскій, Андрей Петровичъ Смирновъ, Ив. Андр. Пятницкій. Но ни одинъ изъ нихъ не могъ идти въ сравненіе съ студентомъ, ранѣе ихъ на десять лѣтъ бывшимъ въ нашей академіи, съ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ. Со временъ Виктора Дм. Кудрявцева-Платонова (XVIII-го курса, 1848—1852 гг.), да и долго послѣ Иванцова, не было студента, который такъ много превосходилъ бы своихъ товарищей силою ума и талантливости, хотя между товарищами Иванцова были и такіе люди, какъ Парѣеній Лук. Репловскій и Петръ Макар. Хупотскій, несомнѣнно очень даровитые, (но впоследствии очень несчастные). Неудивительно, что еще въ первые годы студенчества А. Иванцова академическіе преподаватели показывали его семестровыя диссертациі такимъ людямъ, какъ Аксаковы и Безобразовы. Неудивительно и то, что, находясь еще на студенческой скамьѣ, А. М.—чѣ былъ принятъ въ кружокъ славянофиловъ (см. А. М. Иванцова-Платонова «За третье десятилѣтіе священства», Сергіевъ посадъ, 1894, стр. 49,

50), которымъ онъ во многомъ сочувствовалъ, и сталъ тогда же сотрудникомъ «Русской Бесѣды». Одна изъ его семестровыхъ диссертаций, написанная на второмъ году студенчества—«О положительномъ и отрицательномъ отношеніи къ жизни въ русской литературѣ»—была напечатана въ первой книгѣ «Русской Бесѣды» за 1859 годъ. «Затѣмъ,—говоритъ самъ А. М—чъ,—былъ начатъ мною рядъ другихъ работъ для «Русской Бесѣды». Эти работы не увидѣли свѣта съ пріостановкою «Русской Бесѣды» въ 1859 году и куда-то потомъ пропали у меня» (тамъ же, стр. 49). По поводу одной изъ этихъ неизвѣстныхъ намъ работъ, содержавшей, повидимому, разборъ или сочиненій, или одного изъ сочиненій С. Т. Аксакова, самъ Сергій Тимоѣевичъ писалъ студенту Иванцову, 25 октября 1858 года, слѣдующее письмо, которое приводимъ дословно:

«Любезный мой рецензентъ!

«Не знаю вашего отечества и не могу употребить пошлаго и холоднаго «милостиваго государя». Благодарю васъ за ваше письмо. Прочитавъ вашу статью, я самъ сердечно полюбилъ васъ, и не за то, что вы такъ высоко цѣните мои сочиненія, а за вашу умъ, за ваше вѣрное и сильно уже развитое эстетическое чувство: я увѣряю васъ,—и вы мнѣ повѣрите,—что еслибъ вы писали не обо мнѣ, то я еще въ большее прищель бы восхищеніе отъ вашей статьи. Чувство удовлетвореннаго самолюбія, правду сказать, очень пріятное, какъ-то мѣпало мнѣ наслаждаться вполне вашимъ тонкимъ пониманіемъ и глубокимъ чувствомъ къ малѣйшему проявленію художественности. Мнѣ приходилось восхищаться вашимъ разборомъ, восхищаться и своимъ собственнымъ произведеніемъ, а это было неловко и какъ-то совѣстно. Черезъ нѣсколько дней я вновь выслушалъ вашу статью и еще болѣе оцѣнилъ ее. Честь и слава вашей академіи, а также и вашимъ профессорамъ, а особенно преподавателю русской словесности *). Конечно, всѣ дары отъ Бога, но всякое дарованіе требуетъ воспитанія для своего развитія».

«Я очень боленъ и постоянно страдаю; спокойныхъ часовъ у

*) Профессоромъ по кафедрѣ словесности и исторіи литературы былъ тогда Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ.

меня немного, но я пользуюсь ими и постоянно что-нибудь диктую. Статью мою въ трехъ послѣднихъ книгахъ «Русской Бесѣды» *), вы, вѣрно, прочли; другая статья моя печатается въ Сборникѣ казанскихъ студентовъ, которому я далъ имя «Братчина». Я пришлю вамъ ее и мой портретъ».

«Пріятно лично познакомиться съ человѣкомъ, на котораго возлагаешь большія надежды, а потому вы не можете сомнѣваться, какъ мнѣ пріятно будетъ увидѣться съ вами».

«Еще разъ благодарю васъ отъ глубины сердца за ваше теплое сочувствіе, за вашу искреннюю любовь ко мнѣ, а также благодарю вашихъ добрыхъ товарищей. Вамъ предлежитъ широкій и благодарный путь. Все оживаетъ на святой Руси,—должна ожить и процвѣсть русская словесность. Политическіе и общественные интересы только на время поглотили общее вниманіе. Когда же все устроится и успокоится,—литература вступитъ въ свои права и займетъ первое мѣсто, какъ выраженіе духа цѣлаго народа».

«Прощайте, мой любезный Иванцовъ! Я бы желалъ имѣть вашу статью въ первомъ ея видѣ. Не можете ли вы подарить мнѣ тотъ списокъ, который былъ у меня? Нужды нѣтъ, если онъ измаранъ».

Вашъ душою

С. Аксаковъ.

Такъ отнесся нашъ великій художникъ слова къ студенту Иванцову, который прошелъ тогда еще половину четырехлѣтняго академическаго курса.

Наглядное подтвержденіе высокаго мнѣнія академическихъ профессоровъ о студентѣ Иванцовѣ даютъ списки студентовъ XXII курса по успѣхамъ. Всѣ четыре года Иванцовъ безъ всякихъ споровъ между многочисленными цѣнителями его успѣховъ занималъ первое мѣсто *въ общемъ* списокѣ студентовъ. Общій списокъ составлялся на основаніи *частныхъ* списковъ по предметамъ, изучаемымъ на томъ или другомъ изъ двухъ курсовъ, изъ которыхъ каждый, и старшій и младшій, продолжался два

*) „Литературныя и театральныя воспоминанія“. „Русская Бесѣда“, 1858, книги I, II, III.

года. На первомъ, младшемъ, курсѣ Иванцовъ былъ первымъ по частнымъ спискамъ: *философскому*, который былъ составляемъ троими профессорами (метафизики, психологіи и исторіи философіи съ логикой); *по историческому*, который на младшемъ курсѣ былъ составляемъ двоими профессорами гражданской исторіи (всеобщей и русской), *по списку*, составлявшемуся профессоромъ кафедры *Священнаго Писанія*. *По словесности и по греческому языку* Иванцовъ занималъ второе мѣсто; по *физико-математическимъ* наукамъ — пятое. Сочиненій за два первые года Иванцовъ представилъ *двѣнадцать*; изъ нихъ *десять* имѣли самую высшую отмѣтку, то-есть признаны были *очень хорошими*; два сочиненія были признаны просто *хорошими*. Студенты, наиболѣе даровитые послѣ Иванцова, имѣли сочиненія такіа: Репловскій—*девять* очень хорошихъ и три хорошихъ; Хупотскій—*семь* очень хорошихъ и пять хорошихъ. Кромѣ семестровыхъ сочиненій, каждый студентъ обязанъ былъ тогда написать, среди экзаменовъ, три такъ называемыхъ экспромта, то-есть обязанъ былъ представить три письменныхъ отвѣта на вопросы, содержаніе которыхъ объявляемо было студентамъ только послѣ того, какъ они все соберутся въ аудиторію, гдѣ заранѣе приготавлиемы были чернила, перья и бумага. Въ восемь часовъ утра билъ звонокъ для сбора студентовъ въ аудиторію; въ половинѣ девятаго входилъ въ аудиторію кто-нибудь изъ молодыхъ бакалавровъ (доцентовъ) и прочитывалъ студентамъ тему, относившуюся къ той наукѣ, по которой академическая конференція постановила потребовать отъ студентовъ письменнаго отвѣта. Этотъ бакалавръ обязанъ былъ оставаться въ аудиторіи до срока, назначеннаго для подачи экспромта. Обыкновенно такимъ срокомъ бывали назначаемы или часъ пополудни, или половина второго часа; стало быть, письменный отвѣтъ давался въ теченіе или четырехъ съ половиной, или пяти часовъ. При окончаніи младшаго курса, то-есть въ 1858 году, Иванцовъ и его товарищи писали два экспромта по философіи, одинъ на русскомъ, другой на латинскомъ языкѣ, и одинъ по словесности. Все три экспромта Иванцова были признаны очень хорошими. Не излишне будетъ прибавить здѣсь, что какъ семестровыя сочиненія, такъ и экспромты оцѣниваемы были съ

большой строгостью: о ней ясно говорить слѣдующая справка. Изъ *четырёхсотъ семидесяти двухъ* семестровыхъ сочиненій, написанныхъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ ученія всѣми студентами XXII-го, Иванцовскаго, курса, — а всѣхъ студентовъ было сорокъ одинъ, — *очень хорошими* признаны были только 54 сочиненія: *хорошими*—150; *довольно хорошими*—174; *порядочными*—88, и *не худыми*—6.

И на старшемъ курсѣ, то-есть въ послѣдніе два года ученія, Иванцовъ занималъ первое мѣсто *въ общемъ* списокѣ. Первымъ же онъ былъ и по самому важному на старшемъ курсѣ списку (частному), по списку богословскому, составлявшемуся профессорами нѣсколькихъ наукъ, а именно профессорами богословія догматическаго, нравственнаго, пастырскаго, обличительнаго и, кромѣ того, профессоромъ церковнаго законовѣдѣнія, при участіи еще особыхъ депутатовъ, избравшихся конференціей и утверждавшихся митрополитомъ. Въ 1860 - мѣ году этотъ списокъ составили и подписали производившіе экзамень и читавшіе экспромты: ректоръ академіи архим. Сергій, ректоръ Вланской семинаріи архим. Игнатій, московскій кафедральный протоіерей Петръ Покровскій, протоіерей Петръ Делицынъ, экстр. профессоръ священникъ Филаретъ Сергіевскій и экстр. проф. Николай Субботинъ. Первымъ же былъ Иванцовъ и по церковно-историческому списку и по Священному Писанію.

Всѣ *частные* экзамены были окончены; оставался *публичный* экзамень, на который приходилъ митрополитъ и приглашаемы были власти Лаврскія, корпорація преподавателей Вланской семинаріи и почетнѣйшія лица посадскія и пріѣзжія. До публичнаго экзамена списки студентовъ XXII-го курса были закончены и Иванцовъ былъ *первымъ*.

Не помню, наканунѣ ли, или дня за два, за три до публичнаго экзамена получили мы отъ ректора архим. Сергія приглашеніе собраться къ нему. Собрались: и я былъ тамъ. Ректоръ заявилъ, что онъ представлялъ уже митрополиту курсовое сочиненіе Иванцова (на степень магистра), какъ одно изъ лучшихъ, а митрополитъ сочиненіемъ остался весьма недоволенъ. Нужно замѣтить, что по окончаніи всѣхъ экзаменовъ всегда собиралась конференція изъ входившихъ въ составъ ея профес-

соровъ академіи, подъ предѣдательствомъ митрополита, и на этой конференціи онъ заставлялъ читать болѣе или менѣе значительные отрывки, по его выбору, изъ тѣхъ курсовыхъ диссертаций, авторы которыхъ предназначались къ возведенію въ степень магистра. Отрывки, подвергавшіеся суду такого необыкновенно умнаго и знающаго критика, какъ митрополитъ Филаретъ, должны были оказываться написанными такъ, чтобъ не могли подать новода къ неудовольствію строгаго судьи. Это была задача очень трудная. Тонкой критики Филарета не рѣдко не могли выдерживать произведенія настоящихъ ученыхъ людей, посѣдѣвшихъ за книгами. И произведенія ученыхъ архипастырей иногда терпѣли отъ критики Филарета судьбу совѣмъ плачевную. Умѣрять привычную строгость своихъ требованій тѣмъ соображеніемъ, что при разсмотрѣніи магистерскихъ диссертаций приходится имѣть дѣло съ учащимися, хотя и умными, но все же *юношами*, а не съ настоящими учеными, конечно, желать и самъ Филаретъ. Еще болѣе должна была склонять его къ смягченію своей критики его пскренняя, многократно и безспорно доказанная любовь, даже, можно сказать, *пристрастіе къ своей академіи*. Но нельзя было митрополиту Филарету давать много простора своей снисходительности, или своему пристрастію къ академіи. Его судъ надъ магистерскими диссертациями былъ не окончательный. Онъ только давалъ свое заключеніе по дѣлу, а произносить приговоръ должны были другіе, имѣвшіе полное формальное право признать заключеніе митрополита Филарета неправильнымъ. Этимъ правомъ не разъ ужъ и пользовались люди, которымъ почему-нибудь хотѣлось осуществить свое право на практикѣ. Читатели произведеній почтеннаго, безпримѣрнаго по своему ученому трудолюбію профессора нашей академіи Ивана Ник. Корсунскаго, перваго во всей Россіи спеціалиста по части Филаретовѣдѣнія, знаютъ, что въ жизни митрополита Филарета былъ длинный рядъ годовъ, которые по всей справедливости должны быть названы очень тяжкими годами его жизни, до такой степени тяжкими, что знаменитому московскому владыкѣ приходилось не разъ думать о необходимости отказаться отъ управленія епархією, уйти на покой въ какой-нибудь монастырь. Этотъ періодъ начался съ того времени, какъ

графъ Протасовъ сѣлъ за оберъ-прокурорскій въ Святѣйшемъ Синодѣ столъ. Почитатели митрополита Филарета не осудятъ меня за то, что я сейчасъ выражу крайнее негодованіе по поводу тѣхъ озлобленій, которымъ подвергаемъ былъ одинъ изъ величайшихъ людей нашего вѣка. Люди, не званые и не подготовленные къ наложенной самими на себя задачѣ охранять чистоту православнаго ученія отъ прираженія заносныхъ съ запада теорій и увлеченій, стали взводить на митрополита Филарета обвиненія въ наклонности и къ раціонализму, и къ масонству, и дажъ,—не легко и вымолвить,—«къ якобинству въ богословіи». Катехизисъ митрополита Филарета подвергнуть былъ преслѣдованію за протестантское направленіе. Библейское общество, энергическимъ дѣятелемъ котораго былъ митрополитъ Филаретъ и которое прилагало большія усилія къ распространенію Священнаго Писанія на понятныхъ нарѣчіяхъ, было закрыто. Книги Свящ. Писанія, въ переводѣ на русскій языкъ, были спрятаны въ Синодскіе подвалы, откуда извлекаемы были, дажъ и на моей памяти, за немалое количество сребра. Руководство духовными школами было передано въ руки синодскихъ чиновниковъ, а комиссія изъ духовныхъ лицъ, вѣдавшая духовно-учебныя дѣла, была упразднена. Для митрополита Филарета закрыты были ворота Петербурга: его, члена Святѣйшаго Синода, перестали пускать въ Синодъ, то-есть перестали вызывать въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Не умѣя сами, своими средствами, обходиться въ рѣшеніи нѣкоторыхъ затруднительныхъ вопросовъ безъ помощи митрополита Филарета и не желая каждый разъ ходить къ нему на поклонъ, съ усердіемъ отыскивали среди монашествующихъ чело-вѣка «хоть въ полмитрополита московскаго», по игривому выраженію графа Протасова. Думали, что и нашли такого чело-вѣка, величиною въ полмитрополита московскаго, въ лицѣ Аѳанасія, котораго и сдѣлали ректоромъ Петербургской духовной академіи, поближе къ центру управленія церковными дѣлами. Не удивительно, что митрополитъ Филаретъ, очень твердый духомъ, доводимъ былъ до плача горькими слезами. Такое положеніе испытывалъ митрополитъ Филаретъ не годъ, не два, а лѣтъ семнадцать. Въ этотъ тяжкій періодъ были практикуемы

разнаго рода нападенія и на академію, находившуюся подъ непосредственнымъ главнымъ руководствомъ московскаго владыки. То откажутъ въ ученой степени тому или другому студенту, отыскавъ въ его магистерской диссертациі грѣхи, не усмотрѣнные будто бы митрополитомъ Филаретомъ; то передѣлаютъ по своему списки студентовъ, составленныя, будто бы, академіею вопреки требованіямъ правильной оцѣнки; то достанутъ своими стрѣлами Цензурный Комитетъ, составившій особое отдѣленіе академической конференціи, и начнутъ присылать указы съ указаніемъ провинностей Комитета, не усмотрѣнныхъ Филаретомъ. Помнится, что въ 1853 году, кажется въ августѣ, Цензурному Комитету сразу присланъ былъ чуть не десятокъ выговоровъ и замѣчаній. Если бы выговоры исходили не въ образѣ указовъ Св. Синода, можно было бы съ большимъ успѣхомъ отразить иное незаслуженное порицаніе: но противъ указовъ Св. Синода возражать, конечно, не полагается. Понятно, что митрополиту Филарету приходилось усиленно напрягать вниманіе, какъ бы не подать поводъ прислать новое досажденіе или ему, или близкой его сердцу академіи. Снисходительность приходилось отодвигать подальше, а требовательность развивать возможно больше, чтобы не подстергали и не нанесли нечаяннаго удара. Положеніе не изъ завидныхъ! Кому оно извѣстно въ болѣе или менѣе достаточной степени, тому не трудно различать въ современномъ хорѣ читателей митрополита Филарета отдѣльные голоса, изъ-подъ которыхъ должны бы просачиваться крокодиловы слезы. Къ общему хору пристали и *сыны избившихъ пророки*.

Все это достаточно объясняетъ, почему митрополитъ Филаретъ зорко смотрѣлъ за магистерскими сочиненіями и почему въ нашей академіи водворился слѣдующій порядокъ. Студенты, оказавшіе въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ очень хорошіе успѣхи, далеко не всегда имѣли возможность писать диссертациі на тѣму, взятую изъ той науки, къ которой чувствовали большее или меньшее влеченіе, и рѣдко имѣли возможность отказаться отъ неправоющей темы. Студентовъ обыкновенно разбирали между собой сами профессора старшаго курса, особенно болѣе авторитетные. Выбирать нужно было съ осмотрительностью.

Возьмешь хорошаго студента: нужно благополучно довести его до магистерства, а довести не всегда было легко; иногда нужно было употреблять великія усилія, чтобъ диссертация оказалась чуждой всякихъ сучковъ и задоринокъ и по содержанію, и по изложенію, чтобъ критикамъ стороннимъ привязаться было совсѣмъ не къ чему. Не говорю уже о направленіи, объ увлеченіи какой-нибудь односторонней мыслью, но изложеніе, отдѣльными фразами, требовали иногда большихъ хлопотъ со стороны профессора. Студентъ, положимъ, и уменъ, и работаль, какъ слѣдуетъ: но или привыкъ, нѣсколько лѣтъ философствуя, къ употребленію иностранныхъ словъ, или употребляетъ обороты рѣчи, хотя и литературные, но для рѣчи о богословскихъ матеріяхъ не подходящіе, или привыкъ къ слишкомъ отвлеченному, слишкомъ философскому построенію или изложенію мыслей. Ему могла грозить опасность *провалиться* или на судѣ митрополитьемъ, или въ послѣдней инстанціи, въ которой можно было попасть, Богъ знаетъ, на какого читателя. Необходимымъ становилось наложить на сочиненіе руку исправителя. Иногда эти исправленія ложились на профессора очень тяжелымъ гнетомъ. Помню, что въ маѣ и іюнѣ 1862 года я и сосѣдь мой по квартирѣ А. Ѳ. Лавровъ, впоследствии Алексій, архіепископъ Литовскій, съ утра до вечера занимались исправленіемъ изложенія поданныхъ намъ диссертаций. Диссертации были очень дѣльные, но изложеніе ихъ могло по суду стороннихъ людей отнять у нихъ весьма значительную часть ихъ истинной цѣны. Къ моему искреннему прискорбію у меня на рукахъ были два изъ общаго числа девятнадцати предполагаемыхъ магистерскихъ сочиненій. Да не постъуетъ на меня глубоко уважаемый мною заслуженный ординарный профессоръ Петербургской духовной академіи Мих. Ив. Каринскій за упоминаніе его имени. Одна изъ правленныхъ мною диссертаций принадлежала ему, другая—покойному Ананьинскому. Обѣ диссертации были весьма дѣльные, но изложеніе ихъ, особенно у М. И. Каринскаго, было совсѣмъ не подходящимъ для будущихъ судей о достоинствѣ сочиненій. У М. И. Каринскаго изложеніе было очень отвлеченное, совсѣмъ философское, какимъ ему и естественно было оказаться у чловѣка, получившаго впоследствии столь почетную извѣстность

на кафедрѣ философіи въ духовной академіи, и въ той части русскаго общества, которая не ѡбгаеть отъ философіи: но для диссертаціи «Египетскіе іудеи при Птолемеяхъ» философское изложеніе совѣмъ не годилось. Пришлось мнѣ, зачеркивая написанное авторомъ, писать между строками новый текстъ. Увидавъ возвращенныя мною первыя тетради своей диссертаціи, М. И. Каринскій взволновался. «Да вѣдь это, говорить, я не могу назвать своей диссертаціей!» — «Содержаніе остается все ваше, отвѣтилъ я, а изложеніе мое. Въ такомъ изложеніи диссертація пройдетъ благополучно». Порѣшили на томъ, что если диссертація пройдетъ благополучно, то никакой претензіи ко мнѣ Мпх. Иван. имѣть не будетъ; а если не пройдетъ, то онъ оставляетъ за собой право заявить, что диссертація не можетъ считаться принадлежащей ему. Диссертація прошла благополучно; по поводу одной только фразы митрополитъ сдѣлалъ замѣчаніе, что она нехороша. Фраза состояла изъ словъ: *отодвинуть на задній планъ*. Самъ я не имѣлъ права присутствовать въ томъ засѣданіи конференціи, на которомъ сдѣлано было митрополитомъ замѣчаніе относительно приведенной фразы. Кто-то изъ присутствовавшихъ объяснялъ мнѣ послѣ основаніе, указанное митрополитомъ въ объясненіе неудобности этой фразы: но я какъ-то запамятовалъ объясненіе, а самъ удовлетворительнаго объясненія дать не могу, и потому предоставляю сдѣлать это читателю, болѣе меня догадливому. Рассказываю все это не потому, что меня прельщаетъ желаніе занять *собою* вниманіе читателя, а только потому, что, слава Богу, живъ достовѣрный свидѣтель вѣрности моего разказа и можетъ откликнуться. Въ интересахъ же дѣла упомяну о случаѣ, прямо касающемся меня лично. Въ 1863 году я написалъ противъ Н. В. Берга критическую замѣтку подъ заглавіемъ: «Іерусалимъ въ настоящую минуту» (см. Прибавленій къ изданію Твореній Св. Отцевъ, книгу первую, 1863 г.). Вскорѣ по выходѣ указанной книги академическаго изданія приходитъ къ митрополиту Филарету о. протоіерей Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ, нынѣ высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ харьковскій. «Читалъ ты въ академическомъ изданіи статью «Іерусалимъ въ настоящую минуту?» спрашиваетъ владыка о. протоіерея. «Читалъ; статья

дѣльная». — «Дѣльная то дѣльная; но хорошо ли такъ выражаться, какъ выражается авторъ: «въ нашей свѣтской литературѣ входитъ въ моду страсть къ разнаго рода выходкамъ антирелигіознаго направленія» и дальше: «идеть, напр., рѣчь о предметѣ, не представляющемъ никакой возможности вставить задорную фразу антирелигіознаго направленія; а нѣтъ, фраза непременно тутъ; авторъ ухитрится ее вставить». Кромѣ указанія на рѣзкость словъ, владыка сдѣлалъ еще замѣчаніе, что выраженіе: «задорная фраза анти-религіознаго направленія» нехорошо, потому что понятіе *задори* взято отъ свидоватаго дерева, которое нельзя гладко выстрогать, и у котораго *задорины* остаются *неподвижными*; а *направленіе* содержитъ въ себѣ понятіе о *движеніи*; сочетаніе понятій выходитъ не складное». Читателю остается только подивиться тонкости критика, а мнѣ остается только указать тотъ выводъ, который и самъ собою вытекаетъ изъ обоихъ рассказанныхъ мною примѣровъ: «необходимо было намъ напрягать всю силу вниманія и разумѣнія, чтобъ ни одна фраза магистерскаго сочиненія, представляемаго на судъ митрополита, не могла подать повода къ недобрительному съ его стороны отзыву». Сообразно съ такимъ не писаннымъ закономъ, всѣ мы, старые и молодые профессора старшаго курса, каждый четный годъ, въ маѣ и въ іюнѣ, прилагали къ магистерскимъ диссертациямъ свой посильный трудъ, а лица желавшія поменьше трудиться въ этомъ дѣлѣ, или уклонялись отъ пріема перворазрядныхъ студентовъ на свое попеченіе въ теченіе четвертаго года, или же старались залучить на свои темы людей, болѣе или менѣе похожихъ на А. М. Иванцова.

Объявленное ректоромъ извѣстіе, что митрополитъ весьма недоволенъ диссертацией Иванцова, было для всѣхъ насъ совершенно неожиданно. Никому въ голову не могла придти мысль, что Иванцовъ, краса не только своего курса, но и краса всѣхъ студентовъ академіи, можетъ написать сочиненіе неудовлетворительное въ какомъ бы то ни было отношеніи. Съ его не только блестящимъ, но и глубокимъ и тонкимъ умомъ, съ его мастерствомъ изложенія мыслей, часто возвышавшимся до художественности, провалиться на судѣ критика тонкаго и глубокаго, — да это дѣло совсѣмъ невозможное. Устами старѣйшихъ профессо-

ровъ, во главѣ которыхъ находился глубоко-чтимый А. В. Горскій, допрашиваемъ ректора о подробностяхъ дѣла. Слышимъ одно, что «Владыка *исчеркалъ* сочиненіе Иванцова», и больше ровню ничего, кромѣ того, что сочиненіе *осталось* у владыки: значить, намъ видѣть ничего нельзя. Предполагая, что митрополитъ *не безъ основанія же исчеркалъ* сочиненіе, мысленно осуждаемъ руководителя-рецензента, то-есть ректора, читавшаго сочиненіе; винимъ за то, что не усмотрѣлъ въ сочиненіи Иванцова мѣстъ, способныхъ вызвать недовольство митрополита; нѣкоторые даже подумали, какъ обнаружилось впоследствии, что ректоръ, мало наклонный и мало способный къ серьезному умственному труду, просто полѣнился прочитать сочиненіе Иванцова и, не читая, отвезъ его митрополиту по увѣренности, что сочиненіе Иванцова не можетъ быть не очень хорошимъ. Онъ самъ и выбралъ себѣ Иванцова, въ надеждѣ, конечно, что съ Иванцовымъ хлопотъ ему не будетъ. Торопиться отвезти сочиненіе Иванцова митрополиту надобности никакой не было; оно спокойно могло лежать до дня конференціи, когда вмѣстѣ съ отрывками изъ другихъ сочиненій были бы прочитаны митрополиту тѣ или другіе отрывки и изъ сочиненія Иванцова. До наступленія дня конференціи и въ прежніе годы нерѣдко отвозили митрополиту одно или два сочиненія, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда была твердая увѣренность, что сочиненіе *непретворно* заслужитъ одобреніе владыки. И въ интересахъ студентовъ, и въ своихъ собственныхъ интересахъ, старались задобрить митрополита въ пользу курса и доставить ему утѣшеніе представленіемъ умственной пищи, до которой онъ былъ охотникъ необычайный. Представить ему на первый же разъ не казовый конецъ, а диссертацию съ дырами,—это значило бы пепортировать дѣло съ самаго же начала, направить сужденія митрополита объ умственномъ цензѣ выпускаемаго изъ академіи курса въ ущербъ для выпускаемыхъ. Кромѣ вредныхъ послѣдствій для выпускаемыхъ студентовъ, могли произойти не малые огорченія и для профессоровъ-рецензентовъ. При сложившемся ходѣ дѣлъ митрополитъ имѣлъ полное право возлагать вину «провалявшихся» нодъ тяжестью его критики кандидатовъ на магистерскую степень не только на нихъ самихъ, но и на рецензентовъ, прико-

сновенныхъ къ дѣлу, и сумѣлъ бы въ надлежащей пропорціи раздѣлить ее между погрѣшившимъ авторомъ и между профессоромъ, не сумѣвшимъ во-время поправить авторскія прегрѣшенія. Отъ такой раскладки ничего пріятнаго не могло бы получиться.

Казалось, что положеніе дѣла позволяло построеніе только, слѣдующей дилеммы: Иванцовъ провалился или потому, что ректоръ, полагаясь на него, совсѣмъ не читаль его диссертацию, или потому, что ректоръ не сумѣлъ прочитать ее такъ, какъ другіе профессора читали достававшіяся на ихъ долю магистерскія диссертации. По нерасположенію ректора къ умственному труду возможно было допустить и первое предположеніе. Въ теченіе шестнадцатилѣтняго преподаванія такихъ наукъ, какъ богословіе нравственное, богословіе пастырское, легко было утратить всякое расположеніе къ трудамъ, требовавшимъ значительнаго умственнаго напряженія. Богословіе нравственное, богословіе пастырское, только по преданію, идущему отъ среднихъ вѣковъ принято называть науками, хотя *научнаго* содержанія эти якобы науки не имѣютъ никакого. Онѣ даже не сумѣли выработать для себя удовлетворительнаго названія. Въ самомъ дѣлѣ *theologia moralis, theologia pastoralis*—что это такое? Конечно, не *нравственное ученіе о Боѣ, не пастырское ученіе о Боѣ*, а скорѣе: *Божіе ученіе о нравственности, Божіе ученіе о пастырствѣ*. Гдѣ же тутъ, или къ чему тутъ пристроиться понятію о *наукѣ*? Читай десять заповѣдей, читай нагорную бесѣду Спасителя, или: читай пастырскія посланія апостола Павла, читай Златоуста. А дальше что? Дальше пускайся, по мѣрѣ дарованія и охоты, въ краснорѣчіе, въ риторику, въ пустословіе. До краснорѣчія арх. Сергій никогда не возвышался въ своихъ лекціяхъ студентамъ, что, конечно, не откажутся подтвердить оставшіеся въ живыхъ слушатели его лекцій, а въ остальномъ упражнялся цѣлыхъ тринадцать лѣтъ, не давая студентамъ съ каѣдры ни одной свѣжей мысли, ни единого новаго свѣдѣнія, да и самъ ничего не прибрѣтая отъ своихъ *мнимыхъ* наукъ. На классы къ нему студенты, со времени поступленія его на должность инспектора (25 апр. 1848 г.), ходили исправно, потому что онъ имѣлъ зрѣніе очень хорошее и всегда могъ усмотрѣть отсут-

ствующимъ и подвергнуть ихъ дѣйствию инспекторскаго гнѣва: но слушать его никогда не слушали, какъ не слушали его и мы, студенты XXI-го курса, хотя съ назначеніемъ на должность ректора (въ октябрѣ 1857 г.) онъ освободился отъ богословія нравственнаго и пастырскаго. Онъ сталъ читать лекціи по догматическому богословію и читалъ ихъ до конца 1860 года. Одинъ учебный годъ (1856/7) читалъ онъ намъ свои прежнія науки, *theologiam moralem et pastorem*, а другой учебный годъ (1857/8) читалъ лекціи по догматическому богословію, наукѣ для него новой,—новой не въ смыслѣ, конечно, неизвѣстности для него ея содержанія, но въ томъ смыслѣ, что ему пришлось составлять для класса лекціи по новому предмету. Въ теченіе перваго учебнаго года, когда намъ предлагаема была *theologia moralis*, мы очень скоро убѣдились, что наши предшественники по курсамъ были совершенно правы, худо отзываясь объ инспекторскихъ лекціяхъ. Положеніе наше оказалось очень тяжелымъ. Не ходить къ инспектору на лекціи—опасно; слушать на лекціяхъ нечего; книгу читать нельзя—увидить; разговаривать также нельзя—услышать. Мы съ соудомъ, съ Вас. Никиф. Потаповымъ, впоследствии профессоромъ нашей академіи (1858—1873 гг.) по кафедрѣ логики и исторіи философіи, коротали часы Сергіевыхъ лекцій чаще всего такъ: запасаемся бумагою и карандашами и передаемъ другъ другу записочки болѣе или менѣе шутиваго содержанія. Сидимъ тихо, шума не производимъ, а записывать что-нибудь во время лекціи никому не воспрещается; время до звонка, заставляющаго выходить изъ аудиторіи, и пройдетъ незамѣтно въ шутливой перепискѣ. Живо помню и такой случай. Въ іюнѣ 1857 года, наканунѣ экзамена по нравственному богословію, студентамъ стало извѣстно, что на экзамень придетъ митрополитъ Филаретъ и съ двоими гостями: съ Филаретомъ архіеп. черниговскимъ, бывшимъ ректоромъ нашей академіи, получившимъ почетную извѣстность своими учеными трудами, и еще съ какимъ-то архіереемъ, имя котораго я забылъ. Передъ такими посѣтителями дать плохой отвѣтъ никому изъ насъ, конечно, не хотѣлось. Съ утра кануна экзамена я вышелъ съ тетрадками инспекторскихъ лекцій въ академическій садъ, приотился въ томъ тѣнистомъ углу его, гдѣ теперь покоится

прахъ А. В. Горскаго, читаю тетрадки и нахожу одно пустословіе, даже безъ попытокъ автора вознаграждать обязательнаго читателя, за отсутствіемъ научнаго содержанія, хотя какими-нибудь чувствованіями: идетъ сплошное пустословіе и притомъ въ изложеніи вяломъ, сухомъ, желающемъ напоминать собою изложеніе «свойственное строгой наукѣ». Дѣлать нечего, нужно читать; вѣдь завтра экзаменъ будетъ съ митрополитомъ и съ двумя архіереями. Чѣмъ дальше читаю, тѣмъ сильнѣе растетъ недовольство тетрадкамъ; начинаю волноваться. Сначала крѣпился, старался одолѣть свои чувствованія голосомъ разсудка: но разсудокъ мой все болѣе и болѣе ослабѣвалъ передъ напоромъ чувства и, наконецъ, не выдержалъ натиска. Со злобою, даже съ ругательствомъ, пивырнулъ я тетрадки подъ ноги, сказалъ себѣ: «больше читать ни за что не стану», прошелся нѣсколько разъ, поуспокоился, поднялъ тетрадки, отнесъ ихъ товарищамъ, и въ теченіе остальнаго времени дня и затѣмъ утра слѣдующаго дня не заглядывалъ въ тетрадки, рѣшившись отвѣчать на экзаменѣ то, что Богъ на душу положить. Митрополитъ и двое архіереевъ прибыли на экзаменъ. Не сразу, но вызвали и меня; спокойно вынимаю билетъ; смотрю: *о самоотверженіи*. Ну, думаю, не разгуляешься, а впрочемъ, поплести кое-что можно. Пока двое, вызвавшіе прежде меня отвѣчали, и соображалъ, чего мнѣ плести: припомнилъ подходящія мѣста Писанія, начиная съ классическаго мѣста, приводимаго и въ катехизисѣ, придумалъ себѣ какое-то возраженіе противъ будущихъ своихъ рѣчей о самоотверженіи и, когда очередь дошла до меня, начинаю отвѣчать спокойно, хотя и не покидала меня такая мысль: «Владыка непременно подумаетъ, что инспекторъ *плоховато* составляетъ лекціи». Послушавъ меня, митрополитъ предложилъ какой-то вопросъ; я поговорилъ и былъ отпущенъ отъ стола безъ всякаго видимаго посрамленія. Митрополитъ не первый разъ былъ на экзаменѣ по нравственному богословію и къ плоховатымъ отвѣтамъ по этому предмету уже привыкъ; другихъ отвѣтовъ онъ, можетъ быть, и не ждалъ, потому что очень уменъ и проницателенъ былъ нашъ великій іерархъ.

Лекціи арх. Сергія по догматическому богословію, начавшіяся съ конца 1857 года и слушанныя нашимъ курсомъ изъ его

устъ впервые,—мы окончили курсъ въ 1858 году,—были такъ же безсодержательны. Отличнымъ профессоромъ онъ ни при какихъ обстоятельствахъ и не могъ быть; неодолимое препятствіе этому составляла степень его дарованій. Съ лучшими своими товарищами по курсу (XVI), напр., съ *Ипп. Мих. Богословскимъ-Платоновымъ*, *Алексѣемъ Осип. Ключаревымъ* (впослѣдствіи Амвросіемъ, арх. харьковскимъ), съ *Стеф. Ив. Зерновымъ*, съ *Серг. Коист. Смирновымъ* онъ не могъ идти въ сравненіе, да его никогда и не равняли съ вышепоименованными студентами. По списку онъ всегда былъ ставимъ ниже ихъ. На младшемъ курсѣ онъ былъ по философскому списку *седьмымъ*, по словесности тоже *седьмымъ*, по гражданской исторіи — *одиннадцатымъ*, по греческому языку — *двѣнадцатымъ*. По общему списку перешель онъ съ младшаго курса на старшій шестымъ. На старшемъ курсѣ, несмотря на то, что еще до окончанія курса онъ превратился изъ Николая Ляпидевского въ монаха Сергія, — а это при монашествующемъ начальствѣ всегда, а при не монашествующемъ только иногда, давало въ отношеніи къ мѣсту въ спискѣ нѣсколько очковъ впередъ,—выше пятаго мѣста онъ не стоялъ ни въ одномъ спискѣ, кромѣ списка по поведенію, гдѣ онъ былъ записанъ *вторымъ*, уступая первое мѣсто только *Ипп. Мих. Богословскому-Платонову*, человѣку, сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ не имѣвшему монашескаго настроенія. Быть хорошимъ профессоромъ догматическаго богословія невозможно было и по другимъ, не менѣе уважительнымъ причинамъ. Прослужившему не малое количество лѣтъ (13) по другой каѳедрѣ, арх. Сергію въ возрастѣ лѣтъ подь сорокъ приходилось приниматься за трудъ по каѳедрѣ новой, приниматься при обстоятельствахъ, весьма неблагоприятствующихъ изученію новой науки. У ректора академіи столько неизбѣжныхъ заботъ и административныхъ дѣлъ, что ему, при добросовѣстномъ исполненіи ректорскихъ обязанностей, право же, совсѣмъ нѣтъ времени для изученія новыхъ наукъ. Это понимали и составители новаго академическаго устава, освободивъ ректора отъ каѳедры, но только они не довели свои размышленія по этому предмету до надлежащаго конца. Составители устава возложили на ректора академіи *обязанность* имѣть двѣ лекціи въ недѣлю по предмету, по какому онъ самъ

пожелать. Нужно было *не обязанность* возложить, а только предоставить *право*, отдавъ примѣненіе этого права къ дѣлу на усмотрѣніе самого ректора. Хорошо еще, если новый ректоръ былъ преподавателемъ академіи и успѣлъ изучить свой предметъ: тогда онъ только осуждается на то, чтобъ не двигаться по наукѣ впередъ, застыть на томъ мѣстѣ, на какомъ застало его назначеніе на ректорскую должность. А если онъ никогда не былъ преподавателемъ никакой науки ни въ какой академіи, то положеніе его въ аудиторіи нисколько не будетъ соответствовать его административному значенію. Въ академическихъ аудиторіяхъ очень часто бывають цѣнители совѣтъ развитые, тонкіе, зоркіе; ихъ на пустомъ не проведешь. А если молодые люди получаютъ достаточныя логическія основанія къ тому, чтобъ безъ всякаго,—выражаясь мягко,—уваженія относиться къ ректору, засѣвшему на кафедре: то ничего хорошаго ждать отъ этого невозможно. Точно такъ же не малое недоразумѣніе таится и въ мысли, что на ректоровъ семинарій должно быть возлагаемо, ради большихъ успѣховъ дѣла, преподаваніе такого важнаго предмета, какъ Священное Писаніе. Если бы нужно было понизить успѣхи въ изученіи Св. Писанія, то указанная мѣра соответствовала бы этой цѣли. Важное административное значеніе преподавателя только *препятствуетъ* ему быть хорошимъ преподавателемъ. Чѣмъ больше неотложныхъ стороннихъ наукъ хлопотъ, тѣмъ менѣе должно оставаться свободнаго времени, необходимаго для успѣха преподавательской дѣятельности. Кромѣ недостатка времени есть еще такія стороны въ дѣлѣ, которыя, при большей вдумчивости въ существо дѣла, непременно должны были бы обратить на себя вниманіе и отвести составителей устава отъ новоизмышленнаго средства увеличивать успѣхи семинаристовъ въ дѣлѣ изученія Свящ. Писанія. На ректорскую должность въ семинаріяхъ обыкновенно назначаютъ людей, не сидящихъ долго на одномъ мѣстѣ,—назначаютъ болѣе или менѣе молодыхъ монаховъ, которыхъ только при стеченіи какихъ-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ долго оставляють на одномъ мѣстѣ. Какого же можно ждать успѣха отъ людей, которые едва успѣють освоиться съ дѣломъ, какъ уже переставляються на высшее служеніе? А на мѣсто выбыв-

шаго появится опять новичекъ. Частую смѣну учителей сира-ведливо находятъ вредною даже и для сельскихъ школъ и правильно жалуются на невозможность хорошо поставить дѣло обученія, когда учителя то и дѣло уходятъ на пастбища, болѣе сытныя. Худо положеніе и ректора не монаха. Не монахи возводятся на ректорскую должность послѣ долгой службы, лѣтъ черезъ двадцать, или даже болѣе. Въ продолженіе долгой службы хорошо освоится преподаватель съ предметомъ своего преподаванія и приобрѣтетъ навыкъ влагать въ умы учащихся и много, и скоро, и легко. За отличную службу назначаютъ его на высшее мѣсто въ семинаріи, и онъ поступаетъ на предметъ *важный*, но для него совсѣмъ новый, и долженъ все начинать сначала, изъ учителя бывалаго и хорошо знающаго свое дѣло превращается въ неопытнаго, не знающаго, — и превращеніе это должно происходить только въ качествѣ жертвы въ честь силлогизма, бѣлая посылка котораго гласитъ: «преподаваніе важнаго въ семинарскомъ образованіи предмета можетъ быть успѣшнымъ *только тогда*, когда онъ преподается важнымъ въ административномъ отношеніи лицомъ». Ну, право же, посылка силлогизма никуда не годится; она совсѣмъ не стоитъ приносимой для нея жертвы.

Возвращаюсь къ преподаванію догматическаго богословія архим. Сергіемъ. Читатели уже знаютъ, что преподаваніе его и не могло быть хорошимъ. Даже самъ А. В. Горскій, вынужденный, къ нѣкоторому посрамленію значенія церковно-историческихъ наукъ, перейти изъ совершенно *родной* ему области церковной исторіи въ *не чуждую* ему область догматики, много утратилъ въ своемъ профессорскомъ достоинствѣ. Ему совсѣмъ не доставало времени для обработки лекцій по догматикѣ; приходилось, большею частію, ограничиваться экскурсіями въ область церковной исторіи, излагать *исторію* догматики. Важна, конечно, исторія догматики; но это не сама догматика, а только частица *введенія* къ ней.

Возвращаюсь къ разсказу о бѣдѣ, приключившейся съ диссертацией Иванцова. Мы уже знаемъ, что диссертация была *исчеркана* митрополитомъ; другихъ, болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣлѣ мы не услыхали отъ ректора. Ректоръ предло-

жилъ, въ виду постигнувшей Иванцова неудачи, перевести его съ *перваго* мѣста въ списокъ на *второе*. Это предложеніе было неожиданно. Съ одной стороны, изъ ректорскаго предложенія вытекало, что грѣхъ Иванцова не принадлежитъ къ разряду очень великихъ грѣховъ: предлагаютъ не изъятіе Иванцова изъ списка магистрантовъ, не лишаютъ его права получить за диссертацию степень магистра, а только предлагаютъ пизвести его на *второе* мѣсто въ ряду *пятнадцати* остальныхъ кандидатовъ на магистерскую степень. Значить, чего - либо *зловреднаго* въ его диссертациі нѣтъ: будь въ диссертациі что-нибудь зловредное, то-есть, не согласное съ православнымъ ученіемъ, съ духомъ церковнымъ, или даже просто что - нибудь нехорошее съ какой бы то ни было точки зрѣнія. — низведеніе съ *перваго* мѣста на *второе* не имѣло бы никакого смысла, потому что было бы *чрезмѣрно-недостаточнымъ* наказаніемъ для Иванцова. И ректоръ не осмѣлился бы предлагать такое ничтожное возмездіе, и митрополитъ не согласился бы ограничиться имъ. Видимъ, что дѣло Иванцова не такъ еще плохо, какъ можно было бы предполагать по употребленію слова «исчеркалъ». Мы вздохнули полегче и нашли, что не безнадеженъ будетъ протестъ противъ пониженія Иванцова на *одно* мѣсто. Протестовать было изъ-за чего. Во-первыхъ, академія, по нашему убѣжденію, не должна была ни въ какомъ случаѣ упускать Иванцова. Онъ долженъ остаться при академіи, войти въ составъ преподавателей; а между тѣмъ мѣсто въ академіи было только одно; свободна была только кафедра психологіи. Во - вторыхъ, въ наши головы никакъ не вмѣщалась мысль, что Иванцовъ долженъ занять не свое *постоянно первое* мѣсто. Болѣе всѣхъ говорилъ объ этомъ и болѣе всѣхъ горячился впечатлительный и пылкій А. В. Горскій. Онъ, какъ и другіе, очень высоко цѣнили Иванцова; у него была и *своя* особая, вполне уважительная причина ближе всѣхъ принять къ сердцу дѣло Иванцова. Онъ болѣе чѣмъ другіе имѣлъ свѣдѣній о содержаніи диссертациі Иванцова. Это произошло такъ. По разнымъ вопросамъ, возникшимъ въ умѣ Иванцова при писаніи диссертациі, — диссертациія была на тему: «о православіи», — Иванцову приходилось обращаться за совѣтами къ своему профессору, давшему тему, то-есть, къ ректору. Ректоръ, понимая,

что ему быть руководителемъ Иванцова совѣтъ не приходится по причинамъ, какъ уже знаютъ читатели, весьма достаточнымъ, всегда отсылалъ Иванцова къ всезнающему церковному историкъ А. В. Горскому. Во время многократныхъ бесѣдъ съ Иванцовымъ *послѣдняго года* А. В. Горскій болѣе всѣхъ остальныхъ профессоровъ получилъ свѣдѣнїи и о содержанїи, и о достоинствахъ диссертаци; онъ одинъ присутствовалъ при процессѣ работъ Иванцова въ теченїе послѣдняго года. Остальные, вступаясь за Иванцова, дѣйствовали только на основанїи твердой увѣренности, что Иванцовъ, истинный мастеръ и въ области мысли и въ дѣлѣ ея изложенїя, даже и при отсутствїи всякаго руководства, не могъ написать нехорошо, тѣмъ болѣе, что и тема диссертаци была вполне по плечу такому богослову-философу, какимъ былъ авторъ. Ректоръ стоялъ на своемъ, мы на своемъ. Послѣ долгихъ споровъ ректору пришлось употребить въ дѣло такой аргументъ: «придетъ владыка на публичный экзаменъ, увидитъ, что Иванцовъ не смѣщенъ съ перваго мѣста, тогда всѣмъ намъ на экзаменѣ будетъ горе». Правда, что *горе* могло быть не малое въ случаѣ митрополичьяго гнѣва. Мы хорошо помнили, что не задолго до 1860 года,—года окончанїя Иванцовымъ академическаго курса, владыка расходился на экзаменѣ до такой степени, что преподаватель, хотя и молодой, но весьма умный, тщательно обработавшїй лекціи, предназначенныя для публичнаго экзамена, и даже имѣвшїй предосторожность прежде появленїя передъ слушателями-митрополита провести свои лекціи черезъ строгую, даже придиричивую критику самого А. В. Горскаго, доведенъ былъ замѣчанїями митрополита, лившимися съ его устъ непрерывнымъ, всесокрушающимъ потокомъ,—доведенъ былъ до состоянїя, едва ли гдѣ виданнаго посѣтителями публичныхъ экзаменовъ: стоя въ нишѣ окна академической залы, сбоку митрополита, лицомъ къ многочисленной публикѣ, онъ проливалъ слезы, и всѣ мы видѣли, какъ бѣжали эти слезы по щекамъ профессора и падали на полъ. Если бы суровыя замѣчанїя митрополита были просто вспышками, окриками властнаго лица—это было бы еще полбѣды. Тяжелѣе всего было то, что слова митрополита сопровождались такими твердыми доказательствами и указанїями, оспаривать которыя

не было *возможности*. Въ томъ-то и была главная бѣда, что не оставалось даже утѣшенія сказать себѣ, что владыка раскричался понапрасну. Лицо, о которомъ я рассказываю, здравствуетъ и можетъ откликнуться. Не велика радость при публичкѣ выслушать относительно своихъ лекцій и слѣдующій приговоръ, слышанный во время публичнаго же экзамена профессоромъ, теперь уже умершимъ. Долго и молчаливо слушая отвѣчавшихъ студентовъ, митрополитъ, наконецъ, произнесъ: «если бы мнѣ предоставлено было выбрать: или учить такія лекціи, или идти на каторгу, я предпочелъ бы каторгу».

Нѣчто подобное могло произойти и съ нами: но указаніе на эту бѣду не на всѣхъ насъ оказало ожидаемое дѣйствіе. Экзамень публичный падалъ на два дня; не всѣ изъ насъ должны были предстать на экзамень *перваго* дня передъ грозныя митрополичьи очи; для многихъ очередь падала на *второй* день; въ первую очередь долженъ былъ пойти самъ ректоръ. Послѣдующіе за нимъ могли руководиться такимъ же психологическимъ соображеніемъ, каковымъ руководился праотецъ нашъ Іаковъ при встрѣчѣ съ грознымъ для него братомъ Исавомъ, именно соображеніемъ, что *первый, второй и третій* отряды домочадцевъ и стадъ, посланные Исаву на встрѣчу, можетъ быть, и падутъ отъ меча разгнѣваннаго брата, а тѣмъ временемъ пылъ брата охладѣетъ, и *остальные уцѣлѣютъ*. Но ректоръ упрямо стоялъ на своемъ предложеніи; *можно* было подумать, что онъ очень опасается *за себя*. Послѣ споровъ, продолжавшихся по малой мѣрѣ часъ, сердобольный А. В. Горскій сдался первый. Можетъ быть онъ вспомнилъ, что уже и прежде, когда арх. Сергій былъ инспекторомъ, ему грозила опасность недобровольнаго удаленія изъ академіи. Сергія не любилъ митрополитъ Филаретъ, и уже были рѣчи о замѣнѣ Сергія Михаиломъ (*Лузинымъ*, впоследствии епископомъ курскимъ). Но кто-то во-время шепнулъ митрополиту, что Михаилъ *либерально* читаетъ лекціи и куритъ *табакъ*. Дѣло о замѣнѣ одного инспектора другимъ остановилось по этой именно причинѣ, хотя оно и дошло было уже до переговоровъ между ректоромъ (Евгеніемъ Сахаровымъ-Платоновымъ), А. В. Горскимъ и П. С. Казанскимъ, моимъ роднымъ дядею, отъ котораго я и зналъ объ этомъ.

Я сказалъ уже, что А. В. Горскій сдался первый; за нимъ сдались и остальные. Итакъ, вотъ при какихъ обстоятельствахъ мы своими руками смѣстили А. И. Иванцова съ перваго мѣста на второе. Списокъ студентовъ явился во второмъ *исправленномъ* изданіи. Жертва была принесена.

Но мой длинный разсказъ объ этомъ дѣлѣ еще не теперь пмѣть конецъ. Нежданное смѣщеніе Иванцова стало предметомъ оживленныхъ толковъ и между профессорами и между студентами. Вѣсть о томъ, что Иванцовъ *сплоховалъ* на диссертациі, ни у кого не встрѣчала довѣрчиваго приѣма. Пошли разныя догадки, подоспѣли нѣкоторые новыя свѣдѣнія, и дѣло понемногу начало проясняться. Оказалось, что на Иванцова и на Рендовскаго послѣ святой недѣли пали подозрѣнія, для нихъ весьма невыгодныя. Въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1860 годъ, въ статьѣ «Петербургская жизнь. Замѣтки новаго поэта» напечатаны были «двѣ небольшія», какъ сказано въ оглавленіи замѣтокъ, «но обличительныя повѣсти: *о чаѣ и о лъкарѣ*». (Дѣйствіе въ заголовкѣ, въ одномъ учебномъ заведеніи). Въ этихъ повѣстяхъ шелъ разсказъ о происшествіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ московской духовной академіи въ 1859 году. Заведеніе не было названо *по имени*, но описано такими чертами, которыя ни въ комъ, слыхавшемъ о существованіи московской духовной академіи, не могли оставить сомнѣнія по вопросу, о какомъ учебномъ заведеніи идетъ рѣчь. Разстояніе заведенія «отъ большого стариннаго города» показано въ *семидесяти* верстахъ; оно *не принадлежитъ* вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія; воспитанники его *не дѣти*, а уже молодые люди отъ семнадцати до двадцати лѣтъ и болѣе; въ училищѣ только *два курса* — *старшій и младшій*. Однимъ словомъ, и сторонній читатель не могъ отнести разсказовъ ни къ какому другому заведенію, кромѣ московской духовной академіи; а мы, не сторонніе читатели, были и *свидѣтелями* событій, о которыхъ шла рѣчь въ «двухъ повѣстяхъ». Статья *винила* начальника заведенія въ томъ, что на подаренныя студентамъ однимъ значительнымъ лицомъ (Филаретомъ, арх. черниговскимъ) деньги, въ количествѣ 200 рублей серебромъ, ректоръ купилъ не книги, чего желали студенты, а чаю, и притомъ *спитого*; «чай развѣшивалъ и надписи дѣ-

Залъ *самъ* попочительный *начальникъ* съ своимъ фаворитомъ, а въ деньгахъ никакого отчета не далъ»; въ томъ, что онъ, по родственнымъ разсчетамъ, выбралъ на открывшуюся вакансію академическаго врача не того изъ троихъ конкурентовъ, который былъ профессоромъ медицинской академіи и имѣлъ степень доктора медицины и хирургіи, и не того, который имѣлъ степень доктора медицины, а лѣкаря, «невѣжество котораго было очевидно для всѣхъ»; за то, что «правда не существуетъ въ этомъ темномъ захолустѣ», гдѣ «обманъ и ложь на каждомъ шагу»; «сукно значится въ контрактѣ по 3 рубля аршинъ, а шьютъ платье изъ сукна въ 1 р. 20 к. Сукно гнилое: скоро вытерлось или изорвалось»; воспитанники жалуются, а начальство: «кто зачинщики? Кто смѣетъ быть недовольнымъ?» Нѣкоторые изъ воспитанниковъ просятъ, чтобъ имъ выдали вмѣсто бѣлья положенныя на это деньги, на которыя можно пріобрѣсти сколько-нибудь сносное бѣлье,—начальство говоритъ: барышники!» «Подаютъ за столомъ тухлую говядину, воспитанники жалуются,— начальство отвѣчаетъ: «опять неповиновеніе!» «Начальство пишетъ въ отчетахъ: вышло семьдесятъ пудовъ воска для натиранія половъ, которыхъ никогда не натираютъ». «Вышло 70 пудовъ ламповаго масла для освѣщенія, хотя только одна комната освѣщается небольшою лампой, а для занятій воспитанниковъ отпускаются сальные свѣчи».

Во *всемъ* статья винить одного ректора, тщательно и неоднократно выгораживая инспектора (архим. Порфирія Попова), являющагося въ статьѣ «добродушнымъ помощникомъ начальника», «не имѣющемъ ни капли той *хитрости*, *которая большинствомъ принимается за умъ*», «человѣкомъ честнымъ и хорошимъ». Изъ другихъ лицъ тогдашняго академическаго личнаго состава упоминаются въ качествѣ дѣятелей третьестепенныхъ «хитрый секретарь» и еще «фаворитъ», онъ же и «помощникъ помощника начальника», по-просту суб-инспекторъ, «исполнявшій обязанность наблюдателя за духомъ воспитанниковъ».

Нечего и говорить, что статья «Современника» произвела переполохъ. Ее читалъ и митрополитъ. Начались розыски автора, или авторовъ. Подозрѣніе въ авторствѣ *пало* на Иванцова и на Репловскаго. Хотя первый по сдержанности своего характера

держался осторожно во время студенческих волнений, вызванных исторіею съ покупкой чая и исторіею съ лѣкаремъ, но ректору хорошо было извѣстно, что Иванцовъ всегда былъ въ полномъ смыслѣ *главою и руководителемъ* курса, а Репловскій, натура горячая, совсѣмъ несдержанная, всегда ораторствовалъ больше другихъ, да и *писывать* статейки началъ рано. Студенты *сами* не знали, *кто* писалъ статью. Дѣло сдѣлано было такъ осторожно, что изъ студентовъ знали объ этомъ дѣйствительно только *одинъ* — самъ авторъ статьи. Случайно, уже въ восьмидесятихъ годахъ, я встрѣтился съ нимъ; разговорились. Онъ рассказалъ мнѣ, что писалъ статью онъ, а доставилъ статью Панаеву (новому поэту) такой-то. Этотъ такой-то дѣйствительно былъ въ 1860 году «господиномъ среднихъ лѣтъ и почтенной наружности», какъ изобразилъ его Панаевъ въ предисловіи къ повѣстямъ «о чаѣ и лѣкарѣ». На истиннаго автора статьи не только не пали подозрѣнія ректора, но даже и *не могли* пасть. Я не назову автора; онъ здравствуетъ и, если захочетъ, можетъ самъ откликнуться. Иванцову и Репловскому ректоръ объявилъ по окончаніи курса, чтобъ они не пытались искать для себя мѣсть въ *московской* епархіи: «Мѣсто въ ней, прибавилъ онъ, вы *никогда* не получите».

Иванцову, по окончаніи всѣхъ экзаменовъ, *исчерканное* сочиненіе выдано было для *исправленія*. Передѣлывать его не оказалось ни малѣйшей нужды. Подчеркнуты были нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, въ произведеніяхъ тогдашней духовной литературы не употреблявшіяся. Замѣнить ихъ фразами «казенными», какъ послѣ выражался А. М. — чѣ, было очень не трудно и времени на это потребовалось очень мало, такъ что *исправленіе* Иванцовымъ диссертациі нисколько не задержало дѣла о возведеніи лучшихъ студентовъ XXII курса въ степень *магистра*, и А. М. Иванцовъ-Платоновъ, по *ходатайству митрополита Филарета*, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 23-го августа того же 1860 года *утвержденъ былъ*, вмѣстѣ съ прочими своими однокурсниками въ степени магистра богословскихъ наукъ. Ясно, что *исчерканная диссертациія была* очень хороша и никакимъ важнымъ укорамъ со стороны митрополита не подлежала. Въ противномъ случаѣ Александру

Михайловичу неизбежно было бы или получить *вместо магистерской кандидатскую* степень, или же неизбежно было бы перерабатывать ее, и дѣло объ исходотайствованіи ему ученой степени была бы *выдѣлено* изъ дѣла о возведеніи остальныхъ воспитанниковъ XXII курса въ ученую степень.

Если читатель, имѣвшій терпѣніе до сихъ строкъ дочитать мою статью, подумаетъ, что насъ *провели лихо*, а митрополита *обманули жестоко*, то я никакихъ возраженій противъ такого вывода представлять не буду и даже позволяю себѣ предположить, что на публичныхъ экзаменахъ 1860 года мы *оба дня* просидѣли бы тихо, безъ всякой бури.

Надѣлавшія такого перенолоха и такъ повліявшія на дальнѣйшую судьбу А. М.—ча «повѣсти о чаѣ и о лѣкарѣ» могли бы получить въ то время значительное дополненіе и продолженіе со стороны многихъ преподавателей нашей академіи. Исторія выбора лѣкаря ближайшимъ образомъ задѣвала наши кровные интересы. Крайняя скудость нашего жалованья, — бакалавры (доценты) получали тогда тридцать пять рублей семьдесятъ пять копеекъ, а до 1859 года—29 руб. въ *мѣсяцъ*, безъ малаго по рублю въ день,—не давала намъ возможности лѣчиться ни у кого, кромѣ академическаго врача, обязаннаго *безплатно* подавать намъ медицинскіе совѣты. Когда послѣ первыхъ же опытовъ мы ясно увидали, что нашъ врачъ *безпримѣрно плохо* знаетъ свое дѣло: мы стали крѣпко возмущаться противъ выбора такого врача. Наши интересы принесены были ректоромъ въ жертву его матримоніальнымъ родственнымъ попеченіямъ. *Вообще* образъ дѣйствій ректора вызывалъ въ академической корпораціи сильное противъ него раздраженіе. Бывши студентами, мы худо думали о нравственномъ и умственномъ цензѣ своего инспектора Сергія, но, вступая въ среду преподавателей мы,—насъ, однокурсниковъ, *четверо* было, — никакъ не ожидали встрѣтить въ *пожилыхъ* преподавателяхъ такую степень недовольства ректоромъ. Оказалось, что за самыми малыми исключеніями всѣ смотрѣли на него худо, различаясь между собою только степенью сдержанности въ отзывкахъ. Прежде я даже и не слыхивалъ, чтобы какого-нибудь ректора или вообще какого-нибудь начальника подчиненные называли между

собою уменьшительной кличкой нѣсколько браннаго характера, а тутъ, въ небольшомъ впрочемъ кружкѣ, эта кличка употреблялась *каждый разъ*, какъ заходила рѣчь о ректорѣ. Кромѣ меня, живы еще и другіе свидѣтели этого *совершенно* необычнаго явленія. Другую, тоже нигдѣ мною не видавшую и не слышанную форму выраженій чувствъ къ ректору, придумалъ для себя многоуважаемый А. Θ. Лавровъ, впоследствии архіепископъ литовскій Алексій. Перваго октября, въ день академическаго праздника, всегда устроился въ ректорскихъ комнатахъ обѣдъ. Простоявъ литургію, просидѣвъ не короткій торжественный актъ, сѣли мы за обѣдъ, во время котораго А. Θ. Лавровъ *не снималъ* салфетку съ своего прибора и утолялъ естественный въ эти часы дня голодъ *только* водою. Когда я, ближайшій его сосѣдъ по квартирѣ, — наши квартиры имѣли одни общія сѣни, — шутить ему въ глаза, что морить себя голодомъ часовъ до четырехъ вечера, да еще въ большой праздникъ, совсѣмъ нѣтъ резонно, онъ отвѣчалъ: «не хочу ѣсть краденаго». Сергію извѣстны были чувства, питаемая въ отношеніи къ нему А. Θ. Лавровымъ, и преосвященному Алексію, то-есть тому же Лаврову, пришлось поплатиться за нихъ по смерти. По случаю проѣзда преосв. Сергія въ Петербургъ ему поручено было заѣхать и въ Вильну для отдаванія послѣдняго долга почившему тогда виленскому архипастырю Алексію. Одинъ изъ нашихъ профессоровъ ѣздилъ на похороны по порученію академіи, пожелавшей въ лицѣ этого профессора воздать почившему послѣднее поклоненіе. Отъ него мы знаемъ, что со стороны хоронившаго сдѣлано было очень *многое* для уменьшенія выраженія того почета, какимъ виленцы желали окружить тѣло своего архипастыря. Мы и *ждали*, что произойдетъ такъ, какъ случилось. Какъ прочно было наше настроеніе въ отношеніи къ своему ректору Сергію, нагляднымъ подтвержденіемъ этому служитъ такой случай. Товарищъ Сергія по академическому курсу С. К. Смирновъ въ первый же годъ своего ректорства предложилъ избрать въ почетные члены академіи преосвященнаго Сергія и преосвященнаго Амвросія харьковскаго. Дѣло проходило въ 1878 году, черезъ *восемнадцать* лѣтъ по выходѣ Сергія изъ академіи. Закрытой баллотировкой преосв. Амвросій былъ из-

бранъ *единогласно*, а преосв. Сергій былъ *забаллотированъ*, и это былъ *единственный* въ нашей академіи случай забаллотирования архіерея, и притомъ человѣка, прослужившаго въ академіи цѣлыхъ *шестнадцать* лѣтъ. Правда, что черезъ шесть лѣтъ послѣ этого происшествія (1884 г.) тотъ же ректоръ С. К. Смирновъ возобновилъ попытку избранія архіен. Сергія въ почетные члены академіи, и она *удалась*: но удалась только потому, что въ 1884 году новый уставъ академическій, выработанный въ комитетѣ, отданномъ подъ предѣдательство архіен. Сергія, уничтожилъ *закрытую баллотировку*, а при *открытой* подачѣ голосовъ мы не имѣли *мужества* подавать голоса противъ человѣка, которымъ преосв. Алексій виленскій давно уже *пулялъ* академію, предрекая, что онъ будетъ митрополитомъ московскимъ. Говорить противъ него при *твердой* увѣренности, что *буквально* каждое слово непременно будетъ ему передно однимъ изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи, — *гражданскаю мужества* у насъ на это не хватило. Правда, что ни одинаго звука устами мы не издали на вопросъ предѣдателя: „согласны ли“? но наши безмолвные кивки головами во всякомъ случаѣ не свидѣтельствовали о нашей гражданской доблести *).

Своихъ чувствъ къ ректору мы не скрывали; онъ платилъ намъ тѣмъ же, съ прибавкою такихъ озлобленій, какія могутъ

*) По этому случаю мнѣ хочется привести изъ одного письма И. С. Аксакова къ А. М. Иванцову слѣдующія слова: „Какова бы ни была моя дѣятельность съ точки зрѣнія политической и житейской мудрости, она была несомнѣнно всегда искренна и безкорыстна въ широкомъ смыслѣ этого слова. Да, дай Богъ, чтобъ вашимъ питомцамъ пришлось, говоря вашими словами, „сослужить Россіи такую же службу, какую сослужили предшественники ихъ за Дунаемъ и за Кавказомъ“; но не дай Богъ, чтобы эти подвиги военной доблести и самоотверженія шли, какъ въ наши дни, *бокъ-о-бокъ съ гражданскою трусостью и безнравственностью*. Больше чѣмъ въ военной доблести, въ неуклонномъ исполненіи воинскаго долга и требованій воинской чести,—нуждается Россія въ доблести, въ честности *гражданской*. Я разумѣю честность не только *писавшую*, но и *активную*, дѣятельную, воинствующую. Вотъ чего *особенно* нужно Россіи, и чего она *ждетъ* отъ подрастающаго, намъ на смѣну, молодого поколѣнія. И если на душу хоть одного изъ юныхъ сихъ благотворно подѣйствовалъ весь *последній казусъ* моей жизни, я былъ бы вполне утѣшенъ“.

Дата: село Варварино, 25 сентября 1878 г.

находиться въ рукахъ только у начальника, а никакъ не у подчиненныхъ. Но и на этомъ пути руки у него были значительно связаны. Его предшественники по ректорству Алексій (Ржаницынъ) и Евгений (Сахаровъ-Платоновъ) не могли внушить митрополиту надлежащаго довѣрія къ инспектору Сергію; оба они *очень* не любили Сергія. Первый, хотя и вологжанинъ, былъ однакоже въ практической жизни много *тоньше* Сергія; всѣ тонкости и ухищренія послѣдняго онъ видѣлъ насквозь и издѣвался надъ нимъ. Евгений, *чуждый* всякаго лукавства, питалъ природное отвращеніе ко всѣмъ хитрящимъ людямъ. Намѣстникъ Лавры—Антоній, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ митрополита, относился къ Сергію такъ же весьма недовѣрчиво, и, конечно, никогда не пытался утвердить митрополита въ довѣрїи къ ректору. Шестнадцатилѣтнее пребываніе въ академіи при недостаткѣ довѣрія со стороны митрополита, при худыхъ отношеніяхъ двоихъ ректоровъ-предшественниковъ, при разладѣ съ профессорами и студентами, вѣроятно, успѣло сильно надѣять и самому Сергію и внушить ему желаніе поскорѣе вырваться изъ академіи. Исторіи со студентами, весною 1860 г. скандально оглашенныя въ печати, должны были послужить къ скорѣйшему удаленію ректора изъ академіи. Въ этомъ же году и состоялось назначеніе архим. Сергія на курекую епархію. Дѣ помощники себѣ по управленію епархіею митрополитъ не взялъ Сергія, какъ бралъ обоихъ предшественниковъ его по ректорской въ академіи должности,—и Евгенія (Сахарова-Платонова) и Алексія (Ржаницына). Мы не скрывали своей радости по поводу разлуки: зато и архим. Сергій не скрылъ отъ насъ своего благодаренія Богу зато, что «вырвался, наконецъ, изъ этого *омута*», какъ онъ выразился при отъѣздѣ. Настало послѣ него спокойное, твердое, благоразумное и благожелательное управленіе архим. Саввы, вполнѣдствіи архіепископа тверскаго. Кратковременно было его управленіе: оно продолжалось менѣе двухъ лѣтъ, но успѣло оставить по себѣ самыя добрыя воспоминанія *). Для преемника

*) Эти добрыя воспоминанія остались живы и сильны въ академіи и черезъ *тридцать* лѣтъ по выходѣ архим. Саввы изъ ректоровъ академіи. Съ рѣдкою силою они выразились въ день празднованія пятидесятилѣтія священства высокопреосвященнаго Саввы. (См. „Тверскія Епарх. Вѣдомости“ за 1892 годъ).

архим. Сергія академія стала *дорогимъ* и роднымъ мѣстомъ, которое онъ посѣщаль съ любовью, и которое его всегда встрѣчало съ самыми добрыми и почитательными чувствами. Такія отношенія продолжались до самой смерти архіепископа Саввы. Да, для кого—*дорогое* мѣсто, а для кого — *омуть*. «Омуту» и населенію его внослѣдствіи пришлось поплатиться не мало: но что было *польз*, то намъ *теперь* не нужно. Мнѣ только нужно было дать читателямъ *твердыя основанія* для правильнаго сужденія о томъ, почему краса академіи — Иванцовъ въ концѣ курса *какъ-будто* «сплоховаль», и почему строгій, тонкій и проницательный цѣнитель умственныхъ дорованій — митрополитъ Филаретъ *какъ-будто* разошелся съ своей академіей въ оцѣнкѣ талантовъ Иванцова. Думаю, что *теперь* никто уже не въ правѣ будетъ укорить за этотъ случай митрополита Филарета. Думаю и то, что *теперь* ни одинъ изъ *неправдивыхъ* историковъ уже не въ силахъ будетъ напускать на пятидесятые годы дѣятельности архим. Сергія того густого тумана, какой съ такимъ усердіемъ напускается на послѣднія десятилѣтія его дѣятельности, превращая исторію въ миѳологію. Да послужить это разъясненіе *случившагося съ студентомъ Иванцовымъ* исполненіемъ нравственнаго долга въ отношеніи къ *Иванцову историку*, исполненіемъ долга дѣятельнаго противленія распространенію историческихъ *неправдъ* и откликомъ на слова глубоко-чтимаго Ив. Серг. Аксакова.

Мнѣ очень хочется связать на будущее время съ именемъ Александра Михайловича и другое, вполне справедливое, законное и честное дѣло, для читателей исторіи весьма не безразлично. Къ своей родовой фамиліи А. М.—чь присоединилъ въ академіи прибавку—*Платоновъ*. Эта прибавка дана была ему за два года до окончанія ученія, при переходѣ съ младшаго на старшій курсъ, въ 1858 году; въ преполовеніе же полнаго четырехлѣтняго курса эта прибавка давалась и одному студенту каждаго предшествующаго курса; и я, студентъ XXI курса, получилъ ее при переходѣ съ младшаго курса на старшій, въ 1856 году. Такую же прибавку надлежало дать въ 1860 году одному изъ лучшихъ студентовъ XXIII курса, или Воронову Александру Дмитриевичу, внослѣдствіи профессору кievской ду-

ховной академіи, или Терновскому Филиппу Алексѣевичу, въслѣдствіи профессору кievской же духовной академіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кievскаго университета. Ректоръ Сергій не пожелалъ сдѣлать это, онъ уничтожилъ самую прибавку и на времена послѣдующія, *до дня сего*. Онъ совершилъ дѣяніе *противузаконное въ точномъ смыслѣ* этого слова, и его дѣяніе должно быть уничтожено на *точномъ основаніи дѣйствующихъ законовъ*. Объясню дѣло.

Московская духовная академія, открытая вмѣсто старой славяно-греко-латинской академіи, наслѣдовала отъ старой и ея финансовыя средства, до 80,000 рублей ассигнаціями (а на серебро около 23,000 рублей), *а въ числѣ ихъ* десять билетовъ опекунскаго совѣта на сумму 18,660 рублей (съ копейками), положенную *на вѣчное время* въ пользу старой академіи разными благотворителями, а именно:

1) Билетъ митрополита Платона въ 4000 р. асс. на содержаніе процентами съ него *отличныхъ воспитанниковъ* славяно-греко-латинской академіи, подъ именемъ *Платониковъ*. Данъ въ 1789 году, 2 августа.

2) Билетъ въ 1500 руб. асс., положенный *въ пользу бѣдныхъ учениковъ* 31 декабря 1790 года правленіемъ славяно-греко-латинской академіи.

3) Билетъ въ 1539 руб. 80¹/₂ коп. асс., поступившій *по завѣщанію* коллежской ассессорши Натальи Косьминичны Твердышевой въ 1795 году апрѣля 10, *на содержаніе бѣдныхъ учениковъ академіи*.

4) Билетъ въ 500 руб. асс., пожертвованный 15 октября 1796 года вдовствующею генераль-поручицею Марією Семеновной Римскою-Корсаковой *въ пользу самобѣднѣвшихъ учениковъ въ бурствѣ*.

5) Билетъ въ 35 р. 71 к. асс., данный *на тотъ же предметъ по завѣщанію* г. Твердышевой 1799 года сентября 28.

6) Билетъ въ 500 р. асс., графа Федора Андреевича Остермана, данный 5 февраля 1802 года для награжденія процентами съ него воспитанниковъ, отличившихся благонаравіемъ. Въ 1815 году, по предписанію комиссіи духовныхъ училищъ, проценты съ сего билета назначено употреблять на покупку книгъ для награды отличившихся благонаравіемъ студентовъ академіи.

7) Билетъ въ 1085 р. асс., *по завѣщанію* архангельскаго епископа Аполлоса, данный 1 іюля 1802 года *на содержаніе процентами бѣдныхъ учениковъ въ бурсы*.

8) Билетъ въ 5000 р. асс., пожертвованный 1806 года августа 9 отставнымъ подпоручикомъ гвардіи Василиемъ Григорьевичемъ Богдановичемъ на тотъ предметъ, «чтобы получаемыя съ него ежегодно процентныя деньги раздавались отъ начальства академическаго пяти человѣкамъ учащимся въ пособіе ихъ содержанія и въ награду за ихъ особенныя успѣхи въ наукахъ при добродѣтельномъ поведеніи жизни».

9) Билетъ въ 500 р. асс., Серафима, архіепископа тверскаго, назначившаго проценты съ него употреблять въ награду успѣвнѣйшимъ и способнѣйшимъ къ проповѣданію слова Божія.

10) Билетъ въ 4000 р. асс., поступившій *по завѣщанію митрополита Платона* 27 іюня 1813 года, на содержаніе отличныхъ воспитанниковъ славяно-греко-латинской академіи.

Правленіе московской духовной академіи, при самомъ открытіи ея получивъ отъ старой академіи эти и другія деньги, опредѣлило *тогда же*, чтобы на проценты съ суммы митрополита Платона *содержать въ академіи двухъ отличныхъ* по ученію и благонавію студентовъ, *сверхъ* штатнаго числа оныхъ, *которымъ въ память покойнаго и для всеобщаго исполненія его учрежденія именоваться Платоновыми*. Представленіе правленія академіи *было утверждено* въ двухъ инстанціяхъ: сначала Августиномъ, архіепископомъ московскимъ, а затѣмъ и комиссіею духовныхъ училищъ. Съ 1815-го года и до 1824-го включительно воля завѣщателя была исполняема *свято*, а послѣ 1824-го года исполненіе ея было прекращено одновременно съ выходомъ изъ академіи ректора архимандрита Кирилла, который и самъ имѣлъ прибавочную фамилію *Богословскій-Платоновъ* *).

*) Онъ былъ мнѣ дѣдушка² (родной братъ моей бабушки). Прибавочную фамилію получилъ онъ въ Троицкой лаврской семинаріи, изъ которой поступилъ на первый курсъ новооткрытой тогда петербургской духовной академіи; по окончаніи академическаго курса получилъ степень магистра и должность бакалавра (доцента) въ академіи по церковной исторіи. Ректоромъ московской духовной академіи пробылъ пять лѣтъ (1819—1824 г.); затѣмъ былъ викаріемъ московской епархіи (1824—1827 г.), епископомъ вятскимъ (1827—1832 г.)

Изъ дѣлъ академіи видно только, что въ продолжительное (съ ноября 1824 г. по декабрь 1835 г.) ректорствованіе Кириллова товарища и преемника Поликарпа Гайтаникова (или, по петербургскимъ спискамъ, Гойтаникова) проценты съ Платоноваго капитала сначала (1825—1830 г.) прилагались къ остальнымъ суммамъ (*достойно не малою удивленія!*), а съ 1831 года до 1837 года вовсе не были взимаемы изъ опекунскаго совѣта (*не меньше достойно удивленія!*). Въ 1837 году дѣло дошло до свѣдѣнія митрополита Филарета. Само собою разумѣется, что онъ не могъ потерпѣть такого удивительнаго административнаго безобразія. Правленіе академическое вошло къ нему съ представленіемъ, въ которомъ просило у митрополита разрѣшенія употреблять ежегодно проценты съ суммы митроп. Платона *на напечатаніе* лучшихъ студенческихъ сочиненій. На представленіи митрополитъ написалъ *): „*Завѣщаніе должно исполнять, какъ можно, согласно съ волею завѣщателя: а потому не могу согласиться перемѣнить оное безъ нужды, такъ какъ не одобряю и того, что академическое правленіе перестало исполнять оное, нарушивъ вѣстѣть и предписаніе комисіи духовныхъ училищъ. Посему учинить слѣдующее: 1) проценты впредь получать ежегодно и на оныя, есть ли нельзя двухъ, то одного воспитанника согласно съ волею завѣщателя содержать; 2) проценты, накопившіеся до сихъ поръ, можно употребить на напечатаніе полезныхъ книгъ, и сумму, какая отъ сего оборота получится, употреблять на тотъ же оборотъ*“. Благодаря тому, что имѣли неосторожность заявить митрополиту Филарету о положеніи этого дѣла и о своемъ отношеніи къ нему, академическія власти были тотчасъ же обращены владыкою къ исполненію своего прямого долга. Тотчасъ же въ стипендіаты митрополита Платона былъ избранъ первый сту-

архіепископомъ каменецъ-подольскимъ (1839—1841 г.) Вызванный въ 1840 году присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ, скончался въ Петербургѣ 28 марта 1841 г. По совершенному недостатку у него денегъ, даже и на покупку лѣкарствъ, Государь Николай Павловичъ приказалъ выдать ему пять тысячъ рублей асс. (1428 р. сер.) Государь прислалъ ему и придворнаго доктора Арендта.

*) Факты заимствуемъ изъ книги „Исторія московской духовной академіи“ С. Смирнова, Москва, 1879 г., стр. 333—337.

дентъ XI курса *Макарій Сахаровъ-Платоновъ* (1834—1838 г.). Затѣмъ стипендіатами были: *Иванъ Смирновъ-Платоновъ* XII курса (1836—1840), *Иванъ Аничковъ-Платоновъ* XIII курса (1838—1842), *Ипполитъ Богословскій-Платоновъ* XIV курса (1840—1844), *Иванъ Побыдинскій-Платоновъ* XV курса (1842—1846), *Никита Гиларовъ-Платоновъ* XVI курса (1844—1848), *Григорій Смирновъ-Платоновъ* XVII курса (1846—1850), *Викторъ Кудрявцевъ-Платоновъ* XVIII курса (1848—1852), *Александръ Лавровъ-Платоновъ* XIX курса (1850—1854), *Николай Святovidовъ-Платоновъ* XX курса (1852—1856), *Павелъ Горскій-Платоновъ* XXI курса (1854—1858), *Александръ Иванцовъ-Платоновъ* XXII курса (1856—1860); имъ и закончился не короткій рядъ *Платоновыхъ*, вновь вызванныхъ къ бытію сурою по тону, но истинно-мудрою резолюціею митрополита Филарета, положенною имъ на нѣсколько *легкомысленное* представленіе академическаго правленія въ 1837 году. Ректоромъ академіи Сергіемъ въ 1860 году снова *уничтоженъ* былъ памятникъ дѣлительной любви знаменитаго митрополита московскаго Платона къ духовнымъ школамъ, получившимъ отъ него, во время его долгаго управленія московскою митрополіею весьма много добраго и въ учебномъ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ; *уничтожено*, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наглядное выраженіе исторической памяти о заслугахъ «великаго представителя *старого* образованія», какъ выражается историкъ нашей академіи (С. К. Смирновъ, «Исторія Моск. дух. академіи», стр. 1); *нарушена воля завѣщателя; пренебрежено* распоряженіе комиссіи духовныхъ училищъ; *уничтожено* рѣшеніе митрополита Филарета. Историкъ московской академіи С. К. Смирновъ объясняетъ дѣло такъ: «каждый курсъ послѣ того (послѣ *нахлобуки*, полученной отъ митрополита Филарета въ 1837 г.) академія выпускала одного студента Платоника, и это продолжалось до 1860 года, въ которомъ студентъ Иванцовъ получилъ послѣдній прибавочную фамилію, а послѣ того, такъ какъ проценты съ суммы Платона оказались *недостаточны* для содержанія одного студента, сумма Платона была *слита* съ другими благотворительными капиталами». Выдумать что-нибудь получше *такого* объясненія, конечно, и нельзя было.

Во-первыхъ, въ такихъ дѣлахъ, какъ *нарушеніе воли завѣщателя*, никакое учрежденіе не имѣетъ ни малѣйшаго права принимать то или другое *рѣшеніе* на основаніи собственныхъ соображеній относительно *неудобства* или *затрудненія* исполнить волю завѣщателя. Это — такая азбука, незнаніе которой не только *стыдно*, но и влечетъ за собою тяжкую отвѣтственность по закону.

Во-вторыхъ, тяжелой отвѣтственности должно подпадать учрежденіе въ томъ случаѣ, когда оно самовольно *отмѣняетъ* рѣшеніе своего ближайшаго начальства, т.-е. митрополита московскаго, и еще болѣе высокой инстанціи, т.-е. Св. Синода, который одинъ только и могъ отмѣнить рѣшеніе своей бывшей комиссіи духовныхъ училищъ, замѣненной Духовно-учебнымъ Управленіемъ.

Въ-третьихъ, академическое начальство, зная давнее рѣшеніе митрополита, *утаило* отъ него свое противузаконное дѣйствіе, уничтоживши митрополичье рѣшеніе; никакого представленія митрополиту по этому дѣлу начальство академическое не дѣлало.

Въ-четвертыхъ, уже гораздо, конечно, меньшее значеніе имѣетъ несоотвѣтствіе даннаго историкомъ объясненія съ требованіями исторической *правды*: 1) Иванцовъ получилъ фамилію Платонова не въ 1860 году, а за два года прежде. Я получилъ ее въ 1856 году, при переходѣ съ младшаго курса на старшій, какъ это было и на курсахъ, предшествовавшихъ нашему XXI курсу. И Иванцовъ долженъ былъ получить прибавочную фамилію при переходѣ съ младшаго курса на старшій, въ 1858 году, и получилъ ее дѣйствительно, какъ это видно изъ списковъ XXII курса за послѣдніе два года, въ которыхъ Иванцовъ писался съ прибавкою фамиліи *Платоновъ*. Списки эти цѣлы. 2) Въ 1860 году прибавочная фамилія должна была украсить одного изъ студентовъ уже XXIII курса, но не украсила, по тому, будто бы, основанію, что «проценты съ суммы Платона оказались недостаточны». Посмотримъ. Когда въ академіи учились курсы нашъ и послѣдующій за нашимъ, то-есть курсы XXI (1854—1858) и XXII (1858—1860), на содержаніе каждаго казенно-коштнаго студента отпускаемо было отъ казны по 300 р. асс. въ годъ (85 р. съ копейками). Процентовъ съ капитала

митрополита Платона, даннаго имъ еще въ 1789 г. въ количествѣ 4.000 рублей асс., и съ капитала въ такомъ же количествѣ, оставленнаго имъ по завѣщанію, могло быть получено въ 1860 году не меньше 400 р. асс., считая по пяти процентовъ, которые тогда давали государственныя бумаги, пріобрѣтавшіяся въ то время даже дешевле ихъ номинальной стоимости; а *четыреста* рублей *больше*, чѣмъ требовавшіеся *триста* рублей; для *одного* стипендіата — достаточно, и даже съ избыткомъ. Даже десятью годами позднѣе, въ 1870 году, когда на содержаніе казенно-коштаннаго студента московской духовной академіи по новымъ штатамъ (Устава академіи 1869 года) положено было отпускать по 180 рублей въ годъ, оставалась полная *юридическая* возможность сохранить въ академіи Платоновскаго стипендіата. Нужно было только сообразить свои дѣйствія съ требованіями закона. Не «сливать» нужно было сумму Платоновскую «съ другими благотворительными», а нѣкоторые изъ этихъ капиталовъ, предназначенные завѣщателями на пособіе къ содержанію *бѣдныхъ* студентовъ, присоединить къ капиталу Платоновскому. Такіе именно капиталы были въ билетахъ за №№, по моему выпискѣ, 2, 3, 4, 5, 7 и 8. Присоединеніе ихъ къ капиталу Платоновскому нисколько не нарушило бы волю завѣщателей. Образование полной стипендіи дѣлало свободно одну изъ положенныхъ для московской академіи ста двадцати казенныхъ стипендій; ея и могъ воспользоваться одинъ изъ *бѣдныхъ*, или *самобѣднѣйшихъ* студентовъ; воля завѣщателей была бы выполнена. Изъ сліянія показанныхъ капиталовъ образовалась бы сумма въ 17,660 руб. На эту сумму можно было и въ 1870 году пріобрѣсти государственныя процентныя бумаги безъ приплаты къ номинальной ихъ стоимости и даже дешевле ея. Процентовъ получилось бы 883 р. ассигнаціями, а на серебро 252 рубля съ копейками. Ясно, что двѣсти пятьдесятъ два рубля представляютъ собою сумму большую, чѣмъ сто восемьдесятъ рублей, и даже большую, чѣмъ 220 рублей, назначенные на содержаніе казеннаго студента по штатамъ позднѣйшаго, введеннаго въ дѣйствіе въ 1884 году, академическаго устава. «Слить - то» *слили*, да не туда, куда нужно. Если бы даже результатъ «сліянія» оказался далеко не столь блестящимъ, какимъ онъ долженъ

быль оказаться по требованіямъ арметики, то, во всякомъ случаѣ, и законы государственные, и уставъ академическій, и даже голосъ нравственного долга требовали слѣдующаго образа дѣйствій. Учрежденію, находящемуся въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода, подъ ближайшимъ управленіемъ мѣстнаго архіерея, надлежало обратиться, въ виду дѣйствительныхъ или мнимыхъ затрудненій, которыя, будто бы, стало встрѣчать исполненіе воли завѣщателей, къ своему митрополиту, а чрезъ него и къ Святѣйшему Синоду. Не трудно было сообразить, что митрополитъ, если пожелаетъ, имѣть и право и возможность помочь дѣлу средствами, находившимися въ распоряженіи московской каѳедры, удѣливъ, напримѣръ, изъ доходовъ Иверской часовни сотню рублей въ годъ. Если бы это оказалось тяжкимъ для средствъ московской каѳедры, то, можетъ быть, свободная сотня рублей нашлась бы въ хозяйственномъ управленіи Святѣйшаго Синода. Если бы и тамъ не нашлась, то можно было бы собрать ее съ Платониковъ, и съ преподавателей, даже и съ питомцевъ Виѳанской семинаріи, созданной митрополитомъ Платономъ; могли бы найтись и сторонніе почитатели такого славнаго дѣятеля, какъ митрополитъ Платонъ. Профессора академіи дѣлали же ежемѣсячные вычеты изъ своего жалованья въ войну 1877—1878 годовъ и во время голодовокъ; по всей вѣроятности, они не отказались бы и отъ участія въ дѣлѣ, столь дорогомъ для каждаго праведнаго цѣнителя историческихъ заслугъ митрополита Платона. Никто, конечно, не станетъ спорить противъ этихъ рѣчей, да не изъ-за чего и спорить, когда *на самомъ дѣлѣ*, вопреки увѣренію вышеупомянутаго историка, никакихъ затрудненій даже и *не могло* быть.

Можетъ быть, къ разъясненію дѣянія, совершеннаго еще въ 1860 году и на сорокъ лѣтъ выморившаго Платониковъ изъ нашей академіи, можетъ послужить слѣдующій рассказъ.

Въ 1894 году профессора московской академіи просили своего ректора архим. Антонія (Храповицкаго) доложить митрополиту Сергію о желаніи ихъ видѣть возстановленнымъ прозваніе *Платоновъ*. О ректоръ принесть намъ слѣдующій отвѣтъ митрополита: «Нужно отнять это прозваніе и у тѣхъ, кто его имѣетъ». Во время произнесенія этой не милостивой резолюціи оставались

въ живыхъ четверо Платоновыхъ: Григ. Петр. Смирновъ, Николай Никол. Свѣтовидовъ, Ал. Мих. Иванцовъ и пишущій эти строки. Дѣлать не милостивую резолюцію приходилось *на четьредуши*. Какъ нужно было раздѣлить ее по правдѣ, по ровну ли, или дробями съ разными числителями, въ точности не знаю, но предполагаю, что у Александра Михайловича числитель долженъ быть крупнѣе, и предположеніе свое основываю на томъ, что не даромъ же ему сказано было при окончаніи курса, что мѣсто въ московской епархіи онъ не получитъ *никогда*. Очевидно, что раздражилъ онъ крѣпко своего ректора: а не онъ и статью-то для «Современника» писалъ! Не мѣшаетъ, впрочемъ, прибавить, что по вопросу о числителяхъ могутъ раздаться голоса людей, имѣвшихъ полную возможность знать, какая доля неблаговоленія должна была падать на каждаго въ отдѣльности изъ четверыхъ Платониковъ, еще не окончившихъ тогда своего земного поприща. Остался теперь въ живыхъ одинъ я; мнѣ хотѣлось бы дожить до того времени, когда возвратилась бы, послѣ сорокалѣтняго удаленія, прибавка, получившая начало своего бытія еще въ прошломъ, осьмнадцатомъ столѣтіи. Неужели *некому* постоять за память митрополита Платона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Филарета, столь горячо возставшаго въ 1837 году на защиту закона и правды? Неужели въ двадцатое столѣтіе перейдетъ въ нашей академіи только недавно учрежденная приборочная фамилія: *Серіевъ*? Мнѣ, послѣднему изъ оставшихся въ живыхъ Платонову, неужели не суждена радость встрѣтить людей, которые пришли бы на убылья мѣста? Исключаю самого себя, еще живущаго, Платонова,—и спрашиваю объ *однихъ* умершихъ: неужели кто имѣетъ право сказать, что они недостойно носили имя славнаго въ исторіи русской церкви іерарха, или сколько нибудь убавили чести или добраго пмени у воспитавшей ихъ академіи? *)

*) Недавно сдѣлана была попытка очернить въ газетѣ нравственный образъ еще одного изъ Платоновыхъ; читая ее и видя подпись автора, слѣдовало удивляться не тому, что она появилась, а только тому, что не появилась она гораздо ранѣе,—ее давно ждали; она можетъ остаться достояніемъ исторіи, но только съ другого конца, лишь для новаго подтвержденія стараго реченія: „каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку“.

Невзгода, постигшая А. М—ча при окончаніи курса, нисколько не принизила его въ глазахъ академической корпораціи. Утративъ надежду залучить его въ свою среду, А. В. Горскій, хорошо зная, какъ дорогъ будетъ Иванцовъ для всякой академіи, рекомендовалъ его петербургской духовной академіи. Вполнѣ довѣряя рекомендаціи такого человѣка, какъ А. В. Горскій, академія взяла А. М—ча въ преподаватели на новооткрытую кафедру новой церковной исторіи и опредѣленіемъ Св. Синода отъ 31 августа того же 1860 года онъ былъ назначенъ бакалавромъ петербургской духовной академіи. Одна академія потеряла его, за то приобрѣла его другая къ чести и своей и нашей. Несмотря на короткій срокъ своего преподаванія на академической кафедрѣ (три только года), А. М—чъ успѣлъ заслужить репутацію профессора «талантливаго» (см. «Истор. Петерб. акад.», составленную однимъ изъ самыхъ почетныхъ профессоровъ петербург. академіи И. В. Чистовичемъ, и по выходѣ съ профессорской службы много потрудившимся и для науки и для духовныхъ школь).

Появилась статья «Современника» не въ мартѣ, а въ сентябрѣ: былъ бы А. М—чъ на кафедрѣ психологіи въ нашей академіи. На этой кафедрѣ онъ могъ быть превосходнымъ, рѣдкимъ профессоромъ. Кто понимаетъ, какою глубиной и тонкостью анализа обладалъ А. М—чъ; кто способенъ оцѣнить художественную архитектонику его рѣчей; кто видитъ, до какой степени ему было послушно его слово при выраженіи самыхъ тонкихъ оттѣнковъ мысли и чувства: тотъ не будетъ спорить со мной, что домашнія академическія дразги лишили русскую психологическую науку одного изъ славныхъ дѣятелей, академію же лишили одного изъ лучшихъ ея украшеній. Можно глубоко и сердечно погоревать объ этомъ, но меня способна утѣшить слѣдующая мысль. Наука потеряла, академія потеряла: но за то на глазахъ лучшей части образованнаго общества явился величественный образъ пастыря, сердечно и разумно отзывавшагося и на самые животрепещущіе и важные вопросы современной жизни и современнаго воспитанія, и на жгучіе, и подчасъ мучительные запросы и страданія душъ, искавшихъ облегченія и утѣшенія у покойнаго пастыря, умѣлою и нѣжною рукою вра-

чеваннаго душевныя раны и боли *). Можетъ быть, на этомъ поприщѣ А. М.—чѣ сослужить обществу службу большую, чѣмъ какую сослужилъ бы, сдѣлавшись профессоромъ московской духовной академіи.

Объ ученномъ значеніи А. М. Иванцова я не умѣю сказать ничего лучшаго сравнительно съ тѣмъ, что сказано было А. П. Лебедевымъ, но только не на страницахъ «Богословскаго Вѣстника» и не на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей», а въ протоколахъ московской духовной академіи за 1877 годъ. Сказанное тамъ должно имѣть тѣмъ болѣе цѣны въ глазахъ читателей научныхъ заслугъ А. М.—ча, что въ послѣдней заключительной статьѣ своей полемики съ о. Добронравовымъ А. П. Лебедевъ послѣ жестокаго урока, полученнаго отъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, пишетъ, что отъ своего отзыва о докторской диссертациі А. М. Иванцова, даннаго въ 1877 году, онъ *не отрывается и въ настоящую пору, въ его главныхъ и важнѣйшихъ чертахъ, несмотря на то, что со времени ея происхожденія прошло больше 20 лѣтъ*“. Въ отзывѣ читаемъ:

«Настоящій первый томъ, какъ кажется, обширнаго сочиненія автора можетъ удовлетворять всѣмъ законнымъ требованіямъ науки и заслуживаетъ полнаго вниманія ея. Авторъ тщательно и внимательно изучилъ первоисточники, знакомство съ которыми

* Смотри: 1) *М. Корелина*. „Протоіерей А. М. Иванцовъ - Платоновъ“ (въ изданіи „Рѣчи и отчетъ Императорскаго Московскаго университета“, Москва, 1895 годъ); 2) *Его же* „Памяти А. М. Иванцова-Платонова“ („Русская Мысль“, 1895 г.); 3) *Ио. Корсунскаго* „Протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ“ („Богосл. Вѣст.“ 1894 г. № 12); 4) Протоіеря *Г. Смирнова-Платонова*. „Памяти протоіеря А. М. Иванцова-Платонова“ („Вопросы философіи и психологіи“ 1894 г.); 5) *М. С. Корелина* и кн. *С. Трубецкаго* „Въ память А. М. Иванцова-Платонова“ (Москва, 1895 г.); 6) *М. И. Хитрова* и *П. Ромашкова* „Памяти протоіеря А. М. Иванцова-Платонова“ („Душен. Чтеніе“, 1894 г. декабрь); 7) Свящ. *Н. П. Добронравова*. „Мысли протоіеря А. М. Иванцова-Платонова о смерти и загробной жизни“ („Душен. Чтеніе“ 1895 г. февраль); 8) *Н. М.* „Памяти законоучителя и духовнаго отца А. М. Иванцова-Платонова“ (тамъ же стр. 239—242); 9) „Памяти о. протоіеря А. М. Иванцова-Платонова“ („Моск. Церков. Вѣд.“ 1894, № 47); 10) „Памяти о. протоіеря А. М. Иванцова-Платонова“ („Моск. Церк. Вѣдом.“ 1894 г. №№ 51—52); 11) *Д. Θ. Симарина*. „Памяти протоіеря А. М. Иванцова - Платонова“ („Моск. Вѣд.“ 1894 г., № 315); 12) „Памяти А. М. Иванцова-Платонова“ („Моск. Вѣдом.“ 1894 г. № 342).

требовалось его задачей. Литература вопроса ассимилирована имъ до тонкостей и при всемъ томъ авторъ сохранилъ полную независимость воззрѣній. Ничто существенное въ дѣлѣ автора не оставлено имъ безъ цѣлесообразнаго разсмотрѣнія. Авторъ искусно расплетаетъ запутанныя нити первоначальной христіанской исторіи и приходитъ къ замѣчательнымъ выводамъ какъ по своей научности, такъ и по своей оригинальности. Авторъ обладаетъ мыслью гибкой и проникательной. Характеристики личностей и археологическихъ памятниковъ мастерскія и вѣрныя. Критика автора мѣткая и разборчивая, строгая. Трудъ автора по многимъ вопросамъ и надолго останется руководственнымъ при научныхъ изысканіяхъ и по многимъ отношеніямъ способенъ возбуждать мысль. Отчетливое и гармоническое изложеніе довершаетъ достоинство труда; отрывочное и частное авторъ умѣло поставляетъ въ связь и о каждомъ предметѣ умѣетъ сказать столько, сколько требуетъ самое дѣло. Не только при извѣстной бѣдности нашей церковно-исторической литературы, но и говоря безотносительно, трудъ автора представляеть цѣнный вкладъ въ науку. На основаніи «вступительныхъ главъ» сочиненія и различныхъ замѣчаній, разбросанныхъ по всему сочиненію, можно заключать о замѣчательной зрѣлости идей, какою отличается авторъ въ пониманіи самой исторіи ересей первыхъ трехъ вѣковъ, а потому позволимъ себѣ надѣяться, что современемъ увидимъ въ нашей литературѣ весьма почтенный трудъ, если авторъ доведетъ его до конца, что было бы очень желательно и что хорошо было бы вмѣнить ему въ нравственный долгъ въ интересахъ науки!»

Читая этотъ отзывъ о докторской диссертациі А. М—ча, я никакъ не могу придумать, что такое можно бы прибавить къ нему, если бы предстояла нужда увеличить похвалы диссертациі. Если читатель будетъ догадливѣ меня, то я весьма порадовался бы. Я сердечно чту А. М—ча и съ наслажденіемъ читалъ почти все писанное имъ; но моихъ силъ недостаетъ на то, чтобы открыть въ его диссертациі какую-нибудь новую сторону, которую не успѣхъ бы похвалить А. П. Лебедевъ. И хочется мнѣ похвалить; но не вижу, въ какую сторону двинуться; все уже захвачено рецензентомъ. Поневоля приходится отказаться отъ безнадѣжныхъ попытокъ и только пожелать *рецензенту*.

чтобы ему во второе двадцатипятилѣтіе его ученой и весьма производительной дѣятельности пришлось прочитать подобный же отзывъ о какомъ-либо собственномъ произведеніи.

Прежде чѣмъ оставлю свѣтлую личность А. М—ча и перейду къ А. П. Лебедеву, скажу нѣсколько словъ о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ отъ устныхъ бесѣдъ съ А. М—чемъ. Въ концѣ восьмидесятихъ и въ началѣ девяностыхъ годовъ мнѣ чуть не ежедневно въ лѣтнее время приходилось гулять и бесѣдовать съ А. Михайловичемъ. Оба мы жили на дачѣ въ Вишани и никогда не упускали случая побесѣдовать. Мой собесѣдникъ восхищалъ меня широкимъ кругозоромъ своей мысли, своимъ живымъ сочувствіемъ всему разумному и доброму, своею тонкою критикою не разумнаго и не добраго, своею ясною, отчетливою и художественною рѣчью. Какое наслажденіе, — употребляю это слово въ точномъ смыслѣ, — какое наслажденіе получалъ я отъ бесѣдъ съ А. М—чемъ, это хорошо извѣстно моимъ домашнимъ. Имъ рѣже приходилось встрѣчаться съ нимъ, но и они черпали *наслажденіе* изъ этого источника. Мнѣ очень нравилось и обычное начало нашихъ бесѣдъ. Начало происходило такъ. О чемъ бы мы ни заговорили, Александръ Михайловичъ всегда начиналъ бесѣду тономъ очень мягкимъ, брался за тотъ или другой предметъ скромно, осторожно, какъ будто бралъ въ руки какой-нибудь хрупкій предметъ; потомъ постепенно, безъ всякихъ скачковъ, рѣчь его становилась все болѣе и болѣе одушевленною, гибкая мысль начинала охватывать предметъ все крѣпче и крѣпче, проникать въ него глубже и глубже. Никогда въ своихъ бесѣдахъ мы—позволю себѣ такъ выразиться — не начинали съ быстрого аллюра, и всегда доходили до него въ концѣ бесѣды. Наши бесѣды не разъ приводили мнѣ на мысль такую картину. Сходятся два охотника кататься въ лодкѣ по озеру. Лодка стоитъ въ узенькомъ заливѣ, густо заросшемъ деревьями и съ правой, и съ лѣвой стороны. Одинъ, не спѣша, отвязываетъ лодку, тихо беретъ двѣ пары веселъ и для себя и для товарища. Оба ступаютъ въ лодку потихоньку, осторожно; оттолкнулись, гребутъ рѣдкими взмахами веселъ, безъ брызгъ, и выѣзжаютъ изъ залива очень неторопливо. Выплываютъ на просторъ, удары веселъ становятся чаще

и чаще, сильнѣе и сильнѣе, и лодка начинаетъ быстро скользить по широкому водному простору, а горизонтъ становится все шире и шире. Безъ шутокъ, вѣдь точь въ точь такъ дѣло шло при нашихъ бесѣдахъ каждый разъ, когда сходились мы на время не короткое. Уже не мало лѣтъ не слышу я твоихъ бесѣдъ, добрый, разумный Александръ Михайловичъ, но во мнѣ такъ жива память о нихъ, какъ будто только вчера я наслаждался твоими рѣчами. Радъ я теперь, что не опоздалъ съ пониманіемъ значенія твоихъ бесѣдъ и съ самаго же начала ихъ сознательно сталъ черпать изъ нихъ наслажденіе во всю мѣру своего ковша.

Послѣ трехъ лѣтъ службы въ петербургской академіи Александръ Михайловичъ перешолъ въ Москву въ 1863 году и сталъ священникомъ и законоучителемъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ. По самымъ условіямъ своего служебнаго положенія онъ имѣлъ мало случаевъ входить въ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ, да и митрополитъ Филаретъ скоро умеръ, а именно въ 1867 году: но зоркій владыка успѣлъ разглядѣть А. Михайловича собственными очами и сталъ относиться къ нему такъ ласково и добросердечно, что лучшихъ отношеній нельзя было и пожелать. Александръ Михайловичъ ясно видѣлъ это и относился къ митрополиту съ истинно сыновнимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Расскажу такой случай. Было у А. М—ча тяжкое горе, при которомъ выполнение долга сыновняго почтенія становилось въ высшей степени затруднительнымъ, даже почти невозможнымъ. Поѣхалъ онъ съ своимъ горемъ къ митрополиту Филарету просить его мудрыхъ наставленій. Что говорилъ ему митрополитъ, не знаю; но знаю, что во время разговора А. М—чъ, обливаясь слезами, припалъ къ груди Филарета... Наступилъ новый годъ. Александръ Михайловичъ отправился къ митрополиту съ поздравленіемъ въ часъ, назначенный для пріема духовенства, собравшагося въ не маломъ числѣ. Когда наступила очередь А. М—ча принять благословеніе владыки, владыка, благословляя, спросилъ А. М—ча тихо, совѣмъ неслышно для окружающихъ: «Утѣшился ли ты? Какъ поживаешь?» Мнѣ не хочется портить впечатлѣніе отъ этого нѣжнаго обращенія собственными комментаріями.

Невольно и съ искреннею любовью и такъ долго задерживаюсь на свѣтлой личности А. М. Иванцова, но пора перейти и къ А. П. Лебедеву.

За все время ученія въ академіи онъ принадлежалъ къ числу очень хорошихъ студентовъ, но такихъ, какихъ на хорошемъ курсѣ бываетъ человѣка четыре, пять, чаще всего бывало такихъ на курсѣ человѣка по три; на иныхъ курсахъ такихъ бывало только по одному. Бывали даже курсы, на которыхъ ни одного такого студента не было. Производи доступныя мнѣ наблюденія надъ умственными силами студентовъ разныхъ курсовъ, и взявъ тридцать курсовъ кряду, и по моимъ наблюденіямъ, выходило, что изъ тридцати курсовъ на пяти было очень хорошихъ студентовъ по пяти человѣкъ, на четырехъ по четыре, на тринадцати по трое, на двухъ по два, на четырехъ по одному, а на двухъ не было ни одного очень хорошаго студента. Всѣхъ такихъ студентовъ было на тридцати курсахъ восемьдесятъ восемь человѣкъ; на кругъ приходится безъ малого по три человѣка на каждый курсъ.

Всегда принадлежа къ числу очень хорошихъ по способностямъ и трудолюбивыхъ студентовъ, А. П. Лебедевъ никогда въ теченіе четырехъ лѣтъ перваго мѣста въ спискѣ не занималъ. Два года занималъ первое мѣсто Н. М. Иванцовъ (братъ А. М—ча), послѣдніе два года — И. Д. Петропавловскій, переѣхавшій на первое мѣсто черезъ А. П. Лебедева, оставшагося на насиженомъ имъ второмъ мѣстѣ.

По частнымъ спискамъ успѣхи А. П. Лебедева были не равны: при окончаніи младшаго курса онъ занималъ по гражданско-историческому списку первое мѣсто, по словесности—второе, по философіи—четвертое, по Свящ. Писанію—тоже четвертое, по греческому языку—24-ое во второмъ разрядѣ, по физико-математическому—57-ое мѣсто во второмъ разрядѣ. Сочиненій за два года онъ имѣлъ шесть *очень хорошихъ* и три *хорошихъ* Экзаменаціонныя сочиненія имѣлъ такія: одно *очень хорошее* (1), одно *хорошее* ($1\frac{1}{2}$) и одно, латинское, *довольно хорошее* (2); у другихъ же его товарищей экспромпты были такіе: у Н. Иванцова два *очень хорошихъ* и одинъ *хорошій*; у И. Петропавловскаго три *очень хорошихъ*; у А. Смирнова два *очень хорошихъ* и одинъ *хорошій*;

у П. Сокольскаго три *очень хорошихъ*; у И. Пятницкаго два *очень хорошихъ* и одинъ *хорошій*.

При окончаніи послѣдняго курса А. П. Лебедевъ остался на второмъ мѣстѣ по общему списку, а по частнымъ спискамъ занялъ такія мѣста: по Священному писанію — третье, по патристикѣ, церковной археологіи и педагогикѣ — второе, по *церковно-историческому* списку — *девятое*, по греческому языку — 39-ое мѣсто во второмъ разрядѣ; въ депутатскомъ спискѣ по *богословскимъ* наукамъ получилъ такія отмѣтки (1+1½), изъ которыхъ видно, что семнадцать его товарищей показали знаніе этихъ предметовъ *лучше*, чѣмъ онъ, а восемнадцать — *одинаковое* съ нимъ.

Изъ сличенія студенческихъ успѣховъ А. П. Лебедева съ студенческими успѣхами А. М. Иванцова-Платонова ясно открывается, что эти два студента представляли собою величины, совсѣмъ несоизмѣримыя. Отрицать справедливость профессорскихъ сужденій въ данномъ случаѣ едва ли будетъ имѣть охоту и самъ А. П. Лебедевъ. Ему, прослужившему профессоромъ академіи двадцать пять лѣтъ, едва ли удобно будетъ думать, что академическіе преподаватели не умѣли во время оцѣнить его талантовъ; это приближище нужно оставить въ удѣлъ людямъ малодушнымъ. А впрочемъ, никому не воспрещается думать о себѣ, что угодно; даже никому не воспрещается вообразить себя Фердинандомъ VIII.

Въ виду заявленія А. П. Лебедева, что онъ любитъ *церковно-историческую науку до самоабвенія* («Моск. Вѣд.» 1899 г., № 298), стоитъ вниманія сравнительная слабость его познаній по церковной исторіи во время окончанія академическаго курса. Такіе знатоки церковной исторіи, какъ покойный А. В. Горскій и Е. Е. Голубинскій, не только не усмотрѣли въ А. П. Лебедевѣ самоотверженной любви къ церковной исторіи, но даже отмѣтили своимъ спискомъ сравнительную слабость усердія студента А. П. Лебедева въ изученіи церковно-историческихъ наукъ. Для второго по общему списку студента получить девятое мѣсто въ частномъ спискѣ — маловато. Въ качествѣ участника испытаній по церковно-историческимъ наукамъ, т.-е. какъ сторона заинтересованная въ рѣшеніи вопроса о правильности сужденій экза-

менаторовъ относительно познаній студента Лебедева, я, конечно, не думаю, что мы не сумѣли оцѣнить доходящую до самозабвенія любовь его къ церковно-историческимъ наукамъ, а скорѣе склоненъ предполагать, что при окончаніи академическаго курса А. П. Лебедевъ еще не чувствовалъ особеннаго расположенія къ церковно-историческимъ наукамъ, занимался ими слабо, а любовь къ нимъ почувствовалъ когда-нибудь послѣ окончанія курса. Косвенное подтвержденіе своему предположенію нахожу въ томъ, что студентъ Лебедевъ очень плохо зналъ и греческій (39-е мѣсто во второмъ разрядѣ) и латинскій языки (*двоійка* на латинскомъ сочиненіи) и къ изученію ихъ никакого старанія во время студенчества не прилагалъ; безъ знанія же греческаго и латинскаго языковъ въ дѣлѣ серьезнаго изученія древней церковной исторіи шагу ступить нельзя.

Прямо по окончаніи курса академическаго А. П. Лебедевъ и былъ избранъ именно на кафедрѣ древней церковной исторіи. Это объясняется слѣдующими обстоятельствами. Въ 1870 году, когда XXVII курсъ оставилъ студенческія скамьи, произошло преобразование нашей академіи по новому уставу 1869 года. По новому уставу требовалось открыть въ академіи *восемь* новыхъ наставническихъ кафедръ (не считая троихъ лекторовъ) и замѣстить еще старую кафедру по церковной исторіи, сдѣлавшуюся свободною по случаю назначенія занимавшаго ее наставника на другое мѣсто служенія. Понадобилось приискать *девять* новыхъ преподавателей. Но такъ какъ съ началомъ перваго, по преобразованіи, учебнаго года должны были образоваться не четыре курса, а только два, первый и третій, то совѣтъ академіи напередъ обсудилъ, какія кафедры должны быть открыты для этихъ двухъ курсовъ и какія могутъ быть открыты только въ слѣдующемъ году. Рѣшено было замѣстить немедленно только *шесть* кафедръ, а замѣщеніе трехъ остальныхъ отложить до слѣдующаго года. Искать кандидатовъ на свободныя кафедры можно было только между воспитанниками своей академіи. Изъ чужихъ академій достать нельзя было, потому что и во всѣхъ остальныхъ академіяхъ открыто было много свободныхъ кафедръ вслѣдствіе введенія новаго устава. Для одной кафедры, именно для кафедры русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, рѣшено было

отыскать преподавателя изъ лицъ, получившихъ образованіе въ университетѣ. Несмотря на самыя усиленные поиски, продолжавшіеся цѣлый годъ, не нашлось въ университетахъ человѣка, котораго можно было бы взять на каѳедру славянскихъ нарѣчій. Искали даже за границей, и оттуда не оказалось возможности достать, такъ что пришлось взять своего студента изъ третьяго курса, отправить его въ Петербургскій университетъ для изученія славянскихъ нарѣчій подъ руководствомъ Изм. Ив. Срезневскаго, затѣмъ за границу для практическаго ознакомленія съ славянскими нарѣчіями. При такихъ обстоятельствахъ нужно было набрать людей на пять каѳедръ въ этомъ году, да на три въ слѣдующемъ году, къ началу котораго запасъ кандидатовъ на академическія каѳедры ни откуда не могъ быть пополненъ. Изъ воспитанниковъ всѣхъ прежнихъ курсовъ считали возможнымъ взять только четверыхъ, потому что лучшіе воспитанники прежнихъ курсовъ или у насъ же въ академіи остались, или разошлись по такимъ мѣстамъ, откуда выманить ихъ въ академію было нечѣмъ. Изъ прежнихъ воспитанниковъ на каѳедру *Священнаго Писанія* ординарный профессоръ архим. Михайль предложилъ наставника Виѣанской семинаріи Андрея Григ. Полотебнова, занимавшаго седьмое мѣсто въ спискѣ студентовъ XXVI курса (1864—1868 г.); профессоръ прот. Ф. А. Сергіевскій предложилъ на ту же каѳедру наставника московской семинаріи Николая Александр. Елеонскаго, занимавшаго второе мѣсто въ спискѣ того же XXVI курса (1864—1868 г.). На каѳедру *латинскаго языка* помощникъ ректора (деканъ) по церковно-практическому отдѣленію Е. В. Амфитеатровъ предложилъ наставника московской семинаріи Петра Ив. Цвѣткова, занимавшаго шестое мѣсто въ спискѣ того же XXVI курса (1864—1868 г.). На каѳедру *церковной исторіи* экстр.-профессоръ В. Н. Потаповъ предложилъ наставника виѣанской семинаріи Ивана Алексѣев. Смирнова, занимавшаго восьмое мѣсто въ спискѣ студентовъ XXII курса (1856—1860 г.) и уже не мало лѣтъ преподававшаго въ семинаріи церковную же исторію, а помощникъ ректора по церковно-историческому отдѣленію П. С. Казанскій предложилъ на ту же каѳедру воспитанника XXVII курса (1866—1870 г.) А. П. Лебедева. На каѳедру *Библейской исторіи*

тотъ же П. С. Казанскій предложилъ воспитанника того же XXVII курса А. П. Смирнова. На кафедрѣ *основнаго богословія* ректоръ протоіерей А. В. Горскій предложилъ воспитанника того же XXVII курса И. Д. Петропавловскаго. Двое изъ предложенныхъ кандидатовъ, А. Г. Полотебновъ (*по Свящ. Писанію*) и И. А. Смирновъ (*на церковную исторію*), отказались читать пробныя лекціи для соисканія предложенныхъ пмѣ кафедръ. Такъ происходило дѣло замѣщенія кафедръ въ 1870 году. Изъ моего разсказа ясно, что насъ цѣлзя было корить за то, что на кафедрѣ церковной исторіи взяли человѣка, оказавшаго по этому предмету слабоватыя успѣхи и не владѣвшаго необходимыми для этой науки орудіями, то-есть, знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ.

Необычная для очень хорошаго студента слабость познаній въ греческомъ и латинскомъ языкахъ можетъ быть удовлетворительно объяснена двумя причинами. А. П. Лебедеву пришлось учиться до поступленія въ московскую семинарію въ перервинскомъ духовномъ училищѣ. Это училище въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ справедливо имѣло репутацію самаго плохого изъ всѣхъ училищъ московской епархіи—плохого и въ учебномъ, и въ воспитательномъ, и въ экономическомъ отношеніи. Училище это верстахъ въ девяти отъ Москвы, въ маленькомъ монастырѣ, около монастыря небольшая деревушка, мѣсто уединенное, отъ надзора людскаго далеко. Не мудрено, что довольно дикіе нравы и порядки, какіе не въ диковинку были и для другихъ училищъ, съ особою силою господствовали въ такой глуши, какъ Перерва. Въ перервинское училище боялись отдавать своихъ дѣтей тѣ члены церковнаго причта, которые имѣли хотя малые недостатки. Священники отдавали своихъ дѣтей въ одно изъ училищъ, находившихся въ Москвѣ: въ заиконоспасское, въ донское, въ андроньевское. На Перервѣ ютилась самая бѣдность, да еще сироты; съ ними какія же церемоніи? Перерва была пугаломъ, которымъ пугали мальчиковъ, когда они спялъ что-нибудь. И меня, сироту, не учившагося ни въ какомъ духовномъ училищѣ, жившаго у бабушки, и она и матушка моя иногда, въ случаѣ шалостей или непослуанія, пугали Перервой: „а вотъ погоди, свеземъ тебя на Перерву; тамъ тебя

каждый день будутъ сѣчь, да и вши заѣдятъ“. Не мудро, что на Перерву и учителя попадали такіе, которыхъ въ другомъ мѣстѣ нельзя было держать. Выйти изъ этого училища съ очень плохимъ знаніемъ и греческаго и латинскаго языка можно было даже такому способному мальчику, какъ Лебедевъ, который, вѣроятно, *первымъ или вторымъ* перешелъ изъ училища въ семинарію.

Въ московской семинаріи А. П. Лебедевъ учился въ такое время (1860—1866 г.), когда дисциплина въ ней находилась въ очень плохомъ состояніи. Съ января 1861 года по августъ 1866 года семинарія была подъ управленіемъ архим. Игнатія, внука (отъ сестры) митрополита Филарета. Человѣкъ онъ былъ добрый, благочестивый, вполне благонамѣренный, но администраторъ совсѣхъ плохой. Инспекторомъ семинарии въ 1863—1867 г. былъ Григорій (Волновъ), товарищъ мой по академическому курсу, человѣкъ такъ же благочестивый и добрый, но къ административнымъ дѣламъ и къ инспекторскому надзору за учениками совсѣмъ неспособный *). Понятно, что семинарія московская въ годы ученія А. П. Лебедева стала совсѣмъ распущеннымъ заведеніемъ; ученики учились, какъ хотѣлось и сколько хотѣлось. Извѣстный М. И. Каринскій, перешедшій въ 1865 году изъ преподавателей виѣанской семинарии въ московскую на кафедру логики и психологіи, былъ пораженъ отсутствіемъ всякой дисциплины въ семинаріи и, зная свои силы, рѣшилъ единолично, безъ всякаго участія семинарскихъ властей, завести строгіе порядки собственно въ своемъ классѣ. Распущенные ученики, конечно, возмутились, сговорились не даваться въ руки грозному пришельцу и отстоять свою „свободу“. Отстоять „свободу“ не оказалось ни малѣйшей возможности. Попробовали было писать ругательныя письма Михаилу Ивановичу: онъ принесъ ихъ въ классъ, прочиталъ и подвергнулъ ихъ спокойной, но до такой степени убійственной критикѣ съ логической и метафизической точки зрѣнія, что писавшіе закаялись

*) Мысль, что будто бы принятіе монашества рождаетъ въ людяхъ административные таланты, принадлежитъ къ числу печальныхъ заблужденій; ихъ не рождаетъ даже и благодать священства; не на то она и дается.

на все будущее время посылать ему ругательныя посланія. Черезъ какой-нибудь мѣсяць онъ, одними собственными силами, безъ всякаго содѣйствія администраціи, добился того, что всѣ ученики приходили *на его классы* на полтора часа, не смѣли выйти изъ класса во время его урока, ни войти въ классъ, не смѣли не приготовить урока, не смѣли и малымъ шумомъ нарушить тишину въ классѣ, не смѣли не слушать его объясненій. Конечно, у него было что послушать: не даромъ же онъ впоследствии приобрѣлъ такую почетную извѣстность на кафедрѣ философіи въ петербургской духовной академіи. Сослуживцы дивились, иные и сами пытались пойти по слѣдамъ М. И. Каринскаго: но у нихъ ничего не вышло. А. П. Лебедевъ не успѣлъ подвергнуться влиянію этого профессора: онъ былъ уже въ высшемъ, богословскомъ, классѣ (1864—5 и 1865—6 учебные годы). Его, конечно, нельзя и винить за то, что при беспорядочности семинарскаго режима онъ не успѣлъ сдѣлать должнаго запаса свѣдѣній по тѣмъ предметамъ, которые требовали усидчиваго труда; а способности его все же остались при немъ.

Въ сентябрѣ 1870 года кандидаты, предложенные на свободныя кафедры, прочли по двѣ пробныхъ лекціи и были избраны на назначенныя мѣста. Въ концѣ 1870 года представленіе совѣта о замѣщеніи кафедръ было утверждено Святѣйшимъ Синодомъ и новоизбранные преподаватели вступили въ отправленіе своихъ обязанностей.

Менѣ чѣмъ черезъ два года своей академической службы А. П. Лебедевъ затѣялъ дѣло, внесшее большую смуту въ академическую жизнь и принесшее академіи не мало сраму. Разумѣю подачу имъ отзыва о докторской диссертациі помощника ректора (декана) по церковно-историческому отдѣленію Петра Симоновича Казанскаго, того самаго, который предложилъ А. П. Лебедева на кафедре церковной исторіи и тѣмъ, вѣроятно, склонилъ другого кандидата на ту же кафедру (И. А. Смирнова) заявить о своемъ нежеланіи прочитать пробныя лекціи по церковной исторіи. Но прежде чѣмъ продолжать рассказъ, мнѣ нужно удовлетворить нѣкоторыя своеобразныя требованія А. П. Лебедева.

Онъ начинаетъ свои полемическія статьи противъ А. М. Иванцова-Платонова и священника Н. П. Добронравова («Моск. Вѣд.»

1899 г. №№ 297—300, 302, 303 и 305) заявленіемъ, что девизомъ всего, что онъ пишетъ, «служить одно слово: ясность». Сообразно съ своимъ девизомъ, онъ считаетъ необходимымъ заявить читателямъ, что о. Добронравовъ «доводится зятемъ» А. М-чу Иванцову-Платонову, а онъ, А. П. Лебедевъ, «въ родствѣ съ нимъ не состоитъ»; затѣмъ на томъ же столбцѣ газеты (№ 297) напоминаетъ читателю о необходимости «помнить», что о. Добронравовъ о. Иванцову «зять». И въ концѣ своихъ полемическихъ статей (№ 303) онъ снова напоминаетъ о родствѣ упомянутыхъ лицъ, говоря: «что ему (о. Добронравову) профессоръ, когда онъ *зять* «извѣстнаго» профессора?»—и дополняетъ это уже не разъ сообщенное имъ свѣдѣніе новымъ свѣдѣніемъ, что о. Добронравовъ «получилъ отъ своего тестя видное мѣсто». Въ приложеніи къ своей статьѣ (№ 303) онъ, желая, конечно, служить избранному имъ девизу, сообщаетъ читателямъ, что лицо, напечатавшее въ 263 № «Моск. Вѣд.» статью за подписью: «почитатель» протоіерея Иванцова, на самомъ дѣлѣ «не почитатель, а имѣетъ другія связи съ протоіереемъ Иванцовымъ: онъ сродни по плоти сему послѣднему»; что «этотъ родственникъ — не *сынъ* прот. И—ва (а сыновей у него нѣсколько)»; что «онъ еще не вышелъ изъ лѣтъ молодыхъ»; что А. П. Лебедевъ «знаетъ, какъ звать этого родственника прот. Иванцова», знаетъ, да не скажетъ. Не понимаю, ради какого новаго девиза не скажетъ; ради девиза пржняго, то-есть, *ясности*, кажется, слѣдовало бы сказать. Затѣмъ въ томъ же приложеніи онъ объясняетъ, что какое-то третье лицо, «спеціально занимающееся эпохою патріарха Фотія», такъ же должно быть, по мнѣнію А. П. Лебедева, «родственникомъ покойнаго Иванцова». Мысль о множествѣ родственниковъ А. М-ча настраиваетъ А. П. Лебедева на элегическій тонъ. «Ихъ, какъ видимъ,—говоритъ А. П., много, очень много, а я одинъ, какъ персть... Я челоѣкъ одинокій, полуслѣпой, которому безусловно запрещены всякія литературныя работы и котораго физическія силы начинаютъ оскудѣвать. А они представляютъ сомкнутую фалангу, сильную, скрѣпленную кровнымъ союзомъ родства». «Ихъ много, каждый изъ нихъ вооруженъ тѣмъ оружіемъ, къ которому привыкъ», «похоже на родовую мечь дикихъ или полудикихъ народовъ... Востока».

Ни девиза, ни герба я для себя еще не придумалъ; но ясность я всегда любилъ и хочу помочь А. П. Лебедеву выбраться изъ того тумана, которымъ онъ въ выписанныхъ мною строкахъ такъ окружилъ свой девизъ, что его и разглядѣть трудно. Въ самомъ дѣлѣ, признасть ли А. П. Лебедевъ за безспорную истину то положеніе, что «родня объ роднѣ всегда говоритъ неправду»? Вѣроятно, не признастъ этого положенія правильнымъ по явной его нелѣпости. Или признастъ онъ то положеніе, что родня наговорить о своей роднѣ такихъ рѣчей, которыхъ и опровергнуть ничѣмъ нельзя? И этого положенія, вѣроятно, не признастъ А. П. Лебедевъ: потому что противъ всякихъ неправильныхъ рѣчей можно выставить рѣчи правильныя, которыя приведутъ дѣло въ полную ясность. Далѣе, родство какой степени обязываетъ говорить неправду? въ какой степени родства слабѣетъ эта обязанность? въ какомъ колѣнѣ совсѣмъ перестаетъ быть обязанностью? Положимъ, что когда сынъ говоритъ объ отцѣ, зять о тестѣ, тогда правды отъ нихъ ждать нечего; а если говоритъ дядя о племянникѣ, или племянникъ о дядѣ, если заговорятъ двоюродные, троюродные, тогда можно ли будетъ ждать правды? Мнѣ кажется, что безъ специальныхъ изслѣдованій А. П. Лебедева по этимъ вопросамъ дѣло окружено будетъ очень густымъ туманомъ, и, въ виду избраннаго А. П.—мъ девиза, напускать его на дѣло совсѣмъ не слѣдовало. Slѣдовало бы давать читателямъ твердыя доказательства тѣхъ или другихъ положеній, а указывать имъ на то, что вотъ и это родственникъ А. М. Иванцова и это родственникъ ему, и что ихъ очень много,—это для серьезнаго читателя никакого значенія имѣть не можетъ. Давайте доказательства въ руки, а не можете ихъ дать,—указаніе на родство бѣдѣ не поможетъ. Далѣе, по нынѣшнимъ временамъ то и дѣло можно опасаться, что родня про родню больше худого наговорить, чѣмъ хорошаго; люди близкіе по крови то и дѣло живутъ между собой какъ кошка съ собакой и не только пристрастія одинъ въ пользу другого не имѣютъ, но даже изо всѣхъ силъ стараются насолить другъ другу, даже видѣть не могутъ другъ друга, подъ одной крышей жить не могутъ. Какое значеніе при такихъ отношеніяхъ будетъ имѣть указаніе на родство? Придется сначала разслѣдовать, въ какихъ отношеніяхъ напр. эта теща стоитъ

къ этому зятю и чего нужно ждать, когда она будетъ говорить о своемъ зятѣ, того ли, что будетъ кривить душой въ его пользу, или будетъ стараться всячески очернить его? Вообще въ нынѣшнія времена чаще, пожалуй, родные грызутся, чѣмъ ласкаются одинъ къ другому. Что же я выведу изъ указаній А. П. Лебедева самъ, безъ его помощи? Пусть ужъ онъ не ограничивается одной формальной стороною—указаніями на степень родства, а пусть дастъ указанія по существу дѣла, расскажетъ намъ, какія установились между тѣми или другими родственниками внутреннія отношенія. Если онъ не расскажетъ мнѣ этого, то я могу попасть впросакъ. Скажетъ онъ мнѣ, напримѣръ, что Казину нельзя ни въ одномъ словѣ повѣрить, когда онъ говоритъ объ Авелѣ, *потому что* онъ ему *родной братъ*. Повѣрю я А. П.—чу и вдругъ послѣ окажется, что Казинъ убилъ брата своего Авеля. Какими же глазами я буду смотрѣть на А. П.—ча? Вообще и съ этой стороны получается одинъ туманъ вмѣсто ясности. А иной читатель, совсѣмъ даже и незнакомый съ нравственнымъ характеромъ покойнаго А. М.—ча, догадается сдѣлать такой выводъ изъ рѣчей А. П. Лебедева «о сомкнутой, сильной фалангѣ» изъ сыновей и зятьевъ А. М. Иванцова: «хорошій, должно быть, человекъ былъ покойный о. протоіерей: дружно вступились за его честь и добрую память и сыновья и зятья; значить, любили и почитали его крѣпко; дружную семью оставилъ послѣ себя покойникъ». Ну къ чему годенъ А. П. Лебедеву такой выводъ, на который онъ самъ же спрашивается? Жалуется самъ онъ, что силы его начинаютъ оскудѣвать, что онъ теперь полуслѣпой, что ему запрещены литературныя работы; а самъ же совсѣмъ задаромъ тратитъ остатки зрѣнія и силъ на ни къ чему не нужныя и очень длинныя доказательства того, что и «почитатель» тоже зять А. М. Иванцова. Можно было значительно сберечь силы и упростить дѣло,—прямо сказавъ читателю: «увѣрю васъ, читатели, что врутъ все, кто пишетъ въ защиту А. М. Иванцова». Тогда и я бы подошелъ подъ этотъ колпакъ; а то придется А. П.—чу сшивать для меня другую накрывку. Не надѣясь, впрочемъ, переспорить А. П. Лебедева по дѣлу о *роднѣ*, не желая дать ему поводъ думать, что я изъ *свокорыстныхъ расчетовъ* веду о *роднѣ* такія рѣчи,

и желая избавить его отъ напраснаго напряженія оскудѣвающихъ силъ, я самъ представлю читателю точныя свѣдѣнія о своихъ родственныхъ отношеніяхъ. Петръ Симоновичъ *Казанскій*, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, былъ родной мой дядя по матери моей. О. протоіерей Мих. Сим. *Боголюбскій*, до котораго рѣчь дойдетъ впоследствии, тоже родной мой дядя, и оба они, несмотря на разныя фамиліи, суть родные братья. Сыновей у меня столько же, сколько у А. М. Иванцова, а дочерей больше, чѣмъ у него. Три выданы замужъ; стало быть, я имѣю трехъ зятьевъ; еще двѣ могутъ со временемъ выдти замужъ; стало быть, могутъ быть у меня еще два зятя. Итого въ составъ фаланги могутъ со временемъ войти: четверо сыновей, пятеро зятьевъ и пять дочерей. Желалъ бы я очень, чтобъ они составили «сильную и сомкнутую фалангу» въ томъ случаѣ, о которомъ приведется повести рѣчь въ концѣ статьи. Желая еще болѣе угодить А. П. Лебедеву, прибавлю, что хотя я отъ своего дяди П. С. Казанскаго не получилъ никакого ни важнаго, ни не важнаго «мѣста» (см. «Моск. Вѣд.» № 303), но питаю къ нему чувство искренней благодарности за все сдѣланное имъ для меня и для моей матери добро и глубоко чту его и за высокій нравственный характеръ его *), и за его труженическую жизнь **). Теперь къ дѣлу.

Петръ Симоновичъ Казанскій былъ съ 1842 года бакалавромъ по кафедрѣ всеобщей гражданской исторіи, съ 1850 года экстраординарнымъ и съ 1858 года ординарнымъ профессоромъ московской духовной академіи. Въ 1870 году наша академія была преобразована по академическому уставу 1869 года. Ординарные профессора обязаны были представить въ теченіе трехъ лѣтъ, по утвержденію новаго устава, диссертациі, или, вмѣсто диссертациі, ученыя сочиненія свои по принадлежащимъ къ преподаваемой ими наукѣ предметамъ для полученія степени доктора, согласно требованіямъ устава, а въ случаѣ, если не полу-

*) Нравственный характеръ его въ точности изображенъ А. О. Лавровымъ-Платоновымъ, впоследствии архіепископомъ литовскимъ, въ надгробномъ словѣ („Прав. Обоз.“ 1878 г., мартъ).

**) Оцѣнка его ученыхъ трудовъ сдѣлана досточтимымъ, правдивымъ историкомъ Е. Ф. Голубинскимъ въ той же книжкѣ „Православнаго Обзорія“.

чать въ этотъ срокъ степени доктора, должны *оставить* службу при академіи. Въ новомъ уставѣ было еще и такое правило, по которому служить въ академіи профессоромъ никто не могъ долѣе тридцати пяти лѣтъ. Въ 1872 году исполнилось и тридцатилѣтіе службы П. С. Казанскаго и истекалъ срокъ обязательнаго представленія докторской диссертациі. Представивъ ее и удостоившись степеніи доктора, П. С. Казанскій могъ бы прослужить еще пять лѣтъ. Въ мартѣ 1872 г. онъ представилъ на разсмотрѣніе совѣта академіи сочиненіе «Исторія православнаго монашества въ Египтѣ», въ двухъ частяхъ, съ дополнительными статьями: 1) «Объ источникахъ для исторіи монашества египетскаго въ 4 и 5-хъ вѣкахъ» и 2) «Общій очеркъ жизни монаховъ египетскихъ въ 4 и 5-хъ вѣкахъ».

Сочиненіе передано было въ церковно-историческое отдѣленіе. Знакомъ церковной исторіи о. протоіерей А. В. Горекій тогда уже не могъ участвовать въ дѣлахъ этого отдѣленія; онъ теперь принадлежалъ уже богословскому отдѣленію; отзывъ пришлось составить А. П. Лебедеву, пробывшему на своей кафедрѣ годъ съ тремя или четырьмя мѣсяцами. Онъ не торопился представить отзывъ. Пока онъ составлялъ свой отзывъ, съ П. С. Казанскимъ случилось событіе совсѣмъ неожиданное... 27-го сентября 1872 года нужно было избирать его на послѣднее пятилѣтіе службы. Нисколько не подозрѣвая, что ему готовится совсѣмъ неожиданный ударъ, П. С. Казанскій даже пришелъ на это засѣданіе; онъ думалъ, что исполнена будетъ неизбѣжная формальность,—баллотировка, а затѣмъ пойдутъ въ засѣданіи дѣла настоящія, ради которыхъ ему нужно присутствовать на засѣданіи. Онъ зналъ, что онъ—добросовѣстный труженикъ науки, что всѣ его дѣйствія съ нравственной точки зрѣнія всегда были безупречны; но онъ забылъ, что къ людямъ въ нравственномъ смыслѣ не безупречнымъ онъ всегда относился сурово, не скрывалъ своей антипатіи къ нимъ; забылъ, что они могутъ воспользоваться удобнымъ, по ихъ мнѣнію, случаемъ расплатиться съ нимъ. Эти люди сообразили, что ихъ за отсутствіемъ двоихъ, чтившихъ Петра Симоновича, профессоровъ, а именно А. Ѳ. Лаврова, командированнаго тогда въ Петербургъ, и Е. Е. Голубинскаго, уѣхавшаго въ заграничный отпускъ, наберется

достаточно для того, чтобъ выборы на новое пятилѣтіе кончились неблагополучно для П. С. Казанскаго. Оказались, въ самомъ дѣлѣ, въ ящикѣ *пять* избирательныхъ шаровъ и *пять* неизбирательныхъ; значить, избираемый не выбранъ на новое пятилѣтіе. Всталъ Петръ Семеновичъ съ своего кресла, вышелъ, шатаясь, изъ залы засѣданій и прошелъ прямо въ Троицкій соборъ излить свое горе въ молитвѣ. А. В. Горскій былъ потрясенъ; Петръ Сионовичъ былъ человѣкомъ ему близкимъ. Лица, такъ удачно сведшія съ П. С. Казанскимъ счеты, совершенно чуждые дѣлу научному, сами же не пожелали отыскивать преемника забаллотированному профессору и сами же предложили избирать его по полугодіямъ на продолженіе чтеній по всеобщей гражданской исторіи.

Послѣ забаллотировки полученіе докторства практическаго значенія имѣть уже не могло; продолжить службу на пять лѣтъ стало невозможно. Но П. С. Казанскій пожелалъ, чтобъ дѣло съ диссертацией было доведено до конца. Онъ разсудилъ, что какъ профессора его осрамили; пусть, по крайней мѣрѣ, его репутація ученаго не потерпитъ ущерба. Для лицъ, забаллотировавшихъ его, наступило положеніе неудобное. Дать докторство— послѣ забаллотированія,—это было бы совѣмъ ужъ противъ здравой логики. Нужно было направить усилія на то, чтобы сочиненіе провалилось. Дѣло составленія отзыва предстояло выполнить А. П. Лебедеву, человѣку, у котораго запасъ учености еще былъ крайне скуденъ; а оказать ученую помощь, несмотря на все свое желаніе, не могли ни Н. И. Субботинъ, ни товарищъ А. П. Лебедева по курсу А. П. Смирновъ; у нихъ совѣмъ не доставало свѣдѣній, нужныхъ для такого дѣла. Остальные трое преподавателей церковно-историческаго отдѣленія Д. Ѳ. Класицынъ, В. О. Ключевскій и Д. Д. Корольковъ совѣмъ не имѣли охоты оказать какую-нибудь помощь. Нести ношу составленія отзыва приходилось одному А. П. Лебедеву. Отзывъ долженъ былъ пойти на судъ совѣта, а черезъ совѣтъ и на судъ публики, потому что протоколы совѣта должны публиковаться въ общее свѣдѣніе. Наконецъ, отзывъ былъ представленъ А. П. Лебедевымъ. Членовъ историческаго отдѣленія было въ то время налицо *шесть* человѣкъ; трое, Н. И. Субботинъ, А.

П. Лебедевъ и А. П. Смирновъ подписали отзывъ, а трое не подписывали; значить, отзывъ не могъ пойти въ совѣтъ академіи въ качествѣ отзыва отдѣленія. Не знаю, какими средствами, но, во всякомъ случаѣ, добыта была и четвертая подпись, Д. Θ. Касицына; значить, большинство составилось. В. О. Ключевскій и Д. Д. Корольковъ представили особые отзывы, въ пользу сочиненія. Отзывъ В. О. Ключевского надѣлалъ много хлопотъ Н. И. Субботину и А. П. Лебедеву. Онъ написанъ былъ съ такимъ же мастерствомъ, какимъ услаждались много разъ читатели позднѣйшихъ произведеній его пера. Замѣчу, что тогда, въ 1872 году, начинался еще только второй годъ службы Василія Осиповича въ академіи. Ни И. И. Субботинъ, ни А. П. Лебедевъ силъ своего противника еще не имѣли случая взвѣсить надлежащимъ образомъ. Не краткій отзывъ В. О. Ключевского весь состоялъ изъ доказательствъ того положенія, что на основаніи самого же отзыва, составленнаго А. П. Лебедевымъ, слѣдуетъ придти къ выводу, что сочиненіе П. С. Казанскаго *заслуживаетъ* докторской степени. Положеніе большинства и А. П. Лебедева оказалось и затруднительнымъ и обиднымъ. Не сумѣлъ сдѣлать правильнаго вывода,—какъ же стерпѣть такое обвиненіе въ недостаткѣ логики? Рѣшили, что стерпѣть никакъ нельзя, и что представить мнѣніе В. О. Ключевского въ совѣтъ можно не иначе, какъ съ приложеніемъ критики. Критику, конечно, долженъ былъ писать тотъ же А. П. Лебедевъ. Какъ онъ ее написалъ, читатель, знакомый съ полемическими его статьями противъ А. М. Иванцова и о. Добронравова, можетъ догадаться. Онъ нашелъ въ отзывѣ В. О. Ключевского и «тенденціозныя, намѣренныя подставки», и мѣста, «исполненныя непониманія»; «основанія у г. Ключевского не болѣе, какъ блѣдныя тѣни, и притомъ созданныя его фантазією». «Какой смыслъ въ доказательствѣ г. Ключевского—мы не добились до этого». «Довольствуется г. Ключевскій пустымъ намекомъ». «Слова г. Ключевского мы считаемъ неумѣстными и неприличными въ устахъ г. Ключевского». «Основаніе у г. Ключевского всецѣло ложно». «Искажаетъ мѣста по своему вкусу». Но, впрочемъ, будетъ. Щедрость А. П. Лебедева на всяческія «кислыя» слова уже достаточно извѣстна читателямъ его полемическихъ статей. Отмѣтить

нужно только примѣчательное сходство пріемовъ давнишней и новѣйшей полемики А. П. Лебедева. Полемизируя съ о. Добро-правовымъ, онъ усилилъ въ весьма значительной степени укору сочиненіямъ А. М—ча; точно такъ и здѣсь; полемизируя съ В. О. Ключевскимъ, онъ въ весьма значительной степени усилилъ укору сочиненію П. С. Казанскаго. Что было, то и есть; что есть, то и было.

Появленіе критики большинства на мнѣніе одного изъ меньшинства, конечно, составляло явленіе, не согласное ни съ требованіями разума, ни съ закономъ.

Прежде чѣмъ я буду продолжать свой рассказъ, я на этомъ мѣстѣ хочу сдѣлать нравственную передышку и для себя, и для читателя. Передышка будетъ сдѣлана въ честь В. О. Ключевскаго, и здѣсь будетъ не совсѣмъ неумѣстна.

Бесѣдуя съ А. М. Иванцовымъ *de omni re scibili et quibusdam aliis*, мы разъ заговорили объ отличительныхъ особенностяхъ статей и рѣчей В. О. Ключевскаго. Оказалось, что мысли А. М—ча и мои были одинаковы, даже до смѣшной степени; выходило похоже на то, какъ будто одинъ изъ насъ написалъ, а другой заучилъ написанное и сталъ выдавать за свое. (Подобный случай у меня былъ съ заслуженнымъ профессоромъ Казанской духовной академіи П. В. Знаменскимъ въ разсказахъ о нашемъ семинарскомъ житіѣ). Тожественное сужденіе двоихъ старыхъ профессоровъ, одного академическаго, другого университетскаго, о третьемъ тоже не молодомъ, и въ одно и то же время профессорствующемъ и въ университетѣ, и въ академіи, можетъ представлять нѣкоторый интересъ и по отношенію къ А. М. Иванцову и по отношенію къ В. О. Ключевскому, о которомъ сейчасъ шла рѣчь. Мнѣ пришлось высказать наше тожественное сужденіе въ застольной рѣчи. Вотъ она:

«Случалось мнѣ не разъ и хаживать и сиживать около Вианскаго пруда въ лунныя ночи, при легкомъ вѣтеркѣ, и любоваться игрой свѣта на мелкихъ волнахъ, катившихся иногда вдоль, иногда поперекъ узкой водной полосы, отражавшей блескъ луны. Смотришь,—мелюзги - волночки бѣгутъ будто наперегонки и, мелькая, сверкаютъ мгновенно вспыхивающими огоньками бѣ-

лощветными, будто отпущенными съ Эдисоновскихъ лампочекъ на самый короткій срокъ. Игрою свѣта на мелкой водной ряби любовался я подолгу.

«Случалось мнѣ, проходя мимо пашни, останавливаться и любоваться, какъ съѣтъ хорошій посѣвщикъ. Крѣпко ступнетъ онъ лѣвой ногой, быстро передвинетъ правую, нижнимъ концомъ кисти правой руки стукнетъ слегка объ лукошко,—и широкимъ вѣеромъ раскинутся изъ его горсти сѣмена ржи или овса. Посмотришь: зерна легли правильно, съ одинаковой густотой, совсѣмъ безъ прогаловъ. Рука посѣвщика сработала свое дѣло мастерски, не хуже сѣялки. Смотришь,—и любишься.

«Слушаешь сонату или симфонію Бетховена,—и дивишься силѣ его мысли, его чувства, его фантазіи. Щедрый, чуть не до расточительности, богачъ музыкальнаго міра, онъ будто совсѣмъ невзначай, походя, на всѣ стороны, раскидываетъ свое добро: куда—червонецъ полнолѣнный, куда—цѣлковый-рубль, куда—блестящую, совсѣмъ новенькую, музыкальную мелочь. Только успѣвай замѣчать, куда и что летитъ, и только успѣвай хватать. Схватишь, но никому не угадать, чѣмъ на слѣдующей же строкѣ метнетъ онъ въ твои жадно слушающія уши.

«То же, по существу, что и въ лунныя ночи на Виѳанскомъ прудѣ, то же, что и около умѣлаго посѣвщика на пашнѣ, то же, что и слушая Бетховена, переживалъ я, читая ваши, Василій Осиповичъ, статьи.

«Еще разъ поднимемъ бокалы за игру свѣта, за мастерство сѣва, за Бетховеновскій укладъ русской мысли и рѣчи,—и выпьемъ за Василія Осиповича Ключевского».

Передохнувъ, пойду дальше.

Въ декабрѣ 1872 года дѣло о докторскомъ сочиненіи П. С. Казанскаго доложено было совѣту. По прочтеніи представленнаго отъ историческаго отдѣленія отзыва, отдѣльныхъ мнѣній, критики на отдѣльное мнѣніе В. О. Ключевского, и моей критики на внесеніе этой критики, ректоръ академіи о. прот. А. В. Горскій заявилъ, что онъ представитъ Совѣту свое мнѣніе о сочиненіи профессора Казанскаго. О. архимандр. Михайлъ, выслушавъ это, сказалъ: «въ такомъ случаѣ, и я представлю свое

мнѣніе». Другіе высказали желаніе, чтобы, въ виду разногласія въ отзывахъ, представленныхъ церковно-историческимъ отдѣленіемъ, предоставлено было достаточно времени для обстоятельнаго ознакомленія съ сочиненіемъ профессора Казанскаго. Разсмотрѣніе дѣла и было отложено до января 1873 года.

На этомъ засѣданіи я былъ пораженъ содержаніемъ и тономъ заявленія, сдѣланнаго о. архим. Михайломъ. Онъ видимо хотѣлъ противопоставить свой отзывъ отзыву такого знатока церковной исторіи, какъ А. В. Горскій. Степень познаній о. архим. Михаила по той наукѣ, которую онъ самъ преподавалъ въ продолженіе восемнадцати уже лѣтъ, извѣстна было мнѣ въ *точности*. Познанія его были крайне скудны и по своему, ближайшему дѣлу; а человекъ вздумалъ еще противопоставить свое мнѣніе по предмету, совсѣмъ для него чуждому, противопоставить мнѣнію великаго знатока церковной исторіи. Возвращаясь съ засѣданія домой, я рѣшилъ печатно показать, что о. архимандр. Михаилъ знаетъ свое дѣло плохо. Статьи мои «О трудахъ архимандрита Михаила» были напечатаны въ февральской и апрѣльской книжкахъ «Правосл. Обзор.» за 1873 годъ.

25-го января 1873 года дѣло о докторской диссертациі П. С. Казанскаго было рѣшено, вопреки затѣвѣ историческаго отдѣленія; сочиненіе было допущено къ публичной защитѣ. Днемъ диспута было назначено двадцать седьмое число марта. Въ газетахъ напечатаны были объявленія объ этомъ, приглашены оба викарія московской митрополіи. Но наканунѣ диспута, вечеромъ, члены совѣта инспекторъ С. К. Смирновъ, Е. В. Амфитеатовъ, отецъ архим. Михаилъ и Н. И. Субботинъ прислали о. ректору академіи А. В. Горскому извѣщенія, что они, по причинѣ болѣзни, не могутъ быть въ собраніи совѣта 27 числа. Эта внезапная болѣзнь имѣла то значеніе, что собраніе не могло уже состояться. По закону, общес собраніе тогда только могло дѣлать свое дѣло, когда на немъ оказалось бы присутствующихъ не менѣе двухъ третей общаго числа; а въ настоящемъ случаѣ изъ *одинадцати членовъ* захворали *четверо*. За вычетомъ ихъ осталось семь человекъ, *менѣе* двухъ третей. Понятно, что произошелъ большой переполохъ. Нужно было тотчасъ же разсылать телеграммы и къ приглашеннымъ архіереямъ и въ газеты. Тревожны очень

были эти дни, и особенно, конечно, для ректора и для докторанта. У А. В. Горскаго, страдавшаго органическимъ порокомъ сердца, вѣроятно, много дней жизни убавилось за это время. Митрополитъ донесъ объ этихъ происшествіяхъ Святѣйшему Синоду. Святѣйшій Синодъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ случаѣ повторенія подобнаго обстоятельства при предполагаемомъ о ректоромъ новомъ назначеніи времени для диспута, совѣтъ освидѣтельствовать заболѣвшихъ черезъ академическаго врача, въ присутствіи назначеннаго совѣтомъ депутата. Диспутъ состоялся, наконецъ, 2 октября 1873 года. На диспутѣ докторантъ сильно напалъ на молодого своего рецензента, и А. П. Лебедеву пришлось ясно обнаружить тогдашнюю скудость своихъ церковно-историческихъ познаній. Искомая степень была получена; но академія во время всей этой исторіи подверглась сраму не малому.

Не къ чести академіи служили и первыя печатныя статьи А. П. Лебедева по церковной исторіи. Онъ началъ писать ихъ *слишкомъ рано*, недостаточно еще ознакомившись съ своимъ дѣломъ. По поводу цитатъ, какія онъ ставилъ въ своихъ первыхъ статьяхъ, надъ нимъ смѣялись мы не мало. Нѣкоторое время его даже и называли *cursus complectus*. Для знающихъ латинскій языкъ это было такъ же смѣшно, какъ и такая, на примѣръ, цитация: См. «Васеленскіе соборы», А. П. Лебедева. Впослѣдствіи такіе грѣхи перестали встрѣчаться въ статьяхъ А. П. Лебедева. Его образцовое трудолюбіе дало ему возможность писать много, и писать уже безъ грубыхъ ошибокъ. Но у него не было крайности печататься и въ то время, когда безъ промаховъ онъ обходиться не могъ. Эта торопливость никакъ не должна бы уживаться съ искреннею *любовью* къ наукѣ, а тѣмъ болѣе съ тою степенью любви къ наукѣ, какую усвояетъ себѣ самъ А. П. Лебедевъ. Онъ приписываетъ себѣ любовь къ наукѣ *до самозабвенія*. Думаю, что это слово вырвалось у него потому только, что онъ написалъ свои статьи, помѣщенные въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ очень короткій срокъ, въ *четыре* дня, какъ онъ самъ пожелалъ сказать своею датою подъ статьями: *19—23 октября*. Правда, быстро написано, но лучше было бы, если бы авторъ имѣлъ поболѣе времени вдумываться въ свои слова. Возьмемъ, на примѣръ, хотя это пресловутое: *до*

самозабвенія. Хорошо ли терять обладаніе сознаниемъ, не помнить себя? Вѣдь это почти то же, что напрашиваться на *невъимьяемость*. Тою же торопливостію нужно объяснять сообщенное имъ самимъ извѣстіе объ употребленіи выраженія: *до остервененія*. Цитата изъ письма «одного русскаго архипастыря» совсѣмъ неумѣстна послѣ только что написаннаго А. П. Лебедевымъ разъясненія родственныхъ отношеній о. Добронравова къ А. М. Иванцову. Впадать въ такое грубое противорѣчіе себѣ изъ-за одной только фразы авторъ, конечно, не желалъ бы, но торопился, не сообразилъ. Ему некогда было сообразить и того, что человѣку, такъ быстро, въ четыре дня, написавшему цѣлый рядъ статей, нельзя изображать себя полуслѣпымъ, изнемогающимъ: и всякому зрячему и здоровому дай Богъ работать такъ быстро. Тѣмъ же отсутствіемъ вдумчивости нужно объяснить и разность въ суммахъ сложенія сочиненій А. М. Иванцова: въ одномъ мѣстѣ А. П. Лебедевъ насчитываетъ ихъ *три* (№ 298), въ другомъ *три или четыре*, начинаетъ перечислять ихъ и выходитъ *четыре* (№ 305). Три разныхъ счета и притомъ въ такихъ суммахъ, для которыхъ съ избыткомъ достаточно пальцевъ одной руки!

Не мпрится въ моемъ умѣ увѣренія А. П. Лебедева въ степени его любви къ исторической наукѣ съ его явнымъ пренебреженіемъ къ фактамъ безспорно большаго историческаго значенія. Ему дѣла нѣтъ до Иванцова-публициста, до Иванцова-оратора, до Иванцова-пастыря; онъ даже не скрываетъ, что почти ровно ничего не знаетъ, да и знать не желаетъ о дѣятельности А. М. Иванцова въ этихъ областяхъ. Я, говорить, знаю три книжки, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ. Неужели это голосъ настоящаго историка? Еще терпимо было слышать такія рѣчи отъ А. П. Лебедева на второмъ году его пребыванія на исторической кафедрѣ, когда на указанія трудовъ П. С. Казанскаго по вопросамъ русской церковной и гражданской исторіи, трудовъ, составлявшихъ цѣнный вкладъ въ науку, онъ отвѣчалъ, что въ сужденіи о правахъ П. С. Казанскаго на ученую степень онъ обязанъ имѣть въ виду *только* книжки о монашествѣ. Остаться на той же ступени историческаго непониманія послѣ чуть не тридцатилѣтняго пребыванія на исторической кафедрѣ,—

да вѣдь это почти невѣроятно. И не стыдно историку говорить, что кромѣ книжекъ по церковной исторіи онъ зпать ничего не хочетъ и не обязанъ? Мало тутъ любви къ истинной исторіи!

Тяжело мнѣ было видѣть въ 302 № конвульсивныя и, можно сказать, младенческія усилія объяснить, почему А. М. Иванцовъ не выступилъ съ своею полемикою противъ докторской диссертациі А. П. Лебедева прежде, чѣмъ авторъ диссертациі успѣлъ защитить ее и приобрѣсти докторскую степень. По этому случаю я предложу А. П. Лебедеву одну задачу. для него лично пмѣющую не малое значеніе. Путемъ доступныхъ ему историческихъ розысканій не дойдетъ ли онъ до твердыхъ, несомнѣнно правильныхъ отвѣтовъ на вопросы: 1) Справедливо ли сказаніе о томъ, что *Ив. Серг. Аксаковъ* написалъ передовую статью для своей газеты «День» о докторской диссертациі А. П. Лебедева? 2) Справедливо ли, что статья указывала очень рѣзко на такія особенности сочиненія, указаніе которыхъ могло невыгодно отзываться на дѣлѣ приобрѣтенія А. П. Лебедевымъ докторской степени? 3) Справедливо ли, что А. М. Иванцовъ-Платоновъ уговорилъ *Ив. Сергѣевича Аксакова* не печатать эту статью? 4) Справедливо ли, что *Ив. Серг. Аксаковъ*, уступивъ доводамъ А. М. Иванцова, взялъ съ него слово непременно написать статью о диссертациі А. П. Лебедева *послѣ* полученія докторантомъ искомой докторской степени?

Мнѣ кажется, что точные отвѣты на эти четыре вопроса должны имѣть не малое значеніе и въ глазахъ самого А. П. Лебедева и его читателей.

Въ своей статьѣ (№ 299) А. П. Лебедевъ говоритъ, что онъ *въ жизнь свою ни на кого не возводилъ клеветы*. Не знаю, какое изъ употребляемыхъ имъ въ обиліи «кислыхъ» словъ онъ найдетъ умѣстнымъ употребить по отношенію къ слѣдующему случаю.

Читалъ А. П. Лебедевъ свою прощальную лекцію въ аудиторіи московской духовной академіи. На лекцію онъ приглашалъ и профессоровъ академіи и преподавателей Виѳанской семинаріи; дѣйствительно, были и профессора, и преподаватели семинаріи, и студенты всѣхъ курсовъ. Въ лекціи своей онъ изображалъ себя какимъ-то великомученникомъ, страдавшимъ отъ многихъ

гонителей; эпоха гонсій наступила для него со времени напечатанія имъ докторской диссертациі. Въ число гонителей попалъ и секретарь московскаго духовно-цензурнаго комитета. Секретарю доставлена была рукопись: «Нѣсколько словъ въ защиту отцевъ перваго вселенскаго собора и вообще православія. По поводу выхода книги: Вселенскіе соборы IV и V вѣка, профессора московской духовной академіи А. П. Лебедева. Ѳ. Матвѣева. Въ листъ, 22 стр.». Рукопись эта должна была имѣть вредное значеніе для диссертациі А. П. Лебедева, и секретарь, племянникъ П. С. Казанскаго, послалъ эту рукопись на цензурное разсмотрѣніе къ другому дядѣ своему М. С. Боголюбскому, а не къ какому-либо другому цензору, изъ желанія повредить автору диссертациі «Вселенскіе соборы», ему, А. П. Лебеву. Вижу въ этомъ разсказѣ разнообразныя слѣды и несообразности разсказчика и малоспособности его къ строгой исторической критикѣ.

Во-первыхъ, въ теченіе цѣлыхъ двадцати пяти лѣтъ человѣкъ не сумѣлъ замѣтить, что у меня ни разу не появлялось желанія отплатить ему за отзывъ его о докторскомъ сочиненіи П. С. Казанскаго. Не появлялось оно потому, что я, цѣня надлежащимъ образомъ и способности и трудолюбіе А. П. Лебедева, объяснялъ себѣ происхожденіе его отзыва тѣмъ только, что онъ еще *молодъ и зеленъ*. Это такія качества, которыя съ лѣтами *моги* исчезнуть.

Во-вторыхъ, не сообразилъ человѣкъ, что я могъ отплатить ему, если бы хотѣлъ, нисколько не нѣждаясь въ рукописи Матвѣева; перо у меня и теперь изъ рукъ еще не валится.

Въ-третьихъ, не сообразилъ человѣкъ, что его первыя историческія статьи давали и мнѣ, какъ и всякому другому, достаточно матеріаловъ для того, чтобы рельефно выставить на показъ скудость его ученыхъ ресурсовъ.

Въ-четвертыхъ, не сообразилъ человѣкъ, что мнѣ, профессору и инспектору, несшему обязанности и секретаря цензурнаго комитета, совсѣмъ не до того было, чтобы прочитывать рукописи и книги, представлявшіяся на разсмотрѣніе цензуры. Рукописей и книгъ поступало очень много. Наприм., въ теченіе одного перваго мѣсяца того самого 1879 года, въ которомъ вы-

шла брошюра Матвѣева, троими членами цензурнаго комитета были рассмотрѣны 1.366 страницъ рукописей, 1889 страницъ книгъ и 85 картинъ. Не то, что читать рукописи и книги, а только управляться съ чисто-канцелярскою работою секретарю было не легко, при другихъ серьезныхъ дѣлахъ.

Въ-пятыхъ, авторъ не сообразилъ, что авторы рукописей и издатели книгъ, особенно изъ числа жителей Москвы, могли считать для себя гораздо болѣе удобнымъ доставлять свои рукописи и книги прямо къ жившимъ въ Москвѣ цензорамъ: о. протоіерею М. С. Боголюбскому и о. архимандриту Сергію.

Въ-шестыхъ, авторъ не сообразилъ, что въ дѣлахъ комитета, именно въ записяхъ бумагъ входящихъ и исходящихъ, останутся несомнѣнные, недопускающія никакой возможности извращенія, доказательства того, была ли извѣстная рукопись доставлена въ канцелярію комитета, или поступила прямо отъ автора въ руки цензора. Дѣла комитета математически точно докажутъ А. П. Лебедеву, если онъ захочетъ справиться въ нихъ, что рукопись Матвѣева, до ея одобренія въ печать, въ рукахъ у секретаря не была, а поступила прямо въ руки цензора.

Теперь пусть А. П. Лебедевъ самъ и пріискиваетъ *названіе* для своего дѣянія, публично имъ содѣяннаго въ аудиторіи московской духовной академіи по отношенію къ секретарю цензурнаго комитета, то-есть ко мнѣ. А во всякомъ случаѣ, изъ „эпохи гоненій“ на А. П. Лебедева одного Діоклетіана, сидѣвшаго въ московскомъ комитетѣ для цензуры духовныхъ книгъ, изъ *сонма ионителей* нужно исключить. Да и весь *сонмъ*, при надлежащемъ историческомъ разслѣдованіи, *не исчезнетъ* ли легкимъ *дымомъ*?

Если бы, вопреки законамъ совѣсти и внушеніямъ здраваго разума, А. П. Лебедевъ и *послѣ* всего вышенаписаннаго отважился гдѣ-либо, въ автобіографіи ли, имъ обѣщанной, или въ другомъ какомъ изданіи или мѣстѣ, печатно, или письменно, или же устно, повторить свою басню объ участіи секретаря цензурнаго комитета въ одобреніи къ напечатанію рукописи Ѳ. Матвѣева „Нѣсколько словъ“ и прочее, то сими самыми строками завѣщаваю всѣмъ своимъ сыновьямъ, всѣмъ своимъ дочерямъ, и всѣмъ своимъ зятьямъ, настоящимъ и будущимъ,

привлечь А. П. Лебедева къ судебной отвѣтственности и не соглашаться на взысканіе съ него штрафа въ какомъ бы то ни было размѣрѣ, но всячески тщиться ввергнуть его въ темницу, по меньшей мѣрѣ на седмицу.

А. П. Лебедевъ желаетъ прослужить въ университетѣ двадцать пять лѣтъ, подобно тому, какъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ въ академіи (№ 298). На доброе здоровье! Желаю ему написать еще болѣе книгъ, чѣмъ сколько написалъ онъ въ первое двадцатипятилѣтіе. Но пусть онъ дастъ себѣ зарокъ: *никогда въ полемику ни съ кѣмъ не пускаться*. Въ полемикѣ онъ не можетъ обуздывать свое самолюбіе. Если онъ будетъ пускаться въ полемику и въ послѣдующія двадцать пять лѣтъ, то мало будетъ чести и академіи и университету. Онъ подвергнется опасности заслужить такой приговоръ: *А. П. Лебедевъ былъ очень способный, примѣрно трудолюбивый и безмѣрно-самолюбивый старо-перервинскій бурсакъ*.

Изъ наблюденій стараго профессора.

Посвящается дорогой памяти

о. протоіерея

А. М. Иванцова-Платонова.

Мои «наблюденія» возбуждали глубокое сочувствіе покойнаго о. протоіерея. Его дорогой для меня памяти я и посвящаю печатаемую часть моихъ наблюденій, написанныхъ назадъ тому лѣтъ шесть.

П. ГОРСКІЙ-ПЛАТОНОВЪ.

Изъ наблюденій стараго профессора.

Когда я излагалъ въ своей статьѣ: „*Антука*“ (Сериевъ *Посадъ*, 1893 г.) результаты моихъ наблюденій надъ исторіею различныхъ законодательныхъ мѣропріятій, пытаюсь найти въ этихъ наблюденіяхъ твердую опору для мысли о дозволительности и законности критическаго отношенія къ различнымъ законодательнымъ мѣрамъ того или другаго времени, тогда у меня была еще возможность говорить языкомъ сомнѣнія относительно необходимости просить у исторіи оправданій для своихъ критическихъ сужденій. Тогда я могъ еще думать, что, «*можетъ быть*, и нѣтъ настоящей нужды» звать къ себѣ на помощь исторію человѣческаго рода, чтобы она подсобила оправдаться отъ укоровъ въ непочтительномъ отношеніи къ нѣкоторымъ частнымъ узаконеніямъ. А теперь я живо чувствую настоящую надобность непременно опереться на историческіе выводы, сдѣланные мною въ прежде указанной статьѣ.

«Если исторія свидѣтельствуетъ»,—сказано тамъ,—что доселѣ весьма часто принимаемы были въ качествѣ благихъ такія мѣры, которыя совсѣмъ этого качества не имѣли; если умъ человѣческій, изобрѣтавшій тѣ или другія мѣры для достиженія тѣхъ или другихъ благихъ цѣлей, доселѣ часто погрѣшалъ; если, наконецъ, причина этихъ погрѣшностей заключается въ органическомъ недостаткѣ, именно въ ограниченности человѣческаго ума: то, за неимѣніемъ въ виду средствъ къ устраненію этого органическаго недостатка, должно будетъ признать, что не только въ прежнее время, но и въ настоящее время ошибки какъ въ опредѣленіи блага, такъ и въ употребленіи тѣхъ или другихъ средствъ къ достиженію этого блага, могутъ имѣть мѣсто въ мѣропріятіяхъ всякаго человѣческаго, а слѣдовательно и нашего отечественнаго законодательства».

«Если спорить противъ правильности этого заключенія нельзя, то должно призвать, что съ уваженіемъ къ закону вполне совмѣстимо критическое отношеніе къ тѣмъ или другимъ узаконеніямъ въ частности, и вполне справедливо стремленіе къ улучшенію тѣхъ или другихъ частей законодательства. Если много разъ и въ теченіе прошедшихъ столѣтій исторіи человѣческаго рода оказывалась необходимость производить перемѣну узаконеній, то необходимость эта можетъ находить себѣ мѣсто и въ настоящіе, и въ послѣдующіе годы исторіи человѣчества».

Къ этимъ именно выводамъ и относилась моя надежда, «что сказанное мною пригодится для меня на будущее время». Мнѣ не разъ, можетъ быть, придется становиться подъ защиту сейчасъ приведенныхъ соображеній, и хотѣлось бы надѣяться, что этотъ щитъ окажется вполне пригоднымъ для отраженія всякой *стрѣлы* и всякаго *бѣса* и полуденнаго, и полуночнаго (Псал. 90, 6). На будущее время я уже не буду выносить свой щитъ на улицу, а въ случаяхъ нужды буду сокращенно цитовать его такъ: см. «*Щитъ*».

До 6 іюля 1883 года имѣли полную силу тѣ параграфы Высочайше утвержденнаго 30-го мая 1869 года устава православныхъ духовныхъ академій, которые узаконяли: *во-первыхъ*, существованіе въ академіи своекоштныхъ студентовъ, *во-вторыхъ*, право ихъ поступать, по мѣрѣ вмѣстительности академическихъ зданій, на полное академическое содержаніе пансіонерами, съ обязательствомъ, конечно, платить правленію академіи ту же сумму, какая отпускается и на казеннокоштныхъ студентовъ; *въ-третьихъ*—право ихъ жить въ академическихъ зданіяхъ, за плату конечно, въ качествѣ полупансіонеровъ, не получающихъ изъ полнаго содержанія только одежду; *въ-четвертыхъ*—право жить на частныхъ квартирахъ (см. параграфы устава 128-й, 153-й и 154-й).

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 6—13 іюля 1883 г. за № 1195 сила указанныхъ параграфовъ Высочайше утвержденнаго устава была упразднена: измѣненіе устава состояло въ томъ, что у своекоштныхъ студентовъ, *во-первыхъ*, отнято было

право жить въ академическихъ зданіяхъ полупансіонерами; отнято, *во-вторыхъ*, право жить на частныхъ квартирахъ, даже и у родственниковъ, исключая только родителей; отнято, *въ-третьихъ*, право поступать на полное академическое содержаніе, если академическія зданія окажутся тѣсны и не вмѣстятъ всѣхъ желающихъ сдѣлаться пансіонерами.

Такая существенная передѣлка указанныхъ параграфовъ устава произведена «опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 6—13 іюля 1883 года о приѣмѣ семинарскихъ воспитанниковъ въ духовныя академіи», опубликованнымъ для руководства по духовному вѣдомству и ко всеобщему свѣдѣнію въ официальномъ отдѣлѣ «Церковнаго Вѣстника» (№ 29, отъ 16 іюля 1883 года). Въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода сказано: «Своекоштные студенты допускаются въ академію только въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокоштныхъ студентовъ; число ихъ опредѣляется вмѣстительностью академическихъ зданій. Въ зданіи академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей».

Опредѣленіе Св. Синода опубликовано было *для руководства и всеобщаго свѣдѣнія* 16-го іюля 1883 года; а чрезъ семь недѣль послѣ этого въ томъ же «Церковномъ Вѣстникѣ» (№ 36, отъ 3 го сентября 1883 г.) было опубликовано, что на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. синодальнаго оберъ-прокурора о сдѣланномъ Святѣйшимъ Синодомъ распоряженіи Высочайшее согласіе начертано было въ *тридцатый* день іюля того же 1883 года. Изъ сего открывается, что опубликованіе распоряженія послѣдовало за четырнадцать дней до воспослѣдованія Высочайшаго согласія на это распоряженіе.

Спѣшность «Церковнаго Вѣстника» въ обнародованіи опредѣленія Святѣйшаго Синода ясно выразилась и въ томъ, что по воспослѣдованіи опредѣленія Святѣйшаго Синода (6—13 іюля) оно появилось на столбцахъ «Церковнаго Вѣстника» чрезъ три дня, именно 16-го іюля, а по воспослѣдованіи (30-го іюля) Высочайшаго согласія на это опредѣленіе оно (изъявленіе согласія) опубликовано въ томъ же «Вѣстникѣ» только чрезъ тридцать четыре дня (въ № 36 отъ 3-го сентября), хотя предложеніе г. оберъ-

прокурора по сему дѣлу пошло отъ него въ Синодъ 4-го числа августа; въ Синодѣ оно было заслушано только 17—22 августа и въ 35-й № «Вѣстника», вышедшій 27-го августа, не успѣло войти.

Кромѣ усиленной скорости въ обнародованіи опредѣленія, еще не получившаго Высочайшаго согласія и нѣкотораго, сравнительно промедленія въ обнародованіи Высочайшаго согласія, въ томъ же опредѣленіи обращаетъ на себя вниманіе ссылка на Высочайшее повелѣніе 9-го мая 1881 года. Въ опредѣленіи сказано, что Святѣйшій Синодъ далъ это опредѣленіе «руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 9-го мая 1881 г. (собр. узак. и расп. правит. 1881 г. № 82, ст. 552)». Этимъ актомъ предоставлено Святѣйшему Синоду окончательное рѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ, прежде восходившихъ на разрѣшеніе и утвержденіе Верховной власти. Въ перечнѣ, точно перечисляющемъ всѣ дѣла (числомъ 12), которыя Св. Синодъ получилъ право рѣшать окончательно, дѣла объ измѣненіи параграфовъ Высочайше утвержденныхъ уставовъ нѣтъ, да и не можетъ быть. Допустить можно только одно предположеніе, именно, что ссылка на Высочайшее повелѣніе сдѣлана въ смыслѣ указанія на девятую статью перечня, въ которой значится дѣло «объ изыятіяхъ изъ дѣйствующихъ нынѣ уставовъ и штатовъ духовно-учебныхъ заведеній въ нѣкоторыхъ *частныхъ случаяхъ*, по особо уважительнымъ обстоятельствамъ». Другихъ статей въ перечнѣ, которыя давали бы хотя слабое указаніе на возможность привлечь ихъ къ настоящему дѣлу, совсѣмъ нѣтъ. Разъяснить неправильность ссылки на вышеуказанную девятую статью, если она именно имѣлась въ виду, нѣтъ надобности и по ясности дѣла, и по той причинѣ, что при правильности ссылки на нее уже не было надобности возводить дѣло на Высочайшее утвержденіе *).

Не менѣе примѣчательно въ настоящемъ дѣлѣ и то обстоятельство, что въ то время, то-есть въ 1883 году, происходилъ пересмотръ академическаго устава. Дѣло пересмотра академическаго устава было производимо въ особомъ для сего составленномъ комитетѣ, начавшемъ свои дѣйствія въ 1881 году; затѣмъ

*) См. „Щитъ“.

составленный комитетомъ проектъ устава потребовалъ пересмотра со стороны другого лица, въ комитетѣ не участвовавшаго, и окончившаго порученное ему дѣло въ 1883—4 учебномъ году *). Въ то время, когда дѣло пересмотра проекта устава уже передано было изъ комитета въ другія руки, тогда именно и послѣдовало измѣненіе устава вышеупомянутымъ опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 6—13 іюля. Изъ этого открывается, что въ дѣло измѣненія дѣйствовавшаго устава академій вошелъ и Святѣйшій Синодъ, не признавая возможнымъ дожидаться результатовъ производившагося пересмотра устава. Такимъ образомъ, пересмотръ устава академическаго на пути къ своему концу получилъ для себя готовые, не подлежащіе пересмотру и въ иной инстанціи выработанные параграфы.

Нельзя оставлять безъ вниманія и то обстоятельство, что новыя положенія устава академическаго, изложенныя въ опредѣленіи Св. Синода отъ 6—13 іюля, были обнародованы въ лѣтнее время, когда давно уже наступили лѣтнія каникулы для старѣйшихъ членовъ Св. Синода, уѣхавшихъ въ свои епархіи и потому не участвовавшихъ въ обсужденіи ни обнародованныхъ правилъ, ни правильности и законности обнародованія ихъ безъ Высочайшаго утвержденія. Извѣстно, что важнѣйшія изъ подлежащихъ вѣдѣнію Св. Синода дѣла подвергаются обсужденію и рѣшаются въ полныхъ собраніяхъ Св. Синода; а въ лѣтнее время, за отсутствіемъ членовъ Св. Синода, разсматриваются дѣла сравнительно менѣе важныя. Отсюда слѣдуетъ, что дѣло объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ академическаго устава было признано не весьма важнымъ, и въ то же время оно признано было на столько важнымъ, что оказалось невозможнымъ оставить въ дѣйствиіи эти параграфы до окончанія дѣла о пересмотрѣ академическаго устава, которое, какъ сказано, послѣдовало въ 1883—4 учебномъ году, и получило Высочайшее утвержденіе 20 апрѣля 1884 года. Изъ этого заключить нужно, что оставленіе въ дѣйствиіи на нѣсколько мѣсяцевъ нѣкоторыхъ параграфовъ академическаго устава признано было весьма вреднымъ **).

*) Это лицо — высокопреосвященный Іоанникій, тогда митрополитъ московскій и коломенскій.

**) См. „Щитъ“.

Такое необычное въ различныхъ отношеніяхъ теченіе дѣла о своекоштныхъ студентахъ академій невольно возбуждаетъ вниманіе и вызываетъ охоту вникнуть поглубже въ самое существо вопроса о пользѣ или вредѣ существованія своекоштныхъ студентовъ. Вопросъ о своекоштныхъ студентахъ имѣетъ большое практическое значеніе прежде всего для духовенства и для его дѣтей, а потомъ и для тѣхъ классовъ общества, въ которыхъ могли бы найтись лица, желающія получить высшее богословское образованіе. Послушать моихъ рѣчей объ этомъ предметѣ интересно уже по одной той причинѣ, что мнѣ можно считать себя почти единственнымъ во всей Россіи специалистомъ въ этой области. Я составляю въ нѣкоторомъ смыслѣ что-то въ родѣ *exemplar unicum*, или эксперта *par excellence*.

Кромѣ шутокъ, я нахожусь дѣйствительно въ совершенно исключительномъ положеніи по отношенію къ вопросу о своекоштныхъ студентахъ. Восемь лѣтъ я былъ инспекторомъ казеннокоштныхъ и своекоштныхъ студентовъ Московской Духовной Академіи, и притомъ въ то именно время, когда своекоштныхъ квартирныхъ студентовъ было въ этой академіи весьма много, болѣе 140 человекъ. Быть и казеннокоштныхъ, и своекоштныхъ студентовъ того времени извѣстенъ мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, со всѣми и самыми мелкими подробностями; между самими тогдашними студентами и казеннокоштными, и своекоштными разныхъ наименованій, царила мысль, что ихъ инспекторъ знаетъ, будто бы, *тщательно все*. Зналъ я, дѣйствительно, весьма много, зналъ я студентовъ не только въ лицо, но и по затылку, не только по имени и фамиліи, но и по мѣсту происхожденія, и по принадлежности къ тому или другому курсу, большую часть студентовъ могъ назвать и по отчеству, всѣхъ зналъ по мѣсту жительства какъ въ зданіяхъ академическихъ, такъ и въ посадскихъ квартирахъ; однимъ словомъ, былъ завятымъ специалистомъ по своей инспекторской должности, что подтверждать, надѣюсь, безъ спора и всѣ бывшіе студенты тѣхъ временъ (1878—1886 г.). Теперь яснымъ можетъ стать то, что мой голосъ по вопросамъ, касающимся своекоштныхъ студентовъ, дѣйствительно, можетъ привлечь къ себѣ нѣ-

которое любопытство. Это будетъ голосъ не только профессора-теоретика, но и практика-спеціалиста.

Въ нашъ вѣкъ, когда такъ много выдѣлывается стальныхъ перьевъ, когда писче-бумажныя фабрики производятъ такое громадное количество бумаги и писчей, и почтовой, и всякой другой, когда потребителей этихъ товаровъ стало можно исчислять десятками милліоновъ,—въ нашъ вѣкъ, столь богатый людьми, умѣющими извлекать личную для себя пользу отъ письменной и печатной защиты самыхъ вздорныхъ взглядовъ и сужденій,— въ нашъ вѣкъ поневолѣ приходится, принимаясь за дѣло раскрытія даже и совершенно несомнѣнныхъ положеній, начинать съ *азовъ* и доказывать, что $a=a$. На этомъ основаніи задаемъ себѣ вопросъ:

Полезно ли распространять въ русскомъ обществѣ богословское образованіе?

Этотъ вопросъ не такъ мало запутанъ усердіемъ разныхъ добровольцевъ, чтобы онъ не нуждался въ рѣшеніи, сопровождаемомъ достодолжными доказательствами. Страхъ, мнимый или дѣйствительный, не разъ и у насъ, и у другихъ, высказывался даже и по дѣлу „О пользѣ чтенія Священнаго Писанія“, которое служитъ основой всякаго богословствованія, при чемъ съ особенною охотою старались выѣзжать на „простотѣ вѣры“. На нашей еще памяти серьезно, и даже съ надеждою на *одоленіе*, говорили о вредѣ чтенія Священнаго Писанія вообще и въ русскомъ переводѣ въ частности (см. мои статьи: «О недоумѣніяхъ, вызываемыхъ русскимъ переводомъ священныхъ книгъ ветхаго завѣта», «Православное Обозрѣніе», 1877 года). Но по отношенію къ чтенію Священнаго Писанія вопросъ разрѣшенъ, по видимому, уже безповоротнo. По всѣмъ вагонамъ желѣзныхъ дорогъ книгоноши, предлагающіе Псалтирь и Евангеліе, расхаживаютъ безпрепятственно, чего никакъ невозможно было и предположить во времена графа Протасова. По тѣмъ же самымъ основаніямъ, по какимъ дошло до нынѣшняго положенія дѣло о чтеніи Слова Божія, и дѣло „о дозволительности и желательности богословскаго образованія“ должно быть, разрѣшено въ томъ именно смыслѣ, что оно не только дозволительно, но и желателно, и

не только желательно по своей полезности, но даже, въ известной мѣрѣ, и обязательно. Обязательность богословскаго образованія исповѣдуетъ, можетъ быть и самъ того не зная, каждый изъ тѣхъ, кто охотно говоритъ о долгѣ пастырей научать народъ истинамъ вѣры, кто говоритъ, что нужно каждому знать, по крайней мѣрѣ, символъ вѣры, важнѣйшія молитвы, событія священной исторіи, знать катихизисъ, хотя бы и кратчайшій. Знаніе всего этого и есть *богословское образованіе* въ самой первичной его формѣ. Если богословское образованіе, даже малое, и полезно, и желательно, и обязательно, то куда укрыться и гдѣ спрятать свои головы отъ ударовъ тѣмъ людямъ, которые, проповѣдая пользу и даже необходимость богословскаго образованія наименьшей степени, пожелаютъ въ то же время ставить преграды богословскому образованію наибольшей степени? Съ которой версты длиннаго пути богословскаго образованія они будутъ переходить въ лагерь противниковъ какого бы то ни было, большого или малаго, религіознаго обученія и начать признавать его совсѣмъ не желательнымъ, не нужнымъ, не требующимъ съ ихъ стороны ни малѣйшей о немъ заботы, и даже вызывающимъ ихъ на принятіе мѣръ къ его возможному ограниченію, или даже пресѣченію? Съ того ли пункта, на которомъ начинается изученіе пространнаго катехизиса митрополита Филарета, вмѣсто краткаго? Или съ того пункта, на которомъ начинается изученіе учебниковъ по догматическому богословію, составленныхъ преосвященными Антоніемъ или Макаріемъ? Или, наконецъ, съ того пункта, на которомъ начинается изученіе догматовъ православной церкви въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ излагаютъ ученіе вѣры обширныя догматическія сочиненія преосвященныхъ Макарія и Сильвестра?

Вопросы поставлены мною такъ ясно, что, — думается мнѣ, — даже и очень смѣлые люди не будутъ чувствовать охоты *прати противъ* указанныхъ мною *рожновъ* (Дѣян. 26, 14) *).

Ставлю другой вопросъ:

Какое значеніе должно по праву принадлежать „вмѣстительности“ академическихъ зданій въ вопросъ о высшемъ богословскомъ образованіи?

*) См. „Щить“.

При всей наклонности современныхъ дѣльцовъ прикидывать на аршины и вѣсы такія дѣла, которыя нужно измѣрить и взвѣшивать не какими-либо матеріальными единицами мѣры и вѣса, легко однакоже усовѣстить и склонить этихъ дѣльцовъ отложить къ сторонкѣ припасенные ими вѣсы и мѣры слѣдующими соображеніями.

«Вмѣстительность» существующихъ въ той или другой академіи зданій не должна имѣть никакой органической связи съ вопросомъ о доступѣ къ высшему богословскому образованію. Правда, что на открытомъ воздухѣ, при нашемъ климатѣ, совершенно невозможно (не какъ въ Греціи) устраивать аудиторіи, еще менѣе возможно ставить для студентовъ на открытомъ воздухѣ кровати для сна, или столы для писанія диссертаций; для всѣхъ этихъ дѣлъ нужны крытыя и теплыя помѣщенія. Но существующія въ той или другой академіи зданія нѣтъ ни малѣйшихъ основаній подчинять принципу «неизмѣняемости». Каждое зданіе *можетъ* быть и расширено, и надстроено; рядомъ со старыми зданіями *могутъ* воздвигаться и зданія новыя. Разсудить такъ, что размѣры теперь существующихъ академическихъ зданій *должны* оставаться неизмѣнными изъ рода въ родъ и не допускать къ себѣ ни прибавленія, ни убавленія; разсуждать такъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Тѣсны зданія, расширьте ихъ. Но лишать людей и желающихъ, и способныхъ получить высшее образованіе, — лишать возможности получить его, и размѣры сего лишенія опредѣлять «вмѣстительностью» существующихъ «зданій», не заботясь о расширеніи ихъ на случай въ томъ нужды — было бы ни съ чѣмъ несообразно. Всему свое мѣсто: стѣнамъ зданія—свое, а богословскому образованію свое. Правильнѣе будетъ расширить стѣны, нежели стѣснить доступъ въ эти стѣны и поставить его въ полную зависимость отъ широты стѣнъ.

Еслибы къ рѣчамъ о «вмѣстительности» академическихъ зданій прибавлены были слова: «къ увеличенію же вмѣстительности должны быть приняты соответствующія мѣры», тогда моему недовольству «вмѣстительностью» не было бы мѣста.

Ставлю еще вопросъ:

Полезное или вредное значеніе для служителей церкви дол-

жны имѣть мѣры, направленные къ уменьшенію числа лицъ, получающихъ высшее богословское образованіе?

Было время, и притомъ очень недавно, что въ воздухѣ часто кружились слова о «духовной кастѣ», о необходимости привлечь въ число служителей вѣры людей изъ другихъ классовъ общества, а не изъ клира, о необходимости пошире раскрыть двери духовно-учебныхъ заведеній для лицъ всѣхъ сословій. По всей землѣ русской и на самомъ дѣлѣ кликнуть былъ кличь: *давайте, кто хочетъ, своихъ дѣтей въ духовныя школы*“.

«Но не отозвалась земля русская,—какъ сказала я въ статьѣ «Антука»,—не отозвалась на этотъ кличь, хотя и много въ ней народу. *Притокъ свяжихъ силъ* остался въ области мечтаній; объ уничтоженіи духовной *касты* рѣчи умолкли; расбѣгавшихся изъ *касты* семинаристовъ попридержали, въ разныхъ мѣстахъ двери для нихъ позаперли, потому что каста начала было таять такъ, что по мѣстамъ и въ пастыри некого ставить стало.» По прежнему въ духовно-учебныя заведенія поступаютъ почти исключительно дѣти бѣлаго духовенства. При такомъ положеніи дѣль, мѣры, принимаемыя въ отношеніи воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, являются мѣрами, касающимися почти исключительно дѣтей духовенства. Бѣлое духовенство, въ большинствѣ своемъ и безъ того многострадальное, одно и страдаетъ отъ тѣхъ стѣсненій, какими окружается доступъ изъ семинарій въ академіи. Чѣмъ незначительнѣе оказывается «вмѣстительность» зданій той или другой академіи: тѣмъ большее число семинаристовъ державшихъ и выдержавшихъ экзамены для поступленія въ число студентовъ академіи, должно возвращаться, послѣ пріемныхъ экзаменовъ, вспять, къ родному очагу. Съ 15-го августа по второе или третье сентября каждаго года держатъ пріемныя испытанія на поступленіе въ ту или другую изъ четырехъ православныхъ академій лучшіе семинаристы со всѣхъ концовъ Россіи, «отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, отъ потрясеннаго кремля до стѣнъ недвижнаго Китая». На широкомъ пространствѣ русской земли не одинъ отецъ. не одна мать тревожно проводятъ дни послѣ Успенья. «А что, мать, какъ не примутъ Ваню-то?» говоритъ какой-нибудь Кологривскій дьяконъ своей дьяконицѣ. — «Ну, Богъ

милостивъ, отвѣчаетъ мать, — вѣдь Ваня-то все третьимъ шелъ въ семинаріи, да еще цѣлый годъ готовился дома; какъ не принять?» А у самой сердце такъ и ёкаетъ, пуще, чѣмъ у отца. Къ Воздвиженію (14-го сентября) Ваня возвращается къ «родному очагу». Тяжела была его дорога. Три года мечталъ онъ объ академіи; теперь всѣ мечты рухнули. Тройка съ минусомъ (3—) за сочиненіе по философіи то и дѣло приходитъ ему на умъ. «Если бы тройку съ крестомъ поставили, — рассуждаетъ онъ. — тогда я вышелъ бы по списку не пятьдесятъ седьмымъ, а пятьдесятъ первымъ; значить былъ бы студентомъ академіи; приняли сорокъ пять на казенный, да семь человѣкъ на стипендіи... И нанесло же сто двадцать человѣкъ!.. А что-то мать? Чуетъ ли ея сердце, что Ваня ѣдетъ домой?.. По церковной то исторіи вѣдь какъ ловко отвѣтил! Непремѣнно нужно бы пятерку поставить, да привязались: «откуда, говорятъ, вамъ это извѣстно?» — «Въ учебникѣ сказано». — «Въ учебникѣ невѣрно сказано.» — Должно быть, поэтому и поставили только четыре съ крестомъ. Вотъ если бы по общей церковной досталось: прохватилъ бы я... И какія же тамъ темы выкапываютъ! А впрочемъ, оно и лучше: списать не откуда... Ну-съ, мамашенька, скоро и сынокъ вернется». Является сынокъ съ лицомъ, ясно свидѣтельствующимъ о попыткѣ быть веселымъ, а у самого на сердцѣ кошки скребуть «Здравствуйте; ну вотъ я и вернулся, соскучился объ васъ», пытается онъ шуткой закрыть свое состояніе. Понятно, что эта попытка совсѣмъ ни къ чему. Начинаются распросы. Оказалось, что Ваня выдержалъ экзаменъ хорошо. Онъ показалъ и свидѣтельство отъ академическаго начальства, удостовѣряющее въ томъ, что такой-то воспитанникъ семинаріи Иванъ N выдержалъ экзамены на поступленіе въ число студентовъ академіи удовлетворительно, но не поступилъ въ академію по недостатку помѣщенія въ академическихъ зданіяхъ. «Два вагона съ экзаменовавшимися отправили назадъ», такъ заключилъ Ваня свой рассказъ. Что придумали наши кологривцы послѣ неудачной Ваниной побѣдки, — пришлось ли Ванѣ до ноября пристроиться на должность учителя школы, или на псаломщическое мѣсто, освобождающее отъ воинской повинности, или же въ ноябрѣ онъ явился къ отбыванію гражданской обязанности (потому что льготный по оконча-

ни семинарскаго курса годъ на присканіе мѣста для него уже прошелъ), этого не могу сказать. Но показаніе Вани относительно «двухъ вагоновъ» подтвердить могу. Я посылаю на станцію субъ-инспектора для присутствованія при отбѣздѣ *). «Дали,—говорить; два отдѣльныхъ вагона».—Ну что, какъ они? «Ничего,—говорить, иные выпимши, разговариваютъ; а то все больше сидятъ хмурые, ничего не говорятъ; трое оконфузились, ревѣли.» Ну, думаю, молодцы; только трое ревѣли, а было ихъ чело-вѣкъ шестьдесятъ. Иные изъ нихъ долго будутъ помнить, чѣмъ пахнетъ «вмѣстительность» академическихъ зданій. Да и не одни кологривскіе дьяконъ съ дьяконицей имѣли грустныя случаи раскусить собственными зубами значеніе для духовенства «вмѣстительности» зданій. Въ матеріальномъ отношеніи это раскусываніе особенно непріятно бываетъ тогда, когда «нелегкая принесетъ» какого-нибудь семинариста изъ странъ весьма отдаленныхъ, и когда окажется, что онъ попалъ въ такое мѣсто, куда наѣхало много охотниковъ, и гдѣ по сему случаю окажется «невмѣстительность» зданій. Два конца, тысячи по двѣ, по три версть въ каждый конецъ, не мало вытрясутъ денегъ изъ скудныхъ, по большей части, родительскихъ кармановъ.

Для нихъ, для этихъ кармановъ, по большей части, совѣмъ несиленъ бываетъ и установленный опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода взносъ платы за *полное* содержаніе въ академіи. Въ нашей Московской академіи эта плата составляетъ *двасти двадцать* рублей въ годъ. Люди, привыкшіе платитъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ за содержаніе своихъ дѣтей отъ трехъ сотъ до шести сотъ рублей въ годъ и знающіе, что за эту сумму очень не жирно кормятъ и очень не щеголевато одѣваютъ ихъ дѣтей, могутъ удивиться сравнительной незначительности суммы, отпускаемой на содержаніе казенно-коштныхъ студентовъ академій и взимаемой полностью съ студентовъ своекоштныхъ. Конечно, духовно-учебнымъ заведеніямъ никакъ нельзя угоняться въ этомъ собственно отношеніи за заведеніями свѣтскими; но людямъ, дорожающимъ развитіемъ духовнаго просвѣщенія, и не слѣдуетъ желать поставленія духовныхъ

*) Субъинспекторомъ былъ тогда С. Я. Уваровъ.

школь на одинаковую финансовую высоту съ заведеніями, предназначенными для людей всякихъ сословій и состояній. Въ случаѣ уравниенія заведеній по количеству суммы, отпускаемой на воспитанниковъ, духовенству стало бы еще солонѣе, ему пришлось бы еще дороже платить за содержаніе своекоштныхъ сыновей-студентовъ. Довольно и того, что рѣдкіе изъ родителей, сыновья которыхъ попали въ число своекоштныхъ пансіонеровъ, бывають въ состояніи платить по двѣсти двадцати рублей въ годъ. Для громаднаго большинства отцовъ двѣсти двадцать рублей составляютъ сумму весьма большую. Многіе отцы не получаютъ такой крупной суммы даже въ теченіе цѣлаго года на содержаніе всей своей семьи (см. «Антука», стр. 48). Для такихъ захудалыхъ въ денежномъ отношеніи отцовъ старей, отмѣненный опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, уставъ академическій представлялъ большое преимущество. Бывало, заплатитъ сынокъ обиженного земными благами отца, — заплатитъ рубля два, два съ полтиной въ мѣсяць за квартиру, пять рублей за столъ, да рубля два съ полтиной израсходуетъ на починку платья, обуви, а можетъ быть, и на табакъ, и въ девять мѣсяцевъ проживетъ отцовскихъ денегъ рублей девяносто, отъ силы и сто двадцать. А теперь отецъ долженъ подать въ академію сто десять рублей въ сентябрѣ, да сто десять въ январѣ. Даже и для меня, профессора академіи, получающаго двѣ тысячи рублей, выдѣлить изъ своихъ обычныхъ расходовъ на не маленькую семью, выдѣлить два раза въ годъ по сту десяти рублей было бы затруднительно; а при годовомъ доходѣ рублей въ двѣсти, триста, конечно, и думать о взносѣ двухъ сотъ двадцати рублей совсѣмъ невозможно.

«Развѣ вотъ что, — подумалъ бы иной несвѣдущій родитель, — пойти, поклоняться, можетъ, сбавятъ половиночку».

— Нѣтъ, нельзя, двѣсти двадцать, меньше ни копейки; слышишь, *ни одной* копейки.

— А нельзя ли безъ одежды и обуви поступить сынку въ академію? Мы бы своей одеженкой какъ-нибудь перебились; все же подешевле было бы.

— Это по старому уставу можно было полупансіонеровъ держать, а теперь нельзя. Двѣсти двадцать, меньше ни копейки!

„Правоученіе для духовенства должно вытекать отсюда такое: „если, отец, въ карманѣ у тебя пусто: то старайся, чтобы было густо; а пока еще не нагустѣло, бери къ себѣ сынка домой“.

Отецъ своекоштнаго студента, — семинаристъ прежняго времени, — обращаясь къ своимъ воспоминаніямъ о семинарской жизни, не могъ найти тамъ матеріала для нравственныхъ уроковъ подобнаго содержанія (см. *Антука*, стр. 48 и 49). Что дѣлать! Время на время не приходитъ!

„А какъ же, неужели и сиротамъ-то, — спроситъ несвѣдущій читатель, неужели и сиротамъ-то помилованія не будетъ? Бывало, на казенный коштъ принимали по сиротству“.

„Двѣсти двадцать, меньше ни копейки! Будетъ съ васъ, пользовались, пора и честь знать!“

Однимъ словомъ, съ опубликованія Синодскаго опредѣленія отъ 6—13 іюля 1883 года стало ясно, что духовное вѣдомство нашло нужнымъ довести число студентовъ въ академіи до извѣстнаго ему минимума. Этою нуждою и вызвано, *во-первыхъ*, уничтоженіе своекоштныхъ студентовъ *полупансіонеровъ; во-вторыхъ*, ею же, совокупно съ другими причинами, о которыхъ рѣчь моя начнется скоро, — ею же вызвано и уничтоженіе своекоштныхъ *квартирныхъ* студентовъ; ею же вызвано, *въ-третьихъ*, и уничтоженіе цѣлой *трети* всѣхъ существовавшихъ въ академіяхъ казенныхъ стипендій, о чемъ рѣчь будетъ, впрочемъ, еще впереди. И своекоштные студенты не нужны, и въ казенныхъ студентахъ оказался избытокъ, который и устраненъ сокращеніемъ казенныхъ стипендій на одну треть. О внутреннемъ значеніи самой нужды, признанной къмъ слѣдуетъ, рѣчь будетъ послѣ; а теперь пока представленіе объ этой нуждѣ для меня имѣетъ только слѣдующее специальное значеніе: порожденныя ею мѣропріятія должны имѣть не полезное, а вредное значеніе для служителей церкви — родителей, потому что для нихъ самихъ допущеніе ихъ дѣтей въ школы высшаго образованія полезно, а сокращеніе доступа въ эти школы для нихъ, родителей, не полезно.

Едва ли найдутся охотники доказывать, что и родителямъ полезно сокращеніе для ихъ дѣтей доступа въ академіи. Но

если бы, сверх чаянія, въ арсеналѣ нынѣшней діалектики и нашлось оружіе, пригодное къ употребленію въ данномъ случаѣ, то противъ намѣренія или готовности воспользоуваться имъ выставлено слѣдующія слова того самаго Комитета, который признавалъ нужду свести къ минимуму число студентовъ академіи: Комитетъ „признаетъ *достойнымъ и требующимъ* ходатайства, чтобы доступъ къ университетскому образованію снова открытъ былъ, на *прежнемъ* основаніи, для семинарскихъ воспитанниковъ“. Говори это, Комитетъ, очевидно, сознавалъ, что для родителей, т.-е. для духовенства, не полезно проектированное Комитетомъ сокращеніе числа студентовъ. Сознавая это, Комитетъ пожелалъ уравнивать вредъ съ пользою, минусъ вознаградить плюсомъ. „Двери въ академіи будутъ пошритворены, за то откроются для семинаристовъ двери въ университеты; слѣдовательно, родители съ ихъ дѣтьми не потерпятъ ущерба“ — таковъ смыслъ рѣчей Комитета объ университетѣ. Дѣло объ открытіи семинаристамъ доступа къ университетскому образованію Комитетъ призналъ не только *заслуживающимъ*, но и *требующимъ* ходатайства; иначе сказать, Комитетъ смотрѣлъ на открытіе доступа въ университеты не какъ на дѣло особой милости, а какъ на дѣло справедливости, которая требуетъ себѣ удовлетворенія и его *заслуживаетъ*. Но сужденія Комитета объ этой сторонѣ дѣла никакихъ практическихъ послѣдствій не имѣли; двери университетовъ *попрежнему* для семинаристовъ закрыты *). Лѣтъ двѣнадцать прошло со времени изложенія на бумагѣ сужденій Комитета по вопросу о раскрытіи для семинаристовъ университетскихъ дверей, а двери стоятъ недвижимы. Мнѣ не удавалось даже и слышать о какой-либо попыткѣ ходатайства насчетъ дверей. Предположенный на покрытіе минуса плюсъ доселѣ не оказался способнымъ перейти въ какую-либо опредѣленную величину, а предполагаемый минусъ давно, съ 6—13-го іюля 1883 года, превратился въ реальную величину

*) Это было писано въ 1894 году. *Теперь* открыты для семинаристовъ университеты *Томскій, Юрьевскій* и *Виршавскій*. О значеніи открытія этихъ именно университетовъ, а не какихъ-либо другихъ, см. мою статью, за подписью Ясенева, въ 285 № за 1899 годъ газеты „Русское Слово“.

весьма почтеннаго размѣра, изъ которой никакого вычитанія произвести нельзя за совершеннымъ отсутствіемъ *вычитаемаго*.

Относительно самого *уменьшаемаго*, т.-е. сокращенія доступа въ академію, мои мысли стали извѣстны читателю; есть у меня свои мысли и относительно того *вычитаемаго*, которое въ область бытія реального еще не сошло, но, при нѣкоторомъ усердіи къ низведенію его въ эту область, *могло бы* воспользоваться своими правами на бытіе дѣйствительное. Думаю, что стѣсненіе доступа въ академію *не могло бы* быть возмѣщено никакимъ равноцѣннымъ вознагражденіемъ; думаю, что открытіе доступа въ университеты не составляетъ полной расплаты за сокращеніе доступа въ академію.

Говоря такъ, я не забываю, что университетское образованіе открываетъ людямъ весьма широкій путь, къ концу котораго можно оказаться обладателемъ и вполне заслуженной славы, и вполне заслуженнаго матеріальнаго благополучія. Не забываю и того, что въ большинствѣ случаевъ университеты открываютъ своимъ питомцамъ дорогу широкую, даютъ положеніе и болѣе почетное, и болѣе окруженное житейскими удобствами, сравнительно съ положеніемъ питомцевъ академій. Матеріальная сторона жизни, говоря вообще, не останавливаясь на исключеніяхъ, обезпечивается университетскимъ образованіемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ образованіемъ академическимъ. Но есть другая сторона дѣла, по моему *болѣе* серьезная, а по чужому суду, можетъ быть, и менѣе важная, но все же не мало-значительная, и отцамъ, то-есть родителямъ, весьма понятная, сердцу ихъ весьма близкая. Отпуская дѣтей въ академію, духовенство можетъ не опасаться за ихъ участь; а отпуская дѣтей въ высшія свѣтскія заведенія, оно не можетъ быть свободно отъ не обосновательныхъ опасеній за ихъ судьбу. На моихъ глазахъ даже весьма заботливые отцы, собственнымъ горькимъ опытомъ извѣдавшіе всю бесплодность, безсодержательность и, въ то же время, пагубность такъ называемыхъ университетскихъ „исторій“, или университетскихъ „бунтовъ“, какъ именуютъ ихъ торговцы московскаго Охотнаго ряда,—отцы, простиравшіе свою заботливость о дѣтяхъ до того, что ставили ихъ нахлѣбниками и подъ ближайшій надзоръ къ беспорно благо-

надежнымъ людямъ, напр., къ московскимъ священникамъ, все-таки теряли своихъ дѣтей, теряли въ извѣстномъ смыслѣ. Разскажу одинъ изъ такихъ случаевъ, бывший у меня совсѣмъ на глазахъ. Способный, работающій воспитанникъ одной юго-западной гимназіи, окруженный и надзоромъ и добрымъ расположеніемъ умнаго московскаго священника и его доброй бездѣтной жены, сначала радовалъ своихъ попечителей усердными занятіями по избранному имъ факультету. Такъ дѣло шло цѣлый годъ. На второмъ курсѣ начались частыя отлучки студента, невольно обращающія на себя вниманіе заботливыхъ хозяевъ и вызывавшія не разъ допросы, конечно, очень деликатные, потому что на иного рода допросы и не было никакого права. Отлучки становились все чаще, занятія совсѣмъ заброшены, мысли постояльца, замѣтно, витали въ какой-то области, совсѣмъ сторонней предметамъ его специальности. Оказалось послѣ, что отлучки вызывались „сходками“; сходки, по обычаю, электризовали молодого студента всякой чепухой, столь естественной для умовъ бойкихъ, но еще не окрѣвшихъ. Кончилось плохо,—удаленіемъ изъ университета безъ права, въ теченіе года, поступить въ другой университетъ. Отецъ употребилъ всѣ возможные мѣры, чтобы исправить послѣдствія увлеченія; казалось, и исправилъ; но потомъ повторилось то же, и молодая, хорошая сила пропала совсѣмъ ни за что, безъ всякой пользы для кого-бы то ни было, пропала потому только, что стала расходовать себя на вопросы, до правильнаго разрѣшенія которыхъ не дозрѣлъ еще умъ юноши; а сила эта могла бы быть пригодна на многое и хорошее. Сынъ, несмотря на совершенную разумность принятыхъ относительно его мѣръ, погибъ для отца, погибъ для дѣла. Въ седьмомъ, восьмомъ и девятомъ десятилетіяхъ нынѣшняго столѣтія какъ-то особенно часто происходили такіа прискорбныя происшествія въ разныхъ университетахъ. Винили въ нѣкоторыхъ изъ этихъ университетскихъ „исторій“ такъ называемыхъ „кутейниковъ“ за ихъ энергически безразсудныя дѣйствія. Для меня несомнѣнно то, что мы, „кутейники“, занимали очень видное мѣсто среди университетскихъ „бунтарей“. Въ университеты шли изъ семинарій, обыкновенно, люди бойкіе, способные, энергическіе; въ какую бы среду они ни попали,

они затерты не могли быть, а непременно должны были выдвигаться впередъ. Не даромъ же, „во время оно“, нѣкоторые профессора, въ родѣ О. М. Бодянского, говаривали, что безъ семинаристовъ университету было бы плохо, что семинаристы—самый работающій народъ, способный „свезти“ на себѣ какую угодно тяжесть изъ рода «учебныхъ». Понятно, что во всѣхъ волненіяхъ среди университетской молодежи семинаристы не могли оставаться въ послѣднихъ рядахъ, и *непремѣнно* должны были оказываться *въ первыхъ* рядахъ. Впослѣдствіи, когда приняты были мѣры къ совершенному закрытію университетскихъ аудиторій для воспитанниковъ семинарій, и „кутейническій духъ“ отошелъ изъ нихъ въ Лету, „исторіи“ университетскія продолжали совершаться своимъ чередомъ, нисколько не нуждаясь въ услугахъ семинаристовъ. Ихъ мѣста въ „исторіяхъ“ были заняты другими людьми, рѣдко выдававшими семинаріи даже издали. Бойкій, энергическій, нерѣдко на мелочи талантливый „жидокъ“ занялъ мѣсто семинариста, но занялъ съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что въ послѣднія, критическія минуты жидокъ какъ-то незамѣтно успѣвалъ прокрасться изъ переднихъ рядовъ въ средніе, а при экстраординарной ловкости успѣвалъ оказаться „въ отлучкѣ“ даже и изъ послѣднихъ рядовъ. Если бы совершенно изгнать и „жидка“, то я я уже и не знаю, что тогда произошло бы въ „переднихъ“ рядахъ, кѣмъ по преимуществу они стали бы наполняться. Думаю, что составъ переднихъ рядовъ вышелъ бы совершенно разношерстный, способный сбить съ толку даже самыхъ опытныхъ слѣдователей, призванныхъ къ правильному рѣшенію задачи: „какое сословіе или званіе можно признать наиболѣе виновнымъ въ доставленіи университетамъ „бунтарей“? По моему, причины «исторій» лежатъ значительно глубже тѣхъ словъ, изъ которыхъ старались откопать ихъ. Но это для меня въ настоящемъ случаѣ уже совершенно „чужой огородъ“, отъ котораго мнѣ слѣдуетъ отойти на самую почтительную дистанцію. Думаю только, даже съ нѣкоторымъ прискорбіемъ, что теперь семинаристы, если бы для нихъ даже и отверзлись университетскія двери, едва ли попали бы въ первые ряды „бунтарей“. Вслѣдствіе разнообразныхъ перемѣнъ въ системѣ семинарскаго образованія, они стали нѣ-

сколько „пожиже“ прежняго; по примѣру гимназій и подѣ руководствомъ новыхъ „педагоговъ“, дѣло въ семинаріяхъ больше „на зѣбрычку“ пошло; пробѣхать на ней въ первые ряды даже и „бунтарей“ очень и очень не легко.

Подавляя свое прискорбіе относительно возможнаго исчезновенія семинаристовъ изъ „переднихъ“ рядовъ во время студенческихъ волненій, я нахожу, что присутствіе ихъ даже и въ „среднихъ“ только рядахъ можетъ навлечь для нихъ нерадостныя послѣдствія, которыя родителями ихъ стали бы переживатьъ гораздо труднѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ самими дѣтками. Пожалѣть бы нужно и отцовъ съ матерями и подумать посердечнѣе, слѣдуетъ ли непременно отнимать у нихъ одно изъ немногихъ утѣшеній въ ихъ, по большей части, многострадальной жизни, именно отнимать надежду, что сынки ихъ *безъ* искусственно созданныхъ *помѣхъ* и *безопасно* могутъ пройти не только среднюю, но и высшую школу? Для многихъ отцовъ, матерей и сестеръ „академія“ давно стала дорогимъ словомъ. Мечты о поступленіи сына или брата въ академію во многихъ семьяхъ имѣютъ великую силу и притомъ по основаніямъ достаточнымъ, а не пустымъ. Слова: *академія*, *академикъ* соединяются въ этихъ семьяхъ съ представленіемъ о какомъ-то очень хорошемъ мѣстѣ, попасть въ которое такъ хорошо, что и объяснить этого сразу нельзя. За чѣмъ же отрадную для многихъ горемыкъ надежду вырывать созданіемъ искусственныхъ помѣхъ для поступленія въ академію, въ родѣ, на примѣръ, такихъ суровыхъ рѣчей: „двѣсти двадцать рублей и меньше ни копейки!“ Или: „по мѣрѣ вмѣстительности академическихъ зданій!“ Существуетъ ли какая крайность ставить такіе шлагбаумы—мы скоро увидимъ, а пока только повторяю, что нужно пожалѣть и отцовъ съ матерями. Зложелателей у нихъ въ настоящее время много и безъ насъ. Намъ, своими руками, лишать духовенство возможности давать высшее образованіе тамъ, откуда отцу и матери едва ли придется получить горькую вѣсть, что за участіе ихъ сына въ такой-то (имя рекъ) исторіи онъ уволенъ съ такимъ-то правомъ или безъ такого-то права, или, еще того хуже, что сынокъ препровожденъ туда-то, — намъ своими собственными руками дѣлать это, право же, жестоконько. Притворять академическія двери для людей, ко-

торые въ своихъ мечтахъ окружають самое имя академіи какимъ-то свѣтлымъ ореоломъ и чуть не съ материнскимъ молокомъ всасываютъ, или, говоря проще, и отъ родителей восприимаютъ любовь къ этой николѣ, право же, какъ будто слишкомъ сурово, какъ въ отношеніи къ самимъ юношамъ, такъ и въ отношеніи къ родителямъ ихъ. Развѣ уже только какая-нибудь крайность (скоро увидимъ эту крайность) должна бы заставить насъ заглушить въ себѣ призывъ къ болѣе мягкому дѣйствованію въ этомъ вопросѣ, особенно же въ виду того, что чужія высшія школы и не думаютъ, — вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, — и не думаютъ растворять своихъ дверей для впуска воспитанниковъ семинарій!“ *)

Если же мягкость сердечная не должна служить руководительницей въ рѣшеніи вопроса о нуждѣ поставлять преграды наплыву студентовъ въ академіи, то предадимъ себя руководству разсчета. И по разсчету должно выходить, что *невыгодно* утѣснять духовенство разными затрудненіями при прохожденіи его дѣтей въ академическія двери.

*) Если бы какой-нибудь любопрительный человѣкъ замѣтилъ при этомъ, что семинаристы и теперь могутъ поступать въ университетъ, сдать въ гимназіи экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, безъ котораго *невозможно* и проч. (по общеизвѣстности опускаю дальнѣйшія слова), то я, во-первыхъ, нисколько не отрицаю, что у семинаристовъ, дѣйствительно, не отнята возможность *провалиться* на экзаменахъ, потребныхъ для полученія аттестата зрѣлости, что семинаристу достаточно возмѣть охоту къ такому приключенію, чтобы оно немедленно и стало совершившимся фактомъ, въ произведеніи котораго всѣ преподаватели гимназіи примутъ самое энергическое участіе; а, во-вторыхъ, я могу не только завѣрить, но и доказать во всякое время самымъ дѣломъ, что „при соблюденіи самой строгой справедливости“, къ созерцанію которой могутъ быть приглашены всѣ преподаватели любой гимназіи, я провалю каждаго гимназиста, получившаго аттестатъ зрѣлости, провалю, ну, напримѣръ, хотя на экзаменахъ по латинскому языку, и замѣтите, „съ соблюденіемъ самой строгой справедливости“. Я всегда докажу, что и „словъ“ онъ знаетъ *недостаточно* количество, и въ передачѣ „съ латинскаго на русскій“ не „дозрѣлъ“ въ значительной степени. „Любопрительный“ человѣкъ долженъ будетъ умолкнуть. Двери университетовъ откроются для семинаристовъ *только* тогда, когда экзамены для нихъ будутъ производиться самими профессорами университетовъ, заинтересованными въ вопросѣ о *достаточной* подготовкѣ къ слушанію университетскихъ лекцій.

Мѣры суровыя, то въ видѣ *итатовъ* для среднихъ духовно-учебныхъ заведеній, то въ видѣ закрытія семинаристамъ доступа въ университеты, то въ видѣ ограниченія числа студентовъ академіи размѣрами существующихъ стѣнъ академическихъ зданій, то въ видѣ сокращенія казеннокоштныхъ въ академіяхъ стипендій на цѣлую треть общаго ихъ числа. — такія мѣры, естественно, заставляють духовенство чувствовать, что оно не въ силахъ оградить очень дорогіе для себя интересы отъ явныхъ противъ нихъ покушеній. Подъ гнетомъ этого настроенія духовенству легко приходитъ къ мысли, что лучше будетъ избавлять, по мѣрѣ возможности, дѣтей своихъ отъ той доли, какую терпятъ они самп. Для уясненія практическаго значенія этого вызываемаго обстоятельствами настроенія весьма полезно было бы имѣть подъ руками статистическія данныя о количествѣ столичныхъ и городскихъ священниковъ, отдающихъ своихъ дѣтей не въ духовныя училища и семинаріи, а въ гимназіи. О Москвѣ я знаю, что тамъ очень многіе священники уже перестали отдавать своихъ дѣтей въ духовно-учебныя заведенія, и предпочитаютъ гимназіи: но точныхъ цифръ по этому дѣлу не имѣю. Знаю, что въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ духовенство поступаетъ такъ же; но точныя цифры и тамъ мнѣ неизвѣстны. Весьма сожалею на этотъ разъ, что я не имѣю чести входить въ составъ какого-нибудь статистическаго комитета. Занимая я въ такомъ комитетѣ хотя бы и не важное мѣсто, я непременно всѣмъ причтамъ разослалъ бы требованіе доставить мнѣ нужныя для меня свѣдѣнія (см. *Антюка*, стр. 24—27). Хорошо было бы, если бы люди, имѣющіе удобство подвести счеты по этому предмету, подвели ихъ, какъ слѣдуетъ. Если окажется по счетамъ, что большинство столичныхъ и городскихъ священниковъ уже перестало пускать дѣтей по тому пути, которымъ прошло само, то положеніе дѣла придется признать печальнымъ; отъ добра не побѣгутъ, а если бѣгутъ, то, значить, имѣютъ причины бѣжать, въ лицѣ своихъ дѣтей, отъ того дѣла, которому служатъ. Конечно, духовно-учебныя заведенія не опустѣють отъ этого бѣгства; столицъ только двѣ, губернскихъ городовъ всего полсотни съ небольшимъ, а сель—цѣлыя тысячи. Но если имѣющаяся не только матеріальная, но и интеллектуальная преимущества

часть духовенства будетъ устранять своихъ дѣтей отъ духовно-учебныхъ школъ, то ущербъ для школъ будетъ не малый. И по общему закону наслѣдственности, и по тому влиянію на духовный ростъ дѣтей, какое принадлежитъ и умнымъ разговорамъ, и хорошимъ книгамъ, дѣти столичнаго и городского духовенства въ большинствѣ своемъ должны по развитію стоять выше своихъ деревенскихъ сверстниковъ. Устраненіе лучшихъ силъ отъ поступленія въ духовно-учебныя заведенія не полезно, конечно, и для школы и для церкви.

Есть еще важная сторона въ разбираемомъ вопросѣ. Въ настоящее время употребляются энергическія мѣры къ пополненію порѣдѣвшихъ рядовъ такъ называемаго ученаго монашества, то-есть такихъ людей, которые, принявъ монашество, не въ монастырѣ пребываютъ, а сначала занимаютъ начальственные должности въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ дѣлаются архіереями. По разнымъ причинамъ, указывать которыя здѣсь были бы неумѣстно, институтъ ученаго монашества, несмотря на матеріальныя выгоды, сопряженныя съ вступленіемъ въ него, съ шестидесятихъ годовъ сталъ быстро падать. Теперь признано нужнымъ дѣятельно озаботиться развитіемъ этого института. Успѣхи отъ принятыхъ въ этомъ направленіи мѣръ довольно значительны, но еще очень далеки отъ того иредѣла, до котораго желаютъ довести ихъ. Правда, что и другія сословія начали выдѣлять изъ себя людей, охотно идущихъ на то служеніе, которое сопряжено съ вступленіемъ въ ученое монашество: но можно было бы пожелать еще весьма многого и по отношенію къ количеству, и по отношенію къ качеству доселѣ произведеннаго пополненія рядовъ ученаго монашества. Дѣлу болѣе успѣшнаго выбора дѣятелей, готовыхъ вступить на это поприще, много оказало бы пользы расширеніе доступа въ академіи, то-есть, снятіе ограниченій и относительно „вмѣстительности“ зданій и относительно абсолютной неизмѣнимости денежнаго взноса за содержаніе въ академіи. Тогда, при увеличеніи числа студентовъ, легче было бы замѣчать людей, имѣющихъ душевную склонность къ тому роду служенія, какового требуетъ „ученое монашество“, и привлекать ихъ къ нему самымъ дѣломъ. Особо важно было бы умноженіе кандидатовъ на „ученое

монашество“ людям, воспитаннымъ въ семьяхъ священно и церковнослужителей. У нихъ, естественно, привычка къ „церковности“ воспитывается съ дѣтства. Отсутствие этой привычки въ ищущихъ ученаго монашества представителяхъ другихъ сословій слишкомъ рѣзко кидается въ глаза внимательнымъ собесѣдителямъ церковныхъ богослуженій и возбуждаетъ чувства, совсѣмъ неумѣстныя во время общественной молитвы. Замѣчаемое незнаніе самыхъ употребительныхъ дѣйствій и словъ богослужебныхъ, неспособность даже „попасть въ тонъ“ и слушающимъ, и пѣвцамъ,— за что и винить ихъ не приходится,—невольно вовлекаютъ и слушателей и зрителей въ совершенно неумѣстное настроеніе духа. При болѣе близкомъ общеніи съ такими новіціатами нельзя бываетъ не усмотрѣть у многихъ изъ нихъ и значительные недочеты по части элементарныхъ богословскихъ и церковно-историческихъ свѣдѣній, что, со временемъ, можетъ отозваться весьма неудобными послѣдствіями. Итакъ, и съ этой стороны открывается для ревностныхъ возстановителей института ученаго монашества возможность значительной пользы отъ замѣны суровыхъ ограниченій поступленія въ академію другими порядками и правилами, къ духовенству и дѣтямъ его болѣе снисходительными.

Я покончилъ съ «азами», о которыхъ говорилъ въ началѣ своей статьи; перехожу къ разбору мыслей, положенныхъ въ основаніе тѣхъ измѣненій, какія произведены въ уставахъ академіи Синодскимъ опредѣленіемъ отъ 6—13 іюля 1883 года, и заблаговременно прошу извиненія и читателей въ неумѣстной, можетъ быть, подробности разбора. Она требуется и важностію дѣла, и моимъ положеніемъ «спеціалиста». Читатели, конечно, или по себѣ, или по своимъ дѣтямъ знаютъ, что спеціалисты, напримѣръ, хотя спеціалисты изъ числа составителей гимназическихъ или семинарскихъ программъ преподаванія, всегда относительно каждаго правила, пункта или параграфа по предмету своей спеціальности бываютъ убѣждены, что безъ «этого ужъ никакъ нельзя». Имъ оказываютъ же снисхожденіе, хотя, можетъ быть, и не безвредное для дѣтей. Прошу и мнѣ, какъ «спеціалисту», оказать такое же снисхожденіе, тѣмъ болѣе, что оно ни для кого не можетъ быть вредно.

Существуютъ *три* источника для изученія основаній, по которымъ признано необходимымъ внести существенныя измѣненія въ прежде дѣйствовавшія постановленія о своекоштныхъ студентахъ.

Первый по времени своего происхожденія и важнѣйшій по своему значенію источникъ заключается въ «Объяснительной запискѣ» къ тому проекту устава православныхъ духовныхъ академій, который составленъ былъ особымъ Комитетомъ *), собраннымъ въ Петербургѣ и начавшимъ свои дѣйствія въ декабрѣ 1881 года (см. отчетъ г. оберъ - прокурора Святѣйшаго Синода за 1881 годъ, стр. 139). Проектъ, составленный Комитетомъ, оказалось необходимымъ подвергнуть пересмотру и «исправленіямъ». Дѣло пересмотра и «исправленій», какъ видно изъ отчета г. оберъ - прокурора Святѣйшаго Синода за 1884 годъ (стр. 8), ведено было въ слѣдующемъ порядкѣ: «выработанные Комиссіею проекты измѣненныхъ устава и штата духовныхъ академій разосланы были къ нѣкоторымъ преосвященнымъ **) съ цѣлью вызвать ихъ мнѣнія и замѣчанія относительно работы Комиссіи. Затѣмъ въ 1884 году Святѣйшій Синодъ подвергъ эти проекты, вмѣстѣ со всѣми относящимися къ нимъ трудами *Комиссіи* и отдѣльными замѣчаніями преосвященныхъ, тщательному разсмотрѣнію и, сдѣлавъ въ нихъ *нѣкоторыя исправленія*, нашель»... и т. д. Изъ упомянутыхъ сейчасъ *трудоу* мнѣ извѣстенъ одинъ, именно «Объяснительная записка». Она и составляетъ *первый по времени* своего

*) Названіе Комитета подвергалось нѣкоторымъ колебаніямъ. То собраніе, въ составъ котораго входили лица, вызванныя въ Петербургѣ съ разныхъ концовъ Россіи, и которое занималось передѣлкою прежняго устава академическаго (1869 года), именуется въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода (отъ 6—13 іюля 1883 года за № 1195) *Комитетомъ*, и о Комитетѣ этомъ сказано въ опредѣленіи, что онъ *учрежденъ* Святѣйшимъ Синодомъ въ 1881 году; въ отчетѣ же г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода то же собраніе именуется *Комиссіею*. Предпочитаю наименованіе, употребленное Святѣйшимъ Синодомъ, который самъ *учредилъ* Комитетъ, и долженъ звать его по имени. Не безъ основанія можно утверждать, что Комитетъ сталъ получать наименованіе Комиссіи уже послѣ того, какъ труды его признано было необходимымъ подвергнуть пересмотру и значительнымъ исправленіямъ. (См. *Щитъ*).

**) Лично мнѣ извѣстно только то, что проекты были отданы на пересмотръ высокопреосвященному Іоанникію, митрополиту московскому.

происхожденія и *важнѣйшій по значенію* источникъ для изученія основаній, по которымъ измѣнено положеніе своекоштныхъ студентовъ. Изложеніе этихъ основаній занимаетъ въ «Объяснительной запискѣ» *четыре страницы*.

Второй по времени своего происхожденія источникъ для изученія основаній, измѣнившихъ прежде положеніе своекоштныхъ студентовъ, есть опредѣленіе Святейшаго Синода отъ 6—13 іюля 1883 года за № 1195. Здѣсь кратко, на девятнадцати строкахъ, изложено содержаніе четырехъ страницъ *первоисточника*, то-есть «Объяснительной записки». Въ этомъ изложеніи сдѣлана ссылка на труды вышеупомянутаго Комитета, и дана краткая оцѣнка одному изъ существенныхъ его «замѣчаній». Оцѣнка состоитъ въ томъ, что это «замѣчаніе» Комитета названо «справедливымъ». Представляя собою краткое изложеніе первоисточника, *второй* источникъ можетъ дать изслѣдователю, изучившему первый источникъ, нѣчто заслуживающее вниманіе только однимъ изъ употребленныхъ въ немъ выраженій, по содержанию своему, впрочемъ, не сообщающимъ изслѣдователю ничего новаго.

Третій по времени своего происхожденія источникъ есть «Объяснительная записка» къ тому проекту устава православныхъ духовныхъ академій, который долженъ быть названъ *исправленнымъ* и *улучшеннымъ* комитетскимъ проектомъ, и который, послѣ Высочайшаго утвержденія его въ двадцатый день апрѣля 1884 года, составляетъ дѣйствующій нынѣ,—за нѣкоторыми изъятіями и отмѣнами, произведенными въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ,—уставъ академическій. Этотъ третій источникъ представляетъ собою краткую (на сорока одной строкѣ) *критическую* переработку первоисточника, состоящую въ томъ, что нѣкоторыя основанія, содержащіяся въ первоисточникѣ, опускаются *совсѣмъ*, другія же значительно *смягчаются*. Сверхъ того, третій источникъ содержитъ въ себѣ указанія на такія два событія, на которыя, по причинамъ вполне достаточнымъ, и не могло быть сдѣлано никакихъ указаній въ «Объяснительной запискѣ» Комитета.

На основаніи всего вышеизложеннаго первому источнику и должно быть посвящено наше вниманіе *почти исключительно*.

Главные доказательства вреда, происходившаго отъ допущенія въ академію своекоштныхъ студентовъ, могутъ быть сведены, на основаніи «Объяснительной записки», къ убѣжденію въ невозможности должнаго надзора за своекоштными студентами.

Совершенно справедливо, что должный надзоръ за своекоштными студентами, живущими на отдѣльныхъ квартирахъ, представляетъ *значительныя* затрудненія, потому что наблюдателямъ нужно тратить на этотъ надзоръ много времени, къ чему, конечно, предполагать у кого-либо особую охоту нѣтъ достаточныхъ основаній. Но при доброй волѣ и при отсутствіи особой бережливости въ тратѣ времени надзоръ и за квартирными своекоштными студентами *можетъ* быть очень строгъ и дѣятеленъ. Совершенно возможно и инспектору и его помощнику (а тѣмъ болѣе двоимъ помощникамъ) каждое утро знать, всѣ ли квартирные студенты пришли въ аудиторію; сообразно съ этими свѣдѣніями и можно будетъ распорядиться немедленнымъ разслѣдованіемъ причинъ отсутствія того или другого квартирного студента. Точно такъ же совершенно возможно инспектору или его помощнику (или же двоимъ помощникамъ) каждый день вечеромъ побывать на квартирахъ своекоштныхъ студентовъ, по крайней мѣрѣ, въ такомъ небольшомъ мѣстечкѣ, какъ Сергіевъ Посадъ. Но согласимся съ тѣмъ, что такой надзоръ *затруднителенъ и нежелателенъ для надзирающихъ*, особенно для инспекторовъ-монаховъ, которымъ разѣзжать по квартирамъ въ вечернее время и пробираться по неосвѣщеннымъ сѣнямъ, дѣйствительно, неудобно. Охотно допускаемъ справедливость и такого замѣчанія, что «нельзя же всюду соваться съ своимъ Сергіевскимъ Посадомъ и съ своей «деревенской» академіей; нужно имѣть въ виду и такія пространныя поселенія, какъ, на примѣръ, Кіевъ, Казань, не говоря уже о Петербургѣ». На это послѣднее, совершенно справедливое, замѣчаніе можно сказать, что и въ большихъ городахъ можно заставить своекоштныхъ студентовъ селиться на небольшомъ районѣ, который объѣздить вечеромъ не будетъ особенно затруднительно; а одолимыя затрудненія нужно преодолевать, чтобы не задаромъ получать жалованье; нужно при этомъ подкрѣплять себя надеждою, что понѣжиться можно и впоследствии, на болѣе покойныхъ долж-

ностяхъ. Если же приложить къ вопросу о надзорѣ за своекоштными студентами совершенно серьезное попеченіе, то вопросъ можетъ быть разрѣшенъ очень просто, къ удовольствію надзирающихъ и къ пользѣ и удобству надзираемыхъ. Можно купить или выстроить, по близости, или даже и не особенно близко отъ академіи, большой домъ, помѣстить въ немъ своекоштныхъ студентовъ за плату, покрывающую расходы на помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе и, сверхъ того, поселить въ томъ же зданіи помощника инспектора. И студентамъ, и инспекціи будетъ удобства не мало отъ такого немудреного разрѣшенія дѣла.

Рисуя мрачными красками образъ своекоштныхъ студентовъ, «Объяснительная записка» говоритъ, что они «къ *обязанностямъ своимъ менѣе внимательны*; а оставляя иногда въ академіи внѣ класснаго времени, беспокоятъ казеннокоштныхъ шумомъ и празднословіемъ или даже своими тамъ занятіями».

Первую строку, напечатанную мною курсивомъ, отдѣляю отъ стороннихъ ей прожатыхъ и вступаю при ея разсмотрѣніи въ свои права „спеціалиста“.

Конечно, составители «Записки» имѣли какія-нибудь, неизвѣстныя мнѣ, основанія произнести свои сужденія о степени внимательности своекоштныхъ студентовъ къ своимъ обязанностямъ; можно было получить тѣ или другія свѣдѣнія о своекоштныхъ студентахъ и отъ присутствовавшего въ комитетѣ инспектора Петербургской академіи И. Ѳ. Нильскаго. Зная коротко своекоштныхъ студентъ одной только академіи, Московской, я не берусь судить о внимательности своекоштныхъ студентовъ *другихъ* академій. Могу по доброй совѣсти сказать только то, что вышеприведенный укоръ совершенно несправедливо было бы прилагать къ своекоштнымъ студентамъ Московской духовной академіи за восемь лѣтъ моего инспекторства. Для нихъ существовали особыя побужденія усиленно и внимательно исполнять свои обязанности. Благодаря щедрости московской каѳедры, учредившей отъ себя шесть стипендій и отъ Троицкой Лавры шестнадцать стипендій, совѣтъ академіи могъ раздавать студентамъ второго, третьяго и четвертаго курсовъ стипендіи; первый курсъ, изъ новичковъ, при раздачѣ стипендій во вниманіе принимаемъ не былъ и по незнакомству инспектора съ

нравственнымъ настроеніемъ новичковъ и по неизвѣстности успѣховъ, какіе могутъ быть ими оказаны. На три курса стипендій пять, шесть, иногда даже семь приходилось раздавать каждый годъ. Перейти изъ ничѣмъ не обезпеченнаго положенія своекоштнаго студента въ положеніе обезпеченное, конечно, каждому изъ студентовъ было очень желательно, а большей части изъ нихъ *до зарѣза* необходимо. Раздавалъ стипендіи по уставу и по бумажной записи совѣтъ академіи, а не инспекторъ, но на самомъ дѣлѣ назначеніе стипендій зависѣло исключительно отъ инспектора, который одинъ только зналъ и *долженъ* былъ знать всѣхъ студентовъ. Такъ повелось дѣло съ перваго же года моего инспекторства, и не было никакого повода изъять назначеніе стипендій изъ исключительнаго вѣдѣнія инспектора: жалобъ на несправедливость въ раздачѣ стипендій ни къ одному изъ членовъ совѣта, ни отъ кого изъ студентовъ не поступало, и потому вмѣшиваться въ дѣло, взятое инспекторомъ въ свои руки, никакого повода не было. Я же, при назначеніи стипендій, руководился единственно слѣдующими двумя правилами: во-первыхъ, давать стипендіи *непрерѣнно* только студентамъ, оказавшимъ большіе, сравнительно съ другими, успѣхи въ наукахъ; во-вторыхъ, не давать стипендію студентамъ, получившимъ *по поведенію* не пятерку. Понятно, что при неуклонномъ соблюденіи этихъ двухъ правилъ своекоштному студенту, въ громадномъ большинствѣ случаевъ полунищему, было *весьма не выгодно* не оказать успѣховъ, или получить отъ инспектора не самую лучшую отмѣтку по поведенію. Поневолѣ становишь усидчиво *сидѣть* за дѣломъ и *боятся* чѣмъ-нибудь заслужить нехорошій отзывъ инспектора. Дѣло, стало быть, поставлено было на правильномъ коммерческомъ основаніи прямой, осязательной *выгоды* и прямого, ощутительнаго *убытка*. Мнѣ кажется, что если бы на такую же коммерческую ногу поставлена была, напримѣръ, даже служба чиновниковъ всякихъ ранговъ, то-есть, если бы поставлено было дѣло такъ, чтобы чиновникамъ было *убыточно* не исполнять должнымъ образомъ своихъ обязанностей, то лицо всей земли русской измѣнилось бы совершенно. Попробовать, во всякомъ случаѣ, не мѣшало бы... Но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ мож-

но будетъ поговорить, а теперь о своемъ дѣлѣ. Тѣ два правила, о которыхъ я говорилъ, требуютъ для себя, въ качествѣ необходимой подпочвы, точнаго исполненія двухъ условій: во-первыхъ, правильной оцѣнки успѣховъ студенческихъ, а во-вторыхъ, правильной оцѣнки ихъ поведенія. Правильная оцѣнка успѣховъ зависѣла отъ всей академической корпораціи и устроена въ нашей академіи на такихъ началахъ, которыя до послѣдняго времени не заставляли желать ничего лучшаго (дай Богъ въ добрый часъ молвить, въ худой промолчать, чтобы не сглазить) и которыя всегда будутъ составлять недостижимый идеалъ для высшихъ школъ не нашего вѣдомства. Второе условіе (то-есть правильная оцѣнка поведенія студентовъ) зависѣло исключительно отъ меня, и я въ этомъ дѣлѣ руководствовался не сплетнями, а разслѣдованіемъ проступковъ до степени осязательной ясности, снисходительно относился къ тому, что можно потерпѣть, усиливалъ эту терпѣливость въ тѣхъ случаяхъ, когда студенту могло показаться, что ему пришлось *задѣть* меня лично, и не клалъ на свои вѣсы въ пользу виновнаго ни его миловидности, ни умѣнья подольститься. При такихъ пріемахъ оцѣнки поведенія и эта сторона дѣла оставалась не подлежащею болѣе или менѣе справедливымъ укорамъ въ неправильности. При назначеніи стипендій свои академическіе мнѣ не перечили, и ни съ замѣчаніями, ни съ ходатайствами ко мнѣ не обращались, зная хорошо, что неправды въ раздачѣ стипендій не будетъ. Мѣшались иногда въ это дѣло сторонніе люди, но мнѣ, по замѣченной и моимъ ближайшимъ и отдаленнѣйшимъ начальствомъ достаточной неподатливости и упругости нрава (проще именуемыхъ «непомѣрною гордостью» и «необыкновеннымъ самонавіемъ *)), ничего не стоило оставлять вмѣшательство стороннихъ людей безъ всякаго удовлетворенія. Нѣкоторые охотники вмѣшиваться не въ свое дѣло, нисколько его не зная и мѣряя его на общепринятый въ житейскомъ обиходѣ аршинъ, очень сердились, и даже поносили меня названіями, взятыми отъ животнаго царства, но творили это безъ вся-

* См. „Отрывки изъ „Скорбной Лѣтописи“ городского головы“. Сергіевъ Посадъ, 1894 г., выпускъ первый.

каго плода. Дѣло стояло твердо. Въ свидѣтели этого мнѣ можно было бы призвать если не небо и землю, то, во всякомъ случаѣ, сотни живыхъ свидѣтелей (ибо я уволенъ отъ инспекторства сравнительно еще очень недавно, только лѣтъ десять тому назадъ), но созывать свидѣтелей мнѣ теперь некогда. Я предпочитаю представить читателю такія данныя, при помощи которыхъ ему можно будетъ *сразу* изловить двухъ зайцевъ. Отъ временъ инспекторства у меня сохранилась въ конторкѣ книжечка въ мягкомъ переплетѣ, купленная въ магазинѣ Гагена, удобно укладывающаяся въ боковой карманъ и всегда, во времена инспекторства моего, влагавшаяся мною въ предназначенное ей мѣсто, при каждомъ моемъ выходѣ изъ дому. Изъ этой книжечки, и только изъ нея одной, я буду извлекать доказательства, которыя одновременно докажутъ, *съ математическою точностію*, два положенія: первое, сравнительно малой важности, то, что стипендіи назначаемы были только за учебные успѣхи и доброе поведеніе студентовъ; второе, несравненно большей важности, то, что студенты своекоштные, вопреки выписанному сужденію «Объяснительной записки», исполняли свои обязанности *внимательно*.

Беру свою «мягкую» книжку и отыскиваю въ ней курсы XL (1881—1885) и XLI (1882—1886). Выбираю эти курсы не по прихоти и не съ лукавою какою-либо цѣлію, но по причинамъ вполне уважительнымъ. Инспекторомъ я былъ съ 1878-го по 1886 годъ; при мнѣ поступили въ академію курсы, начиная съ *тридцать седьмого* и кончая *сорокъ шестымъ*. Изъ этихъ десяти курсовъ при мнѣ провели всѣ четыре года только курсы съ тридцать седьмого по сорокъ первый; остальные уже не при мнѣ окончили свое академическое теченіе. Изъ пяти курсовъ, находившихся подъ моимъ надзоромъ, въ теченіе всѣхъ *четырехъ* лѣтъ, первые три курса не имѣли общаго списка, изъ котораго видно было бы, какое мѣсто каждый студентъ долженъ занимать среди всѣхъ своихъ товарищей, потому что списки составлялись по тремъ отдѣленіямъ, богословскому, историческому и практическому, по каждому отдѣльно. (Смотри печатные «Списки студентовъ Московской духовной академіи за семьдесятъ пять лѣтъ ея существованія, 1814—1889 г.», Москва,

1889 г.). При трехъ разныхъ спискахъ, на которые разбивался весь курсъ, производить сравнительную оцѣнку студенческихъ успѣховъ совершенно неудобно. А съ сорокового курса начали составлять списки общіе для всѣхъ студентовъ каждаго курса. Итакъ, мой выборъ останавливается на XL и XLII-мъ курсахъ не по лукавству, не по прихоти, а по необходимости. При этомъ произошла любопытная случайность. Если бы я былъ инспекторомъ не восемь, а двадцать восемь лѣтъ и могъ бы выбирать для тѣхъ цѣлей, которыя указаны выше, любые два курса изъ двадцати, то я долженъ былъ бы выбрать именно курсы XL-й и XLII-й, потому что это были два такіе многочелюдные курса, подобныхъ которымъ не было ни прежде, ни послѣ *до дня сего*. Въ сороковомъ курсѣ, при окончаніи его, значится 98 человѣкъ, а въ сорокъ первомъ 108 человѣкъ. Въ XXXIX-мъ курсѣ было только 67 человѣкъ, а въ XLII-мъ курсѣ было только 75 человѣкъ. Итакъ, болѣе богатаго въ количественномъ отношеніи матеріала для производства наблюдений надъ своекоштными студентами любыхъ двухъ курсовъ нельзя было и отыскать. Право, мнѣ «везетъ».

Въ составѣ XL-го курса *перебывали* (одни, то-есть убывали, другіе прибывали) сто четыре человѣка; окончили полный курсъ (по печатному списку) 98 человѣкъ, въ дѣйствительности же 96 человѣкъ, ибо двое причислены къ списку послѣ. Убыль произошла отъ слѣдующихъ причинъ: *трое умерли отъ чахотки*, а именно: *Соколовъ* Григорій (Петровичъ), уроженецъ Курской губерніи; *Чуринъ* Павелъ (Прокофьевичъ), окончившій курсъ въ архангельской семинаріи, но уроженецъ Вологодской губерніи, и *Грузовъ* Николай (Федоровичъ) Московской губерніи.

Двое, сиріецъ, *Кезма* Александръ (Гавриловичъ), сынъ торговца изъ Дамаска, и болгаринъ *Стефановъ* Стефанъ (Христофоровичъ), изъ города Сопота въ восточной Румелии, учившійся въ кievской семинаріи, *выбыли* изъ академіи до окончанія курса, Кезма въ 1883 году, а Стефановъ въ 1884 году; но послѣ выбытія они опять внесены въ списокъ своихъ товарищей, въ которомъ и значатся въ общемъ числѣ 98 человѣкъ, подъ чертою, особо отъ другихъ.

Одинъ, Чижовъ Александръ (Николаевичъ), Костромской гу-

берніи, заболѣлъ тяжкою формою психическаго разстройства, а послѣ выздоровленія поступилъ въ составъ уже другого, послѣдующаго курса.

Одинъ, Покровский Константинъ (Николаевичъ), Тульской губерніи, перешель въ 1882 году въ Петербургскую академію.

Одинъ, восьмой и послѣдній, *уволень* изъ академіи по нетрезвости. Это Г. Б., В—ской губ., Ш. уѣзда. Онъ присланъ былъ по распоряженію правленія семинаріи, какъ благонадежнѣйшій изъ своего курса, и занялъ, послѣ приѣмнаго экзамена, шестое мѣсто среди казеннокоштныхъ студентовъ. Въ теченіе перваго года онъ велъ себя прилично; но на второмъ году началъ попивать. Крѣпко «пробиралъ» я его *), жалѣя этого даровитаго юношу, по характеру очень тихаго. Выслушивалъ онъ мои нотации всегда очень скромно, потупивши глаза, и только румянецъ разгорался на его щекахъ. За второй годъ я поставилъ ему четверку по поведенію. На третьемъ году онъ совсѣмъ сбился, и хотя никакихъ особыхъ дебешей не произвелъ, но терпѣть его было зазорно, и онъ въ 1884 году уволенъ былъ изъ академіи совсѣмъ.

Итакъ, единственный уволенный изъ академіи студентъ не только былъ *казеннокоштнымъ*, а не *своекоштнымъ*, но и присланъ былъ правленіемъ своей семинаріи, какъ благонадежнѣйшій изъ курса. Изъ этого перечня убылыхъ студентовъ видно, что на убыль въ личномъ составѣ XL-го курса поведеніе не оказало почти ни малѣйшаго вліянія, и что подъ *выбывшими* изъ состава курса совсѣмъ не прячется удаленіе студентовъ изъ академіи за грѣхи поведенія.

Теперь пусть моя книжка дастъ читателямъ точныя свѣдѣнія о бывшихъ прегрѣшеніяхъ остальныхъ студентовъ XL-го курса. Согрѣшившіе чѣмъ-либо во время оно да не оскорбятся на меня за то, что я буду указывать на нихъ читателямъ почти совсѣмъ неприкровенно, съ прописаніемъ начальныхъ буквъ имени, отчества, фамиліи, мѣста рожденія и обученія. Берeditъ прискорбныя, можетъ быть, для иныхъ воспоминанія о грѣхахъ юности,

*) На это я былъ большой мастеръ, что, конечно, безъ спора признають и всѣ студенты того времени.

привлекать къ дѣлу, мною защищаемому, людей, можетъ быть, давнымъ давно искупившихъ даже и самые малые свои проступки,—сдѣлать это я рѣшился потому. что рѣчью искреннею, удобною для провѣрки, сердечно желаю принести посильную защиту правому и чистому дѣлу. Пусть лица, упоминаемая мною на послѣдующихъ страницахъ моей статьи, принесутъ и съ своей стороны даръ нѣкотораго самопожертвованія на пользу дѣла и для нихъ, и для братьевъ ихъ, и для дѣтей ихъ не чуждаго, а близкаго и дорогаго. Цифры безъ именъ были бы мертвы, или, по крайней мѣрѣ, вошляли бы не такъ громко. Укажу и другое основаніе для примиренія съ моими цитатами изъ живыхъ людей. Грозны были мои четверки по поведенію; онѣ задѣвали иной разъ прямо за живое мясо, особенно своекоштныхъ студентовъ. Но могу по доброй совѣсти сказать, что на четверкѣ я проѣзжалъ нерѣдко и тамъ, гдѣ другой, на моемъ мѣстѣ, познакомилъ бы студента на практикѣ съ тѣми «мѣрами взыска-ній», которыя не употреблялись мною единственно вельдствіе всегдашняго, самымъ дѣломъ засвидѣтельствованнаго памятованія о томъ, что за спинами студентовъ стоятъ и матери-вдовы, и сестры безпріютныя, и братья малолѣтніе, стоятъ и ждутъ будущаго кормильца. Свое не всегда «добиралъ» я. Можно «спустить старому инспектору», если ради дѣла добраго онъ протянетъ руку, чтобы еще немножко «добрать» изъ своего же законнаго инспекторскаго достоянія.

Послѣ этой оговорки раскрываю свою «мягкую» книжку и добросовѣстно извлекаю изъ нея свѣдѣнія о прегрѣшеніяхъ студентовъ XI-го курса, при чемъ имѣю несокрушимую увѣренность въ томъ, что моя книжка дастъ матеріаль, пригодный для точнаго математическаго отвѣта по вопросу: кто лучше вель себя на сороковомъ курсѣ, казеннокоштные или своекоштные студенты?

Въ книжкѣ моей найдутся всѣ данныя, какія только могутъ понадобится для этого дѣла; найдется даже не мало и такихъ данныхъ, относительно которыхъ иной не скоро и догадается, зачѣмъ попали они въ инспекторскую книжку: напримѣръ, какъ студента зовутъ по отчеству, чей онъ сынъ, не учился ли въ среднемъ учебномъ заведеніи болѣе надлежащаго обычнаго срока,

сколькихъ лѣтъ и прямо ли по окончаніи курса поступилъ въ академію, присланъ ли по назначенію правленія семинаріи, или пріѣхалъ добровольно.—волонтеромъ, не имѣется ли какихъ особенностей почерка, какъ былъ аттестованъ и по поведенію и по успѣхамъ въ семинаріи, какое мѣсто по списку занялъ послѣ того или другого года академическаго ученія, какія получалъ награды, или наказанія, или вспомошествованія отъ братства преподобнаго Сергія, не пользовался ли какою стипендією, куда поступилъ по окончаніи курса, и тому подобное. Чтобы не затруднять и не смущать читателей, я буду пользоваться только тѣми данными, которыя имѣютъ прямое и для всѣхъ ясное отношеніе къ разбираемому вопросу.

Познакомимся же по руководству мягкой книжки съ грѣховною статистикою сорокового курса Московской духовной академіи (1881—1885 г.). Изъ нея мы увидимъ ясно, каковы были своекоштные студенты этого курса, хуже были или лучше студентовъ казеннокоштныхъ.

1. А. Г. Д., Т—ской губерніи, К—скаго уѣзда, села С., присланный въ академію *по назначенію правленія семинаріи* и занявшій при поступленіи въ академію второе мѣсто въ общемъ спискѣ цѣлой сотни своихъ товарищей, изъ которыхъ первые *сорокъ пять* были приняты въ число *казеннокоштныхъ*, и на второмъ и на четвертомъ году своего ученія получилъ четверку по поведенію за нетрезвость.

2. Д. Н. Н., Т—ской губерніи, Н. уѣзда, села С., волонтеръ, принятый въ число *казеннокоштныхъ*, получилъ и на второмъ и на четвертомъ году ученія четверку по поведенію за нетрезвость.

3. Н. Н. Ч., К—ской губерніи, города М., волонтеръ, принятый въ число *казеннокоштныхъ*, на второмъ и четвертомъ году ученія получилъ четверку по поведенію за нетрезвость.

4. А. Ф. С., М—ской губерніи, изъ В. семинаріи, присланный въ академію *по назначенію* правленія семинаріи и занявшій по приѣмному экзамену *первое* мѣсто среди *казеннокоштныхъ* студентовъ, на четвертомъ году получилъ четверку по поведенію за нетрезвость и спустился до пятнадцатаго мѣста по списку.

5. С. И. О., Р—ской губерніи, К. уѣзда, села Н. Т., волон-

теръ, принятый въ число *казеннокоштныхъ*, на третьемъ году ученья получилъ четверку по поведенію за самовольную отлучку въ Москву. Хотя онъ и вернулся изъ Москвы въ тотъ же день но потакать такому самоволію, конечно, не годилось.

6. П. А. С., В—ской губерніи, города В., присланный *по назначенію* правленія семинаріи и принятый въ число *казеннокоштныхъ* студентовъ, на второмъ году получилъ четверку по поведенію за нетрезвость.

7. П. Н. В., В—ской губерніи, волонтеръ, принятый въ число *казеннокоштныхъ* студентовъ, на второмъ году получилъ четверку по поведенію за нетрезвость.

8. В. П. С., NN губерніи, М—скаго уѣзда, села С., волонтеръ, принятый въ число *казеннокоштныхъ* студентовъ, на второмъ году получилъ четверку по поведенію за нетрезвость и на четвертомъ году получилъ то же и за то же.

9. Д. М. В., Т—ской губерніи, О. уѣзда, села В., волонтеръ, принятый въ число *казеннокоштныхъ*, на второмъ году получилъ четверку по поведенію за нетрезвость и на четвертомъ году получилъ то же и за то же.

10. В. Е. Г., Т—ской губерніи, города В., принятый въ число *казеннокоштныхъ* студентовъ, на четвертомъ году получилъ четверку по поведенію за преждевременное обнаруженіе склонности къ семейной жизни.

11. В. Г. С., К—ской губерніи, Н. уѣзда, села Ш., присланный въ академію *по назначенію* правленія семинаріи и принятый въ число *казеннокоштныхъ*, на четвертомъ году получилъ четверку по поведенію за нетрезвость.

12. С. А. З., В—ской губерніи, О. уѣзда, слободы Р., волонтеръ, принятый въ число *казеннокоштныхъ* студентовъ, на второмъ году получилъ четверку по поведенію за нетрезвость, и на четвертомъ году получилъ то же и за то же.

13. И. И. С., В—ской губерніи, Л. уѣзда, присланный въ академію по назначенію Правленія семинаріи и принятый въ число *казеннокоштныхъ* студентовъ, на третьемъ году получилъ *тройку* по поведенію за нетрезвость, а на четвертомъ году за то же получилъ четверку по поведенію.

14. П. А. К., А—ской губерніи, города А., волонтеръ, при-

нятый въ число *казеннокоштныхъ* студентовъ, на второмъ году получилъ тройку по поведенію за неосновательныя и неумѣстныя сужденія о значеніи «Правиль объ обязанностяхъ учащихся въ Московской духовной академіи и о взысканіяхъ за нарушеніе оныхъ» (Москва, 1871 г.),—сужденія, источникъ которыхъ крылся въ томъ, что К. былъ балованнымъ сыномъ отца.

15. Н. К. С., М—ской губерніи, города М., принятый въ число *казеннокоштныхъ* студентовъ XXXIX курса, но на второмъ году оставленный на повторительный курсъ, и потому вошедшій въ составъ XL курса, на четвертомъ году получилъ четверку по поведенію за преждевременное обнаруженіе склонности къ семейной жизни.

16. П. И. В., Т—ской губерніи, Б. уѣзда, погоста Т., волонтеръ, поступившій въ число *своекоштныхъ* студентовъ, на четвертомъ году получилъ *четверку* по поведенію за нетрезвость.

17. Н. Я. В., Т—ской губерніи, В. уѣзда, села К., поступившій въ число *своекоштныхъ* студентовъ, на четвертомъ году получилъ *тройку* по поведенію за преждевременное обнаруженіе склонности къ семейной жизни.

18. Н. А. П., К—ской губерніи, Ж. уѣзда, села М., волонтеръ, поступившій въ число *своекоштныхъ* студентовъ, на четвертомъ году получилъ четверку по поведенію за дѣятельное участіе въ строго воспрещенной инспекторомъ такъ называемой *генеральной вытискѣ*, приготовлявшейся (по худому преданію, для нѣкоторыхъ лицъ академическаго управленія, впрочемъ, не противному) на счетъ новопоступившихъ студентовъ, въ видахъ, будто бы, засвидѣтельствванія о принятіи новичковъ въ общеніе съ студентами прочихъ курсовъ.

19. А. П. Л., NN губерніи, П. уѣзда, волонтеръ, поступившій въ число *своекоштныхъ* студентовъ, на четвертомъ году получилъ четверку по поведенію за нетрезвость.

20. I. В. Б., М—ской губерніи и уѣзда, села Н., волонтеръ, поступившій въ число *своекоштныхъ* студентовъ, на третьемъ году получилъ *четверку* по поведенію за нетрезвость.

Я перечислилъ всѣхъ студентовъ XL курса, отмѣченныхъ не лучшею отмѣткою по поведенію. Изъ этого перечня видно, что

за четыре года жизни студентов XL курса инспекторъ нашелъ нужнымъ двадцати студентамъ дать не вполне удовлетворительную *) отмѣтку по поведенію, а одного студента удалить изъ академіи совсѣмъ. Удаленный изъ академіи былъ студентъ *казеннокоштный*, а не *своекоштный*, и поступилъ въ академію по особой рекомендаціи и за ручательствомъ всего семинарскаго правленія относительно и умственной и нравственной благонадежности посланнаго.

Изъ двадцати студентовъ, отмѣченныхъ не хорошою отмѣткою по поведенію, *пятнадцать* оказались *казеннокоштными*, а не *своекоштными* студентами; *пятеро* изъ этихъ *казеннокоштныхъ* оказались присланными въ академію по особой рекомендаціи семинарскихъ правленій; изъ *своекоштныхъ* студентовъ вошли въ число двадцати только *пятеро*.

Если бы я пожелалъ такъ же легкомысленно отнестись къ этимъ статистическимъ даннымъ, какъ относятся къ подобнымъ даннымъ нѣкоторые статистики и даже философы, то я могъ бы сдѣлать такіе выводы: «принимая во вниманіе, что общее число студентовъ XL курса доходило до ста четырехъ человѣкъ; что *казеннокоштные* составляли *меньше* половины всего числа студентовъ, а *своекоштные* составляли *больше* половины, что *пятнадцать* во всякомъ случаѣ втрое болѣе пяти; что студентовъ, присланныхъ по назначенію семинарскихъ правленій въ составъ XL курса было тридцать человѣкъ; что единственный изгнанный съ XL курса студентъ прибылъ на этотъ курсъ по назначенію семинарскаго правленія; что сороковой курсъ студентовъ академіи начертывалъ свое поведеніе на скрижаляхъ инспекціи въ то самое время, когда въ Петербургѣ за сѣдалъ Комитетъ 1881 года; принимая во вниманіе все сейчасъ написанное, заключаю 1) что студенты *казеннокоштные* ведутъ

*) Хотя *четверка* по пятибалльной системѣ переводится нарѣчіемъ превосходной степени „очень хорошо“, но на самомъ дѣлѣ хорошаго въ четверкѣ очень мало. Относительно воспитанниковъ семинаріи, прибывшихъ въ академію держать вступительный экзамень и имѣющихъ въ семинарскомъ аттестатѣ четверку по поведенію, академическое начальство *обязано* входить въ конфиденціальную переписку съ правленіемъ подлежащей семинаріи. Очевидно, что „очень хорошо“ разсматривается какъ вѣчто, не похожее на хорошее.

себя въ три раза, даже съ дробью, хуже *своекоштныхъ*; 2) что шестая часть семинаристовъ, прїѣзжающихъ въ академію по назначенію семинарскихъ правленій, представляетъ собою элементъ неблагонадежный; 3) что самые великіе сосуды неблагонадежности поставляются въ академіи семинарскими правленіями, и 4) что сужденія Комитета 1881 года объ исполненіи своекоштными студентами ихъ обязанностей должны были, — въ приложеніи къ Московской академіи, — имѣть своими сказуемыми глаголы, поставленные не въ настоящемъ, а или въ прошедшемъ, или въ будущемъ времени.

Отъ сейчасъ изложенныхъ выводовъ, несмотря на неоднократные примѣры составленія умозаключеній и выводовъ, нисколько не большей значимости и силы, отвращаюсь совершенно и ставлю вмѣсто нихъ слѣдующій правильный выводъ: «въ теченіе всего времени обученія XI курса поведеніе студентовъ *своекоштныхъ* было лучше поведенія студентовъ *казеннокотшныхъ*». Причина такого положенія дѣль была уже мною указана съ совершенною ясностію: она заключалась въ томъ, что студентамъ своекоштнымъ было очень *невыгодно* возбуждать чѣмъ-либо недовольство инспекціи. Если это было очень невыгодно въ Московской академіи, то не вижу причины, почему такого же точно положенія дѣль *не могло бы* быть создано и въ каждой изъ остальныхъ трехъ академій? Вездѣ, то-есть въ каждой академіи, своекоштные студенты, въ большинствѣ своемъ суть полунищіе, вездѣ они хотятъ кушать, вездѣ они желаютъ оградить себя, съ нѣкоторымъ даже приличіемъ, отъ вреднаго дѣйствія стихій. Что же могло мѣшать воспользоваться ихъ нищетою, какъ могущественнымъ средствомъ для инспекціи держать ихъ въ рукахъ? «Не хочешь меня слушаться, не хочешь за дѣломъ сидѣть, такъ поголодай; умнѣ будешь. Слушаешься требованій начальства и сидишь за дѣломъ: на вотъ, кушай, обуйся, одѣвьяся поприличнѣе». Что можетъ быть проще и правильнѣе употребленія такого могучаго рычага?

Этотъ рычагъ имѣлъ въ Московской духовной академіи разныя формы и разныя величины: и форму стипендій различныхъ размѣровъ, и форму ежемѣсячныхъ пособій такъ же различнаго размѣра, и форму единовременныхъ выдачь, крушныхъ

и мелкихъ, и форму выдачи нужныхъ вещей натурою. и форму доставленія различной величины заработковъ.

Въ объясненіе такого разнообразія видовъ глаголемаго рычага нужно сказать слѣдующее. При Московской духовной академіи открыто было 26-го сентября 1880 года „Братство преподабнаго Сергія для вспомошествованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ академіи». Братство учреждено было съ цѣлью доставлять денежныя и другія матеріальныя пособія, *прежде всего*, нуждающимся студентамъ. По уставу Братства инспекторъ есть *непремѣнный* членъ совѣта, завѣдующаго всѣми текущими дѣлами братства, а остальные семь членовъ совѣта избираются на два года общимъ собраніемъ братства; для законности засѣданія совѣта необходимо присутствіе председателя или его товарища, казначея, *непремѣннаго члена* и одного изъ прочихъ членовъ совѣта. Изъ приведенныхъ сейчасъ пунктовъ устава братства ясно, что ни одно пособие студенту не можетъ быть сдѣлано безъ участія инспектора. Его голосъ всегда можетъ быть силенъ въ совѣтѣ, потому что одинъ инспекторъ знаетъ всѣхъ студентовъ, а прочимъ членамъ совѣта студенты или совѣмъ неизвѣстны, или извѣстны очень мало. Само собою понятно, что и остальнымъ тремъ духовнымъ академіямъ ничто не препятствуетъ поставить студентовъ въ такую же прямую зависимость, по матеріальному положенію, отъ своихъ инспекторовъ.

Кромѣ того, я лично находилъ въ такихъ особыхъ условіяхъ, которыя въ другихъ академіяхъ едва ли могутъ имѣть мѣсто. Сергіевъ Посадъ, гдѣ находятся и лавра, и академія, — мѣстечко небольшое. Въ этомъ мѣстечкѣ я прожилъ, до избранія на инспекторскую должность, цѣлыхъ *сорокъ* лѣтъ. Естественно, что человека, прожившаго сорокъ лѣтъ въ маленькомъ мѣстечкѣ, знаютъ всѣ. Потому, понадобится ли кому изъ жителей посада учитель, репетиторъ, даже просто переписчикъ, — въ большинствѣ случаевъ нуждающіеся прямо обращались къ инспектору, и инспекторъ получалъ возможность доставлять кусокъ хлѣба тому или другому студенту по своему выбору. При такомъ положеніи дѣль прибавлялась для своекоштныхъ студентовъ еще новая причина очень и очень дорожить добрымъ расположеніемъ

инспектора. Можно сказать даже такъ, что полунищіе студенты каковыхъ было, есть и будетъ большинство, совѣмъ, и съ руками, и съ ногами, преданы были своею нищетою во власть инспектора. Ему уже ничего не стоило и говорить и дѣйствовать *со властью*, весьма грозною для каждого *своекоштнаго* студента и уже гораздо менѣе грозною для каждого *казеннокоштнаго* студента. Послѣднему, казеннокоштному студенту, достаточно было принять соотвѣтственныя мѣры лишь къ тому, чтобы инспекторъ не нашелъ нужнымъ сдѣлать совѣту академіи представленіе о *лишеніи* казеннаго содержанія, для чего, конечно, нужно было совершить проступокъ, совѣмъ уже не маловажный; въ случаѣ же его совершенія и полученія соотвѣтственнаго ему наказанія, *казеннокоштный* студентъ подпадалъ подъ власть инспектора въ такой же мѣрѣ, какъ и всякій другой *своекоштный*.

Теперь прослѣдимъ по исторіи того же XL-го курса дѣйствование вышеупомянутыхъ видовъ рычага. Беру свою мягкую карманную книжку и читаю:

«56. *Богородскій*, Александръ Ефим., Тверской г. и у., с. Мѣлкова, діак., 22 л., к. 9. 12, 16. 27».

Это написано на одной сторонѣ листка, а на оборотной, чистой сторонѣ листка написано: «Б. 9. 19 р. 50 к. Съ 6 с. 82 *въ баинъ*».

Въ переложеніи на болѣе понятную рѣчь выписанныя сейчасъ инспекторскія замѣтки читаются такъ: Богородскій Александръ (Ефимовичъ), уроженецъ Тверской губерніи и уѣзда, села Мѣлкова, сынъ діакона, имѣвшій 22 года при поступленіи въ академію, присланъ былъ въ академію въ 1881 году по распоряженію правленія семинаріи, по выдержаніи приѣмнаго экзамена занялъ въ общемъ списокѣ пятьдесятъ шестое мѣсто изъ сотни съ чѣмъ-то своихъ товарищей, по истеченіи перваго года занялъ въ своемъ богословскомъ отдѣленіи девятое мѣсто (изъ 31).

Въ теченіе этого перваго года ученія Богородскій получалъ пособие отъ братства въ количествѣ девяти рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ того, сшита была ему пара платья, стоимостью въ 19 р. 50 к. При наступленіи втораго учебнаго года, по опредѣленію совѣта академіи, состоявшемся 6-го сентября 1882 года, Бого-

родскій получилъ одну изъ стипендій, учрежденныхъ Троицкою лаврой (лавра давала 16 студентамъ помѣщеніе въ одной изъ лаврскихъ башенъ (въ Пятницкой) и платила въ академію деньги за столъ и одежду для этихъ 16 студентовъ). Итакъ, Богородскій, сынъ *сельскаго діакона*, оказавшій *хорошіе успѣхи* въ продолженіе перваго же года ученія и отмѣченный по поведенію балломъ 5 (а не четверкою), избавился отъ нищеты на всѣ остальные три года ученія въ академіи. Онъ учился хорошо и въ теченіе второго и третьяго года, занимая въ спискѣ богословскаго отдѣленія двѣнадцатое и шестнадцатое мѣста, а на послѣднемъ году учился даже и весьма хорошо, занявъ при окончаніи курса двадцать седьмое мѣсто среди девяноста восьми товарищей. Занявъ это мѣсто, Богородскій опередилъ по своимъ успѣхамъ *болѣе* половины *казеннокоштныхъ* студентовъ, чѣмъ и далъ мнѣ въ текущемъ 1894 одно изъ весьма цѣнныхъ свидѣтельствъ въ пользу моихъ мыслей относительно своекоштныхъ студентовъ. Такія же свидѣтельства я надѣюсь, впрочемъ, получить и отъ другихъ студентовъ XL-го курса.

Поповъ *), Стефанъ (Андреевичъ), Воронежской губерніи и уѣзда, села Подклѣтнаго, сынъ діакона, 22 лѣтъ, волонтеръ, поступилъ въ число своекоштныхъ студентовъ подъ № 67. По истеченіи перваго года Поповъ занялъ *тринадцатое* мѣсто въ спискѣ своего отдѣленія, по истеченіи второго года—*шестое*, по истеченіи третьяго года — *седьмое*, а по окончаніи послѣдняго четвертаго года занялъ *восемнадцатое* мѣсто въ общемъ спискѣ всѣхъ студентовъ своего курса (98 человѣкъ); значить, 80 человѣкъ оказались слабѣе его по успѣхамъ, и въ частности онъ оставилъ за флагомъ человѣкъ тридцать пять казеннокоштныхъ. Спасибо и вамъ, Стефанъ Андреевичъ, за вашу поддержку! За то отъ академіи вы получили на первомъ же году одежды на 20 рублей, письменоводительскую должность съ платою по пяти рублей въ мѣсяць, казенную квартиру и столъ, а на второмъ году зачислены вы на полное казенное содержаніе.

Малиновскій, Николай (Платоновичъ), Вологодской губерніи,

*) Я уже познакомилъ читателей съ принятымъ мною для моей „мягкой“ книжки способомъ сокращенной записи. Довольно, конечно, и одного примѣра.

сынъ *умершаго* священника, 19 лѣтъ. волонтеръ, по приѣмному экзамену занялъ семьдесятъ девятое мѣсто. Въ теченіе перваго года Малиновскій получилъ одежды на 17 р. 65 к и, кромѣ того, получалъ по пяти рублей ежемѣсячнаго пособія. Занявъ по окончаніи перваго года двѣнадцатое мѣсто въ спискѣ студентовъ своего отдѣленія (31 человекъ), онъ назначенъ 6 сентября 1882 года *въ баиню*, то-есть на лаврскую стипендію. Перейдя въ совершенно обезпеченное положеніе, Малиновскій еще увеличилъ усердіе къ занятіямъ и потому по окончаніи втораго года занялъ *седьмое* мѣсто, по окончаніи третьяго—*шестое*, по окончаніи же послѣдняго года занялъ *тринадцатое* мѣсто въ общемъ спискѣ всѣхъ товарищей (98 человекъ) и по опредѣленію совѣта признанъ былъ *магистрантомъ*. Спасибо Николаю Платоновичу! поддержалъ онъ *своекоштныхъ* студентовъ противъ нападений вражескихъ.

Доброгаевъ, Михаилъ (Адріановичъ), Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда, села Новомлынка, сынъ священника. волонтеръ, по приѣмному экзамену занялъ 59 мѣсто, на первомъ году занялъ одиннадцатое мѣсто въ своемъ отдѣленіи (44 человекъ), а на послѣднемъ году двадцать девятое мѣсто въ общемъ спискѣ, оставивъ за флагомъ человекъ двадцать *казеннокоштныхъ*. Получилъ онъ: въ теченіе перваго года ежемѣсячное пособіе отъ братства (по три рубля въ мѣсяцъ) и суконную пару, а 6-го сентября 1882 года поступилъ на лаврскую стипендію.

II — ий, Н. за подобныя же учебныя успѣхи 6-го сентября 1882 г. поступилъ въ *баиню*; окончилъ же курсъ тридцать седьмымъ, опередивъ человекъ четырнадцать *казеннокоштныхъ* студентовъ. На него, впрочемъ, я сѣтую за то, что мнѣ пришлось о немъ упомянуть прежде (см. выше, стр. 105); для *башеннаго* студента, стоявшаго подъ двойнымъ надзоромъ, моимъ и монастырскимъ, полученіе четверки по поведенію—дѣло рѣдкостное!

Рукинъ. Павелъ (Александровичъ), Вологодской губерніи, Грязовецкаго уѣзда. Ластенской церкви, сынъ священника, по окончаніи семинарскаго курса поступилъ на учительскую въ духовномъ училищѣ должность, 24 лѣтъ, волонтеръ, принятъ въ академію подъ 62-мъ №, окончилъ курсъ подъ 24-мъ №; на первомъ году получилъ одежды на 34 р. 5 к. и письменоводительскую

должность съ жалованьемъ по шести рублей въ мѣсяць, затѣмъ (18-го марта 1883 г.) стипендію въ 110 рублей, а затѣмъ съ января 1884 года поступилъ на полную казенную стипендію, освободившуюся за смертью Григ. Соколова.

Кедровъ, Викторъ (Ивановичъ), Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда, сынъ умершаго священника, 20 лѣтъ, волонтеръ, по приемному экзамену занялъ 97-е мѣсто, затѣмъ занималъ мѣста: двадцатое, девятое, шестнадцатое въ своемъ отдѣленіи (44 человѣка). Окончилъ тридцать восьмымъ, по общему списку, опередивъ человѣкъ тринадцать казеннокоштныхъ. Кедровъ получилъ въ первый годъ ежемѣсячное пособіе въ пять рублей и одежды на 23 р. 95 к.; на второй годъ ежемѣсячное денежное пособіе увеличено было на два рубля; чрезъ два года ученья Кедровъ поступилъ въ *баиню*, то-есть, на Лаврскую стипендію.

Серебренниковъ, Нилъ (Константиновичъ), Витебской губерніи, Невельскаго уѣзда, сынъ умершаго священника. 22 л., волонтеръ, принятъ въ академію подъ № 58, окончилъ курсъ подъ № 31-мъ, опередивъ человѣкъ двадцать казеннокоштныхъ студентовъ; пособіе ему оказано назначеніемъ ежемѣсячной выдачи пяти рублей, шитіемъ пальто въ 17 р. 33 к.; затѣмъ ежемѣсячное пособіе увеличено до семи рублей, единовременно выдано 12 рублей; 6-го сентября 1883 г. дана стипендія во 100 рублей въ годъ.

Добромысловъ, Николай (Павловичъ), Калужской губерніи, г. Перемышля, сынъ священника, изъ семинаріи выпущенъ съ четверкою по поведенію. по окончаніи семинарскаго курса годъ прожилъ дома, по приемному экзамену занялъ 55-е мѣсто. Въ теченіе перваго года получалъ отъ братства ежемѣсячное пособіе въ *три* рубля; кромѣ того, ему даны были сапоги съ калошами и еще дано пять рублей единовременно. По окончаніи перваго года занялъ тринадцатое мѣсто въ историческомъ отдѣленіи (44 человѣка) и 6-го сентября 1882 года получилъ одну изъ Лаврскихъ стипендій. Получивъ вполне достаточное обезпеченіе, Добромысловъ не бросилъ занятій и окончилъ курсъ сорокъ третьимъ по общему списку, опередивъ человѣкъ десять казеннокоштныхъ.

Здѣсь заканчиваю на время свои позаимствованія изъ „мягкой“ книжки, потому что я успѣлъ взять изъ нея всё указанія на *крупныя* вспомошествованія, оказанныя своекоштнымъ студентамъ XI-го курса, а объ мелкихъ рѣчь будетъ послѣ.

Приведенными изъ моей карманной книжки свѣдѣнїями достаточно могутъ подтверждаться слѣдующія положенія: во-первыхъ, средствъ освободить своекоштныхъ студентовъ отъ угнетенія бѣдностію въ рукахъ инспектора было довольно; во-вторыхъ, при переводѣ студентовъ изъ угнетеннаго положенія въ обезпеченное возможно было руководствоваться не протекціею, не преимущественною бѣдностію, не личнымъ расположеніемъ къ нравственнымъ или физическимъ качествамъ студента, не степенью его умѣнья обдѣлывать свои дѣлишки путемъ заискиванія предъ начальствомъ, а исключительно учебными *успѣхами* студента, но, само собою разумѣется, *при отсутствїи такихъ проступковъ*, которые влекли бы за собою пониженіе балла въ моемъ спискѣ студенческаго поведенія. Четверка по поведенію составляла *неодолимое* препятствіе къ достиженію своекоштнымъ студентомъ того результата, который долженъ бы быть естественнымъ слѣдствіемъ учебныхъ успѣховъ; при четверкѣ по поведенію на стипендію попасть уже нельзя было. Раздавать четверки за поведеніе, конечно, нужно было только по достаточнымъ основаніямъ, потому что на благосостоянїи своекоштнаго студента, не успѣвшаго иолучить стипендію, эта четверка (иначе сказать, второй разрядъ по поведенію) должна была отразиться очень тяжело; несправедливое раздаяніе этого добра (четверокъ-то) задѣвало бы прямо за живое тѣло, и задѣтый обѣгаль бы весь посадъ (то-есть всѣхъ живущихъ въ посадѣ профессоровъ) съ жалобами на незаслуженное нападеніе со стороны инспектора. Но раздавать четверки „по сущей правдѣ“ мнѣ нисколько не было затруднительно, потому что свѣдѣнїя мои объ «истинномъ» поведеніи каждаго студента были весьма удовлетворительны (даже на 5+), и пользоваться зудомъ языка разныхъ сплетницъ-салопницъ въ обликѣ мужескомъ, нынѣ столь поощряемыхъ и ласкаемыхъ въ иныхъ мѣстахъ, для меня не настояло ни малѣйшей нужды. Вслѣдствіе этого, и студентамъ не настояло нужды бѣгать по посаду съ жалобами на четверки

по поведенію. Помню только одинъ случай подобнаго бѣганья, но и въ томъ случаѣ бѣганье было предпринято безъ всякой уважительной причины. Поставилъ я четверку по поведенію священнику Виталию Джанаеву, — онъ же Джанашвили, изъ ингилойцевъ: послѣ бѣготни по нѣкоторымъ мѣстамъ, «восточный» человекъ прибѣжалъ и ко мнѣ, запальчиво требуя, чтобы я изгладилъ изъ списка четверку, незаслуженно клеймящую его, — лицо совершенно безупречное, а въ лицѣ его марающую и весь «освященный чинъ» россійской церкви. Я хотя и держалъ въ умѣ, что «восточный человекъ» можетъ пырнуть меня ножомъ, но изгладить свою четверку и замѣнить ее пятеркою я отказался съ рѣшительностію. Тогда онъ сталъ грозить мнѣ жалобою въ мѣстахъ, отъ Сергіевскаго посада довольно отдаленныхъ. Я сказалъ ему, что, отвѣчая на его жалобу, пропишу слѣдующее: «такого-то мѣсяца и числа, во столько-то часовъ, находясь на монастырской оградѣ, я видѣлъ священника Джанаева въ такомъ-то помѣщеніи, дѣлающимъ то-то и то-то». Что же вы думаете? Мой собесѣдникъ только посверкалъ черными глазами, а ножомъ не пырнулъ и жалобу подавать раздумалъ.

Ставя на первомъ мѣстѣ, при рѣшеніи вопроса о назначеніи стипендіи тому или другому своекоштному студенту, учебные успѣхи, отдавая имъ всегда предпочтеніе даже передъ крайнею бѣдностію и передъ любезными въ начальственныхъ очахъ качествами того или другого студента (сравните, наиримѣръ, — обращаю свое слово исключительно къ самимъ воспитанникамъ ХІ-го курса, — сравните грубоватую буку и недотрогу Н. П. Д—ва, получившаго стипендію, и благоувѣтливаго, услужливѣйшаго и бѣднѣйшаго А. Б. С—ва, не получившаго стипендію), я желалъ, во-первыхъ, избѣгнуть произвола; желалъ, во-вторыхъ, оказать содѣйствіе усиленію учебныхъ занятій среди своекоштныхъ студентовъ, а еще болѣе рассчитывалъ на то, что ближайшее мое дѣло — попеченіе о поведеніи студентовъ, очень много выиграетъ отъ моего образа дѣйствій. Если каждый своекоштный студентъ всегда могъ видѣть, что усердный трудъ влечетъ за собою возможность вѣрнаго выхода изъ трудныхъ житейскихъ обстоятельствъ: то, угнетаемый этими обстоятельствами, онъ не могъ спокойно тратить время въ праздности и развлеченіяхъ

и невольно присаживался за серьезную работу. А когда студенты безъ устали сидятъ за дѣломъ, тогда инспектору живется спокойно. Притомъ, когда студентъ втянется въ работу и сдѣлаетъ привычку къ ней, тогда по праву можно ждать, что и по выходѣ изъ академіи онъ не почувствуетъ охоты «бить баклуши», а сдѣлается полезнымъ труженикомъ вездѣ, куда бы его ни занесла судьба. Въ общей экономіи полезной дѣятельности это—расчетъ не маленькій.

Все это такъ ясно для меня, что я не допускаю ни малѣйшаго сомнѣнія въ возможности поставить своекоштныхъ студентовъ въ такое же точно положеніе и въ Казани, и въ Кіевѣ, и въ Петербургѣ. Если предположить, что своекоштные студенты не были тамъ поставлены такъ, какъ у насъ; если предположить, что изъ тѣхъ мѣстъ подавали въ Комитетъ вѣсти такія, что у нихъ своекоштные студенты составляютъ язву, которую нужно какъ можно скорѣе вырѣзать: то я буду винить не тамошнихъ студентовъ, а ихъ начальство и главнымъ образомъ, разумѣется, инспекторовъ; буду думать, что инспекторы тамъ не за свое дѣло взялись и тѣмъ нанесли великій вредъ и духовенству, и дѣтямъ его *). Или, можетъ быть, такихъ вѣстей и они не подавали,—я не подавалъ, потому что *меня никто и не спрашивалъ*,—можетъ быть, и подавать не имѣли повода? Въ такомъ случаѣ *чесо ради шбель сія бысть?*

А какое раздолье было инспектору въ засѣданіяхъ Совѣта Братства преподобнаго Сергія! Въ Совѣтъ поступаютъ прошенія своекоштныхъ студентовъ о вспоможеніи; въ прошеніяхъ прописываются и предметы желаній и трудныя обстоятельства просителя. Члены Совѣта одушевлены желаніемъ оказать помощь дѣйствительно нуждающимся. Затрудненіе одно: кромѣ

*) Если бы, сверхъ чаянія, оказалось, что худыя вѣсти о своекоштныхъ студентахъ давалъ Комитету принимавшій участіе въ его засѣданіяхъ инспекторъ Петербургской духовной академіи И. О. Нильскій, то я почелъ бы себя въ полномъ правѣ сказать, что онъ совсѣмъ не понималъ ни положенія своекоштныхъ студентовъ, ни своего собственнаго положенія; сказалъ бы я, что онъ былъ *совсѣмъ неспособенъ* къ прохоженію инспекторской должности и что онъ привялъ на свою душу *тяжкій грѣхъ*. Но мнѣ не вѣрится, чтобы отъ И. О. Нильскаго шли рѣчи, похожія на рѣчи „Объяснительной Записки“.

инспектора, никто изъ присутствующихъ не знаетъ естества просителей, по большей части не имѣеть объ нихъ даже и смутнаго представленія. Подробныя свѣдѣнія о каждомъ находятся въ обладаніи только одного лица—инспектора. Понятно, что отъ его рѣчи о томъ или другомъ студентѣ существенно зависѣла судьба каждаго прошенія. Это всегда было извѣстно всѣмъ студентамъ, и здѣсь скрывался новый источникъ боязни своекоштныхъ студентовъ хотя и малымъ чѣмъ прогнѣвить *вссильнаго*, будто бы, инспектора. Положеніе казеннокоштныхъ студентовъ въ отношеніи къ *размтрамъ* страха предъ инспекторомъ, было много льготнѣе. Инспекторъ ясно сознавалъ всю свою силу, но не признавалъ полезнымъ доводить ея проявленія до такой степени, чтобы своекоштные студенты, сознававшіе за собою тѣ или другіе грѣхи поведенія, приходили въ безвыходное уныніе. Совѣтомъ Братства раздаваемы были небольшіе и, сравнительно, не частые дары и не безукоризненнымъ своекоштнымъ студентамъ; и ихъ прошенія не были всегда отвергаемы, потому что правда-правдой, но и милосердію должно же иногда доставаться одолѣніе, опять-таки при участіи инспектора. Въ такихъ случаяхъ инспектору приходилось обращаться къ Совѣту Братства съ уступительными періодами, подобными слѣдующему: „за этимъ студентомъ у меня есть вотъ что...; но сюртукъ у него дѣйствительно такой, что и въ церковь и на экзамень въ немъ выдти стыдно“. Или... „но калошь у него дѣйствительно нѣтъ, а на правомъ сапогѣ заплату я самъ видѣлъ“. Все это становилось извѣстно студентамъ; иногда даже и самъ инспекторъ, въ своихъ инспекторскихъ видахъ, обращался къ удовлетворенному въ своей просьбѣ студенту съ такою, примѣрно, рѣчью: „не слѣдовало бы давать вамъ суконную пару, но я надѣюсь, что вы впредь“... и прочіе сами собою понятные глаголы. Вообще, по чистой совѣсти сказать, инспекторъ Московской академіи имѣлъ въ *избыткѣ* всѣ средства держать своекоштныхъ студентовъ и въ ежовыхъ и даже въ аспидовыхъ рукавицахъ, глядя по личному вкусу.

Хотя я и самъ начинаю чувствовать, что дѣло мое пришло для читателей въ совершенную ясность и что какъ будто со-всѣмъ нѣтъ никакой надобности извлекать новыя подтвержденія своихъ словъ изъ исторіи слѣдующаго, ХІІ-го, курса, но уже я

связалъ себя обѣщаніемъ представить читателю и ХLI-й курсъ. Изъ столкновенія двухъ обязанностей,—обязанности безъ толку не надѣдать читателю и обязанности исполнить свое обѣщаніе, можно будетъ выйти такимъ способомъ: изъ исторіи ХLI-го курса (1882 — 1886) всѣ данныя, пригодныя для уясненія вопроса о своекоштныхъ студентахъ, привести въ болѣе сжатомъ видѣ, чѣмъ прежде. Такъ и сдѣлаю.

Въ 1882 году число желавшихъ подвергнуться испытанію на получение права поступить въ число студентовъ академіи дошло до очень крупной цифры: наѣхало *сто двадцать четыре* человѣка (въ 1881 году 105 человѣкъ, въ 1880 г. 67 человѣкъ); а стипендій для нихъ было только *пятьдесятъ*: сорокъ пять казенныхъ и пять учрежденныхъ частными лицами. По тремъ устнымъ отвѣтамъ и по тремъ сочиненіямъ оказалось, что только четверо получили отмѣтки неудовлетворительныя, то-есть менѣе тройки; приходилось принять 120 человѣкъ. Рѣшили, что это очень много и что слѣдуетъ къ тройкѣ, нужной для поступленія въ академію, прибавить еще хотя четверть единицы. Число выдержавшихъ убавилось незначительно, всего на шесть человѣкъ; пришлось въ составъ ХLI-го курса принять 114 человѣкъ; изъ нихъ 50 зачислены на стипендіи казенныя и частныя, а 64 человѣка приняты *своекоштными*. Не мало понадобилось для нихъ квартиръ; въ Посадѣ даже и цѣна на квартиры нѣсколько поднялась. По множеству своекоштныхъ ХLI-й курсъ былъ единственнымъ въ исторіи Московской академіи... Тѣмъ любопытнѣе произвести надъ этимъ курсомъ нѣкоторыя историческія наблюденія.

Начинаю, попрежнему, съ наблюденій надъ убылью въ курсѣ, начинаю отсюда потому, что, какъ многимъ извѣстно, преждевременное *выбытіе* изъ учебнаго заведенія нерѣдко скрываетъ подъ собою важныя указанія на неоглашаемыя происшествія среди учащихся въ той или другой школѣ.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1882 — 1886) ХLI-й курсъ убавился на шесть человѣкъ и вышелъ изъ академіи уже въ составѣ *ста восьми* человѣкъ, вмѣсто ста четырнадцати. Убыль произошла такъ: трое прибыли въ составъ курса, а девять человѣкъ выбыли по слѣдующимъ причинамъ:

одинъ, Розановъ, Николай (Ивановичъ), сынъ протодіакона кафедральнаго собора г. Астрахани. *умеръ*;

одинъ, Романскій Николай, изъ Смоленской семинаріи, чрезъ полтора мѣсяца по принятіи (16-го октября 1882 г.) въ академію, перешель въ другую академію, Петербургскую;

двое, Сѣковановъ, Николай, костромичъ, и Можаровъ, Петръ, рязанецъ, оба своекоштные, оставлены были на повторительный курсъ, по болѣзни;

пятеро уволены изъ академіи по причинамъ разнообразнымъ.

I. Діаконъ *Грузовъ*, Петръ Сергѣевичъ, поступившій въ академію чрезъ восемнадцать лѣтъ послѣ окончанія курса въ Виѣвской семинаріи и занявшій въ общемъ списокѣ поступившихъ сто одиннадцатое мѣсто, пришелъ на нѣкоторое время къ мысли, что онъ немного устарѣлъ для исполненія студенческихъ обязанностей и чрезъ годъ вышелъ изъ академіи совершенно добровольно.

II. *Металловъ*, Василій (Михайловичъ), саратовецъ, пожелалъ занять у себя на родинѣ священническое мѣсто, которое ему было предложено, и чрезъ два года (16-го августа 1884 г.) вышелъ изъ академіи, но съ сохраненіемъ права снова поступить на третій курсъ, когда позволятъ ему обстоятельства.

III. *Журавскій*, Александръ (Петровичъ), изъ Витебской губерніи, проводилъ второй годъ не столько въ академіи, сколько у себя на родинѣ, сочиненій на второмъ году не представлялъ и былъ уволенъ 12-го сентября 1884 года, потому что не имѣлъ права, за неподачей сочиненій, перейти на третій курсъ, а желанія остаться на повторительный курсъ не заявлялъ.

IV. Н., О. В. у себя на родинѣ, въ одной изъ губерній, смежныхъ съ Московскою, запутался въ исторію, обнаруживавшую преждевременное расположеніе его къ семейной жизни. Исторія доведена была родителями до свѣдѣнія инспектора, и по требованію инспектора В—ій подаль просьбу объ увольненіи, которая и была уважена Совѣтомъ въ сентябрѣ 1884 года.

Эти четверо были *своекоштными* студентами. Пятый, уволившійся по собственному прошенію, былъ студентъ *казеннокоштный*, *Ө.*, *И. С.*, принятый высоко, около № 20-го. Любопытны обстоятельства этого увольненія. Въ сентябрѣ 1883 года С. при-

несъ о. ректору прошеніе объ увольненіи изъ академіи. О. ректоръ принялъ прошеніе, прочиталъ и отпустилъ С—ва, не сказавъ ему ни слова. Въ самый день подачи прошенія о. ректоръ сказалъ мнѣ: „С. подаль прошеніе объ увольненіи, я принялъ молча“, — и болѣе ни слова, хотя о С-вѣ у меня съ ректоромъ до того времени никакихъ рѣчей, которыя могли бы служить къ разъясненію лаконическаго ректорскаго разсказа, совсѣмъ не было. Я, въ свою очередь, субъ-инспектору сказалъ о дѣлѣ только слѣдующее: „сегодня Ѳ. С — въ подаль прошеніе объ увольненіи“. Субъ-инспекторъ взглянулъ на меня вопросительно, а я заговорилъ о другомъ предметѣ. Этотъ „туманъ“ нисколько не разсѣется для читателя, если я прибавлю, что кто-то изъ студентовъ выразился: „а надо предполагать, что С — въ поступилъ *благоразумно*“. Мнѣ ничего не стоило бы разсѣять напущенный на дѣло „туманъ“, но надобности въ этомъ никакой не усматриваю. Достаточно знать, что съ *казеннокоштнымъ* студентомъ произошло что-то довольно странное и, повидимому, не къ похвалѣ его служащес. Этого и довольно.

Изъ сказаннаго о пяти случаяхъ увольненія студентовъ ХІІ-го курса видно, что ничего вреднаго для репутаціи (исключая, пожалуй, случай подъ № IV) *своекоштныхъ* студентовъ извлечь изъ нихъ нельзя.

Перехожу къ инспекторской аттестаціи студентовъ ХІІ-го курса по поведенію.

1. К., А. А., *казеннокоштный* студентъ академіи, на третьемъ году получилъ *четверку* по поведенію.

2. В., П. А., присланный *по назначенію* правленія семинаріи, но не могшій выдержать экзаменъ приемный такъ, чтобы поступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ (правленія семинарій присылаютъ и такихъ), двукратно, и на второмъ. и на третьемъ годахъ получилъ *четверку* по поведенію.

3. Н., А. Б., *своекоштный*, двукратно, и на третьемъ и на четвертомъ году получилъ *четверку* по поведенію.

4. А., С. К., *своекоштный*, получилъ на четвертомъ году *четверку* по поведенію.

5. И., И. К., *казеннокоштный*, получилъ на второмъ году *тройку* по поведенію, на четвертомъ — *четверку*.

6. А., А. О., *своекоштный*, получилъ, на второмъ году *тройку* по поведенію, на четвертомъ—*четверку*.

6. А., А. О., *своекоштный*, получилъ на третьемъ году *четверку* по поведенію.

7. С., Т. С., *своекоштный*, получилъ на четвертомъ году *четверку* по поведенію.

8. Н., Н. С., *казеннокоштный*, получилъ на третьемъ году *четверку* по поведенію.

9. И., К. А., присланный *по назначенію* правленія семинаріи, *казеннокоштный*, двукратно и на *первомъ*, и на *третьемъ* году получилъ *четверку* по поведенію.

10. П., Д. В., присланный *по назначенію* семинарскаго правленія, *казеннокоштный*, получилъ на третьемъ году *четверку* по поведенію.

11. А., А. К., *казеннокоштный*, получилъ на четвертомъ году *четверку* по поведенію.

12. А., М. П., *казеннокоштный*, получилъ на первомъ году *четверку* по поведенію.

13. Д., А. В., *казеннокоштный*, получилъ по поведенію: на *первомъ* году *четверку*, на *второмъ*—*четверку*, на *третьемъ*—*тройку*, на *четвертомъ*—*четверку*.

14. Н., О. В. тотъ самый, о которомъ была рѣчь выше, подъ № IV, получилъ на первомъ году *четверку* по поведенію.

15. А., А. З., присланный *по назначенію* семинарскаго правленія, по пріемному экзамену занявшій семьдесятъ второе мѣсто, и окончившій курсъ подъ девяносто первымъ №, и потому всѣ четыре года оставшійся *своекоштнымъ* *) получилъ по поведенію: на *второмъ* году *четверку*, на *третьемъ* году *тройку*, на *четвертомъ*—*четверку*.

16. Э., С. К., *казеннокоштный*, на первомъ году получилъ *четверку* по поведенію.

*) Это одинъ изъ *редкихъ* случаевъ, возбуждавшихъ въ академическомъ начальствѣ недоверіе къ той оцѣнкѣ учениковъ, какую производятъ семинарскія правленія. Товарищъ 3-го по семинаріи, И., Г. Л., поступившій съ нимъ вмѣстѣ въ академию, учился и велъ себя въ академіи все время очень хорошо, и окончилъ курсъ магистрантомъ. Не могло же правленіе семинаріи усмотрѣть въ теченіе шести лѣтъ, что Л-въ гораздо лучше 3-го.

17. И., П. С., *своекоштный*, на четвертомъ году получили *четверку* по поведенію.

Подведемъ итоги.

Изъ *шестидесяти четырехъ* своекоштныхъ студентовъ получили неодобрительную отмѣтку по поведенію *восемь* человѣкъ. Изъ *пятидесяти* человѣкъ, принятыхъ, при поступленіи въ академію, на казенныя и частныя стипендіи, получили неодобрительныя отмѣтки по поведенію *девять* человѣкъ. У послѣднихъ приходится одна плохая отмѣтка на $5\frac{5}{9}$ человѣка; у первыхъ — одна такая отмѣтка приходится на *каждыхъ* *восемь* человѣкъ. Очевидно, что поведеніе казеннокоштныхъ было менѣе удовлетворительно, чѣмъ поведеніе своекоштныхъ. А если мы пожелаемъ быть совсѣмъ справедливыми, то произведемъ раздѣлъ плохихъ отмѣтокъ между своекоштными и казеннокоштными студентами на такихъ основаніяхъ, при которыхъ поведеніе своекоштныхъ студентовъ окажется, за ХLI-й курсъ, *несравненно* лучшимъ сравнительно съ поведеніемъ студентовъ казеннокоштныхъ.

Во-первыхъ, потщимся въ точности исполнить предписаніе Духовно-учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ комитета относительно отмѣтокъ, дѣлаемыхъ на экзаменахъ новопоступающимъ въ академію студентамъ.

Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 20-го апрѣля 1881 года за № 1331-мъ Духовно-учебный комитетъ преподаль совѣтамъ академическимъ такое правило: «при исчисленіи балловъ воспитанниковъ, подвергавшихся повѣрочному испытанію, *брать въ счетъ* для составленія изъ нихъ общаго или средняго вывода, *кромя собственно экзаменаціонныхъ балловъ, баллъ воспитанниковъ по вѣсьмъ предметамъ* семинарскаго курса». Имѣю въ настоящій разъ неопредѣлимое желаніе заявить съ чувствомъ прискорбія и искренняго раскаянія, что совѣтъ академіи въ 1882 году не соблюлъ преподаннаго ему и обязательнаго для него правила и при счетѣ экзаменаціонныхъ балловъ В. П. А-ва (см. № 2-й) и А. А. З-го (см. № 15-й), присланныхъ на *казенный счетъ*, по распоряженію семинарскихъ правленій, не взялъ въ счетъ балловъ этихъ воспитанниковъ по *вѣсьмъ* предметамъ семинарскаго курса, а между тѣмъ, въ ихъ семинарскихъ атте-

статахъ отмѣтки по всѣмъ предметамъ были отличныя, дававшія имъ право попасть въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Раскаяніе въ этомъ проступкѣ, хотя и позднее, и производимое сію минуту не всѣми членами совѣта, а мною единолично, во всякомъ случаѣ лучше коснѣнія моего въ давнемъ грѣхѣ. Очищаю себя лично отъ прежде содѣяннаго грѣха и съ искреннимъ утѣшеніемъ переносу и А-ва и З-го изъ числа *своекоштныхъ въ число казеннокоштныхъ* *). Это—разъ.

Во-вторыхъ, справедливость требуетъ отдѣлить факты отъ лицъ, то-есть четверки справедливо будетъ считать не по числу лицъ, а по числу самыхъ четверокъ. Если въ двухъ мѣшкахъ лежитъ картофель и въ немъ попадается гнилой, то большой расчетъ составляетъ точное опредѣленіе количества гнилыхъ картофелинъ въ томъ и другомъ мѣшкѣ, пятокъ гнилыхъ картофелинъ понизитъ достоинство мѣшка гораздо менѣе, чѣмъ полусотня таковыхъ. Попробуемъ же каждую гнилую картофелину изъ того и другого мѣшка откидывать въ особыя кучки и подсчитать ихъ отдѣльно.

Намъ уже извѣстно, что всѣхъ *казеннокоштныхъ* въ составъ ХLI-го курса было принято *пятьдесятъ* (45+5): двоихъ мы къ нимъ прибавили, изъявши ихъ изъ числа *своекоштныхъ*; стало *пятьдесятъ два*, а *своекоштныхъ* осталось *шестьдесятъ два*. За казеннокоштными значится теперь *девятнадцать* плохихъ отмѣтокъ по поведенію (четверокъ купно съ тройками). Составляемъ пропорцію: 52: 19=62: X. Четвертый членъ пропорціи будетъ такой: $22\frac{17}{26}$, то-есть, *своекоштные* могли бы имѣть *двадцать два* плохихъ отмѣтки по поведенію, чтобы имъ нисколько не отставать отъ казеннокоштныхъ по степени неодобрительности своего поведенія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности они обладаютъ только *шестью* четверками, то-есть

*) Не могу встать не замѣтить, что давно бы пора освободить постановленія Духовно-учебнаго комитета отъ обязанности облекаться въ форму Указовъ Святѣйшаго Синода. Противъ Указовъ возражать нельзя, а спорить противъ постановленій комитета иногда бываетъ совершенно необходимо. Я имѣлъ нужду писать объ этомъ еще одивнадцать лѣтъ тому назадъ, при чемъ доказывалъ, что для охраненія авторитета Святѣйшаго Синода прекращеніе нынѣ дѣйствующаго порядка было бы полезно.

имѣють четверокъ безъ малаго вчетверо менѣе причитающихся на ихъ долю законнаго количества, потребнаго для равенства въ этомъ отношеніи съ казеннокоштными. Иначе сказать, своекоштные студенты, въ общей ихъ сложности, вели себя почти *вчетверо* скромнѣе, чѣмъ казеннокоштные. Это *очень хорошо*, но сейчасъ выйdetъ еще лучше.

Твердо помню, что я совершенно сознательно *простилъ*, т. е. не поставилъ казеннокоштнымъ студентамъ ХІІ-го курса *семь* четверокъ, вполнѣ ими заслуженныхъ въ теченіе послѣдняго года ихъ жизни въ академіи (нѣкоторые изъ нихъ опасались, что получатъ даже *тройки*), простилъ потому, что проступки ихъ состояли въ дѣйствіяхъ, направленныхъ исключительно къ сверженію «грознаго» инспектора. Я не захотѣлъ наказывать ихъ за дѣло, касавшееся меня лично, тѣмъ болѣе, что истинными виновниками дѣла были не они, а люди, стоявшіе гораздо выше ихъ, которымъ ставить четверку по поведенію при ихъ жизни доселѣ никто еще не отваживался. Не захотѣлъ и я заводить новыхъ порядковъ, а потому, въ видахъ соблюденія справедливости (чтобы всѣ сестры остались безъ серегъ), не поставилъ я и тѣхъ семи четверокъ, объ отсутствіи которыхъ теперь могу и пожалѣть. Онѣ мнѣ очень пригодились бы, потому что при ихъ оказательствѣ въ области бытія дѣйствительнаго вышло бы, что одна плохая отмѣтка по поведенію причитается на каждаго двоихъ *казеннокоштныхъ* студентовъ ХІІ-го курса ($19+7=26$; а $\frac{52}{26}=2$), между тѣмъ какъ у *своекоштныхъ* одна плохая отмѣтка по поведенію причитается *на десять* слишкомъ человекъ ($\frac{62}{6}=10\frac{1}{3}$). Но думаю, что не стоитъ серьезно жалѣть объ упущенныхъ четверкахъ; и безъ нихъ поведеніе своекоштныхъ студентовъ ХІІ-го курса оказывается почти вчетверо лучшимъ поведеніемъ студентовъ казеннокоштныхъ (на языкѣ ариѳметики: $\frac{62}{6}=10\frac{1}{3}$, а $\frac{52}{19}=2\frac{14}{19}$, а $10\frac{1}{3} : 2\frac{14}{19}$, какъ $3\frac{121}{156}$ относятся къ единицѣ). Мнѣ остается только принести сердечную благодарность своекоштнымъ студентамъ ХІІ-го курса за доставленіе мнѣ блистательнаго по своей ясности доказательства въ пользу положенія, что *своекоштные студенты Московской духовной академіи были въ то время весьма старательны въ исполненіи своей обязанности вести себя хо-*

рошо, и что они вполне правильно понимали истинные свои интересы.

При хорошем поведеніи съ успѣхомъ ли учились своекоштные студенты XII-го курса?

Что своекоштные студенты необходимо должны оказывать, въ общей сложности, гораздо меньшіе успѣхи, чѣмъ студенты казеннокоштные, это неизбѣжно должно вытекать изъ того обстоятельства, что у всѣхъ воспитанниковъ семинарій и гимназій, держащихъ вступительный въ академію экзаменъ, производится подлежащими лицами тщательное изслѣдованіе ихъ умственного развитія и запаса ихъ познаній. Не столько запасъ познаній, сколько уровень умственного развитія доселѣ служилъ въ нашей академіи основаніемъ для внесенія на то или другое мѣсто пріемнаго списка тѣхъ лицъ, которыя подвергались испытанію. Три сочиненія, такъ называемые экспромпты, изготовляемые въ теченіе пяти часовъ каждый, при наблюденіи зоркомъ, на темы, въ первый разъ *) зримыя и слышимыя, сочиненія, читаемыя тремя различными лицами, заинтересованными отысканіемъ наилучшихъ кандидатовъ на занятіе въ курсѣ казенныхъ и частныхъ стипендій, притомъ изъ значительнаго (за послѣднія лѣтъ тринадцать) количества конкурентовъ, представляютъ надежныя, устойчивыя, а не случайныя данныя для оцѣнки умственныхъ силъ, принадлежащихъ новопоступающему курсу.

Оцѣнщики сочиненій издавна привыкли смотрѣть на свое дѣло, какъ на весьма важное, привыкли поставлять и долгъ и честь свою въ томъ, чтобы даваемая ими оцѣнка силъ того или другого студента оказалась точною и на все будущее время. Ославиться отличною отмѣткою, данною плохому студенту, или худою отмѣткою, данною очень хорошему студенту, у оцѣнщика нѣтъ, само собою понятно, ни малѣйшей охоты: засмѣютъ свои

*) Иначе сказать, ничего похожаго на такъ-называемыя „сочиненія“ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, представляющія собою болѣе или менѣе точное воспроизведеніе заученнаго,—не бываетъ у насъ при пріемѣ въ академію. У насъ требуется показать, какъ человѣкъ „мыслить“ и „какъ умѣетъ излагать свои мысли“.

же сослуживцы, или даже признають неспособнымъ произвести правильную оцѣнку умственной силы. При такомъ положеніи дѣль, соблюдавшемся изъ рода въ родъ, охраняемомъ довольно ревнливо, даже до готовности въ потребномъ случаѣ принять на себя лишній и не легкой трудъ перечитыванія того, что уже прочитано другими, не мудрено, что оцѣнка умственныхъ силъ, какія имѣлъ студентъ во время вступленія въ академію, производится почти въ точности соотвѣтственно интеллектуальному вѣсу каждаго желающаго войти въ академическія двери. А такъ какъ лучшій изъ новопоступающихъ въ значительномъ количествѣ (прежде отъ 45 до 50, теперь отъ 30 до 35) отбираются изъ общаго состава державшихъ вступительный въ академію экзамень и входятъ въ академію *казеннокоштными*, то очевидно, что каждый *своекоштный* студентъ представляетъ собою лицо не выдающееся по своимъ умственнымъ силамъ, или, по крайней мѣрѣ, уступающее въ этомъ отношеніи многимъ изъ своихъ товарищей.

Имѣя все это въ виду, не слѣдуетъ, однакоже, забывать и того, что годы, въ какіе обыкновенно студенты держатъ вступительный въ академію экзамень (отъ 19-ти до 22-хъ лѣтъ), совсѣмъ не суть годы, въ которые уже останавливается развитіе умственныхъ силъ. Развитіе ихъ можетъ продолжаться многіе годы и послѣ указаннаго выше возраста; даже въ одинъ годъ, при благоприятныхъ условіяхъ, можетъ очень высоко подняться умственный уровень того или другого студента. Въмѣсто семинарской (студенты академіи почти исключительно выходятъ изъ однѣхъ только семинарій, а не изъ гимназій) связанности уроками съ неизбежнымъ страхомъ двоекъ и троекъ, по вступленіи въ академію открывается для молодой силы возможность заниматься такими предметами и вопросами, которые ее интересуютъ, является возможность на время (до годичнаго экзамена) забыть все, что не интересуетъ, не возбуждаетъ любознательность или пытливую мысль. Этою возможностью многіе изъ своекоштныхъ студентовъ пользуются на благо себѣ, на развитіе своего умственного кругозора. Черезъ годъ у иныхъ своекоштныхъ кругозоръ будетъ совсѣмъ уже не тотъ, какой былъ назадъ тому одинъ годъ. Особенно сильное вліяніе въ процессѣ

умственного развитія новопоступающихъ студентовъ по праву нужно приписать наукамъ философскаго содержанія или характера и книгамъ, которыми такъ богато академическое книгохранилище, и о которыхъ семинаристы и не слыхивали. Прибавьте къ этому обычное значеніе усидчиваго труда, при помощи котораго столько людей, даже съ небольшими дарованіями, прошло и будетъ проходить въ рядъ не только замѣтныхъ, но и очень извѣстныхъ и досточтимыхъ дѣятелей науки, даже авторитетовъ въ ней.

Все это сказано мною отчасти съ цѣлю объяснить, отчего своекоштнымъ студентамъ нерѣдко удается уйти далеко впередъ противъ товарищей *казеннокоштныхъ*, хотя бы послѣдніе совершенно правильно признаны были, во время пріемныхъ испытаній, стоящими по умственному развитію выше принятыхъ своекоштными; отчасти же сказано съ цѣлю объяснить кому слѣдуетъ, что неправильно считать своекоштныхъ студентовъ осужденными навсегда коснѣть на невысокой степени умственного развитія.

Посмотримъ же успѣхи своекоштныхъ студентовъ ХLI курса, а кстати и награды, полученныя ими за успѣхи.

1. *Дмитревскій*, Владиміръ, ярославецъ, сирота, принятый подъ № 61-мъ, занялъ на первомъ году *осьмнадцатое* мѣсто (изъ 51-го на историческомъ отдѣленіи), на второмъ—двадцать первое, на третьемъ—двадцать четвертое, на послѣднемъ—двадцать седьмое (въ общемъ списокѣ изъ 108 человекъ), опередивъ 24 человекъ *казеннокоштныхъ*; первый годъ онъ получалъ ежемѣсячное пособіе въ количествѣ пяти рублей, получилъ одежды на 20 рублей; на второй годъ получалъ по восьми рублей въ мѣсяцъ; при наступленіи третьяго года получилъ мѣсто въ *баинтѣ*, то-есть лаврскую стипендію, вполне его обезпечившую.

Низовцевъ, Павелъ, сынъ сельскаго діакона, Вологодской губерніи, принятый подъ № 85-мъ, занялъ по истеченіи перваго года 12-е мѣсто (изъ 51-го) и получилъ тогда же лаврскую стипендію, а получивъ обезпеченіе, не облѣнился и кончилъ курсъ двадцать шестымъ (изъ 108), опередивъ 25 студентовъ *казеннокоштныхъ*, и притомъ окончилъ магистрантомъ. Весьма одобряю и благодарю своего тезку, Павла Ивановича.

Одоевъ, Александръ, рязанецъ, сирота, принятый подъ № 102-мъ, занялъ на первомъ году тринадцатое мѣсто (изъ 51-го), учился остальные годы хорошо и окончилъ курсъ двадцать третьимъ (изъ 108), опередивъ 28 казеннокоштныхъ, и притомъ окончилъ *магистрантомъ*. Ему никакого пособія не давали, потому что дядя его высокопреосвященный Макарій (новочеркасскій) платилъ за него полный взносъ въ академію. Не пропали попусту дядюшкины денежки!

Діаконъ *Рудневъ*, Николай Михайловичъ, изъ священнослужителей Тульской епархіи, принятый подъ № 71, занялъ на первомъ году семнадцатое мѣсто (изъ 51-го), но награды не получилъ, потому что еще велись у него тульскія денежки; на второмъ году занялъ *осьмнадцатое* мѣсто и получилъ полную стипендію (въ 220 руб.); на третьемъ году занялъ *шестнадцатое* мѣсто, значить, не облѣнился отъ сытости, окончилъ курсъ *сорокъ первымъ* (изъ 108), опередивъ девять казеннокоштныхъ студентовъ.

Глузаревъ, Алексѣй, изъ Смоленской губерніи, сынъ сельскаго діакона, принятый подъ № 106, занялъ по истеченіи перваго года третье мѣсто (изъ 23-хъ, практическаго отдѣленія) и получилъ стипендію въ 110 рублей; продолжая хорошо учиться, получилъ на второмъ году лаврескую стипендію и окончилъ курсъ *двѣнадцатымъ* (изъ 108) *магистрантомъ*, опередивъ 39 чловѣкъ казеннокоштныхъ. Хвала ему и честь!

Левковъ Иванъ, Владимірской губерніи, сынъ сельскаго священника, принятый подъ № 79, занялъ на первомъ году *седьмое* мѣсто (изъ 23-хъ) и получилъ стипендію въ 110 руб.; на второмъ году продолжалъ учиться хорошо и получилъ полную казенную стипендію; окончилъ курсъ *осьмнадцатымъ* (изъ 108) и притомъ магистрантомъ. Нельзя не благодарить и Ивана Григорича!

Орловъ, Николай, изъ Тамбовской губерніи, сынъ сельскаго священника, принятый подъ № 67, занялъ на первомъ году *четвертое* мѣсто (изъ 23) и получилъ мѣсто въ *башии*, значить, сталъ совсѣмъ обезпеченъ; на второмъ году еще усиленнѣе трудился и занялъ *первое* мѣсто. Окончилъ *осьмымъ* (изъ 108) магистрантомъ, при чемъ остались у него за фла-

гомъ *сорокъ три* казеннокоштныхъ студента! Не могу удержаться отъ восклицанія: «браво, браво. Николай Никитичъ!»! Легко сказать: оставилъ за флагомъ *сорокъ три* казеннокоштныхъ!

Удивительно, какъ «везеть» мнѣ! Для испроверженія той мысли, что *своекоштные* студенты невнимательны къ исполненію своихъ обязанностей, я пригласилъ въ сотрудники XL-й и XLI-й курсы нашей академіи, пригласилъ единственно потому, что курсы эти были у насъ самые многочисленные изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ курсовъ и, стало быть, наиболѣе пригодные для извлеченія разнообразныхъ историческихъ данныхъ, какими слѣдовало воспользоваться при разборѣ положенія, выдаваемого за историческій фактъ; и эти сотрудники блистательно помогли мнѣ свалить мнимый фактъ въ грудь такого историческаго мусора, который непременно долженъ быть выметенъ изъ храма исторіи. «Повезло» мнѣ и въ томъ отношеніи, что XL-й и XLI-й курсы, взятые для добытія историческихъ данныхъ единственно за свое многочисленство, оказались совершавшими свое академическое поприще именно въ тѣ самые 1881, 1882, 1883 и 1884 годы, когда послѣдовало зачатіе, рожденіе и провозглашеніе того положенія, что *своекоштные* студенты къ своимъ обязанностямъ невнимательны. Оказалось, что въ то именно время, когда въ область бытія реального спускалось суровое чадо кабинетныхъ измышленій, сама жизнь творила факты, о которые должно разбиться это чадо. Страхъ, какъ «везеть» мнѣ! Даже возьмите во вниманіе совѣзмъ пустую мелочь. Закончилъ я выписки изъ своей «мягкой» книжки свѣдѣніями объ Орловѣ, — свѣдѣніями, для дѣла имѣющими значеніе въ высшей степени важное: *своекоштный* студентъ, принятый подъ № 67-мъ, трудомъ добылъ себѣ въ своемъ практическомъ отдѣленіи *первое* мѣсто, кончилъ *магистрантомъ*, да еще *осьмымъ* по счету, однимъ словомъ, блистательно завершилъ рядъ моихъ выписокъ. Нужно было бы нарочно подать этотъ фактъ на закуску, то-есть поставить на послѣднемъ мѣстѣ, ради пущаго эффекта, — и вотъ то, что дозволительно было бы сдѣлать, совершилось само собой. Произошло это самымъ простымъ способомъ, безъ всякаго участія предварительнаго умы-

сла. Въ моей книжкѣ XI.-й курсъ записанъ въ обычномъ порядкѣ, какого и слѣдовало держаться: сначала идутъ имена студентовъ богословскаго отдѣленія, потомъ историческаго, потомъ практическаго. въ томъ самомъ порядкѣ, какъ отдѣленія перечисляются и въ уставѣ академическомъ. Но когда вносилъ я въ свою книжку студентовъ XLI-го курса, мнѣ пришло на мысль, что по множеству студентовъ мнѣ легче будетъ дѣлать въ своей книжкѣ справки и отмѣтки о нихъ, если я запишу студентовъ каждаго отдѣленія въ алфавитномъ порядкѣ; такъ я и сдѣлалъ. Не нарушая порядка, принятаго въ «мягкой» книжкѣ, я и сейчасъ выписывалъ изъ списка историческаго отдѣленія такъ: *Дмитревскій, Низовцевъ, Одоевъ, Рудневъ*, а изъ списка практическаго отдѣленія: *Глухаревъ, Левковъ, Орловъ*. И что же? Самый пріятный для меня примѣръ, *Орловъ*-то и припелся на закуску! Просто. ужасъ. какъ «везетъ»!

Кажется, довольно бы; можно быть сытымъ. Но нѣтъ, еще не конецъ моему «счастью». Нужно же было составителю «Объяснительной записки» начать свой походъ противъ своекоштныхъ студентовъ именно съ мысли о недостаточной внимательности своекоштныхъ студентовъ къ обязанностямъ своимъ! Правда, что составителю «Записки» хорошо было начать какимъ-нибудь общимъ положеніемъ,—такъ, обыкновенно, полагается начинать, но у составителя «Записки» было въ распоряженіи, какъ скоро увидимъ, и еще не мало общихъ положеній, съ которыхъ весьма прилично было начать рѣчь, на примѣръ, хоть съ того положенія о «закрытыхъ заведеніяхъ», съ которымъ мы скоро познакомимся. Нѣтъ же вотъ,—началъ онъ съ такого положенія, разбирая которое, я сразу получилъ громадную выгоду, именно получилъ возможность ввести читателя въ самую суть дѣла, ознакомить его съ самыми мелкими деталями. Теперь мой читатель, даже и безъ моей помощи, можетъ легко отразить нѣкоторыя изъ дальнѣйшихъ вылазокъ «Записки» противъ своекоштныхъ студентовъ. Начни составитель ея съ чего-нибудь другого, такого положенія дѣлъ уже не вышло бы. Могу сказать по этому случаю только одно: «это ни на что не похоже; просто воловье претъ»! Передъ добромъ ли? Поживемъ—увидимъ.

Раздѣлавшись такъ *счастливо* съ основнымъ, самымъ важнымъ положеніемъ «Объяснительной записки», съ легкимъ сердцемъ буду показывать читателю дальнѣйшее содержаніе «Записки». Ближайшее продолженіе рѣчей «Записки» уже извѣстно читателю изъ прежде сдѣланной мною выписки. Тогда, выписывая, я не счелъ себя въ правѣ остановиться на точкѣ съ запятой, предъ союзомъ *а*. Тогда я только счелъ нужнымъ «отдѣлить», какъ выразился я, первую строку отъ стороннихъ ей провожатыхъ. Теперь очередь дошла и до «провожатыхъ».

«А оставаясь иногда въ академіи внѣ класснаго времени», — такъ продолжаетъ «Записка» развитіе общей мысли о невнимательности своекоштныхъ студентовъ къ обязанностямъ своимъ, «безпокоять казеннокоштныхъ шумомъ и празднословіемъ или даже своими тамъ занятіями».

Здѣсь составитель «Записокъ» обнаруживаетъ нѣкоторый навыкъ въ употребленіи неясныхъ выраженій, пригодныхъ для рѣчей, которыми нужно что-нибудь укрыть отъ вниманія читателя. Этотъ навыкъ усмотрѣть можно въ словахъ: «внѣ класснаго времени». Внѣклассное время бываетъ разное: одно, назначенное для занятій, другое — для отдыха. На которое же «внѣклассное» время студенты «иногда» остаются въ академіи? Если на свободное отъ занятій время, — разумѣю время отъ обѣда до половины шестого часа вечера и время отъ ужина до вечерней молитвы, то неужели предосудительно въ это свободное время поболтать съ товарищами (празднословіе), или спѣть что-нибудь («шумъ»), и неужели въ какой-нибудь академіи были во время составленія «Записки» такіе изнѣженные и брюзгливые казеннокоштные студенты, которыхъ «безпокоили» (что за баричи съ Попехонья и Ветлуги!) «шумъ» или «празднословіе» своекоштныхъ, изрѣдка («иногда») заглядывавшихъ въ казеннокоштная помѣщенія? Если бы во время моего инспекторства завелись подобные брюзги, я счелъ бы своею обязанностью исправлять ихъ и внушать имъ, что съ такими барственно-старушечьими наклонностями на свѣтѣ жить весьма неудобно. Если же составитель «Записки» имѣлъ въ виду время, назначенное для занятій студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и своекоштныхъ, тѣхъ и другихъ, конечно, въ своихъ мѣстахъ,

то нужно было привлечь къ отвѣтственности инспекцію. Чего она смотрѣла, допуская шлянье студентовъ въ незаконное время, когда студенты, по правиламъ академическимъ, должны сидѣть на своихъ мѣстахъ и заниматься дѣломъ? Въ Московской академіи шлянье во время, назначенное для занятій, не допускалось и преслѣдовалось. Зачѣмъ же составитель «Записки» укрывается за неопредѣленными словами: «въ класснаго времени»? Разбирай, дескать, самъ читатель, то ли я хочу сказать, что своекоштный пойдетъ поболтать съ казеннокоштными товарищами въ свободное отъ занятій время и разговариваетъ не шопотомъ, или то, что своекоштный заходитъ къ казеннокоштнымъ въ такое время, въ которое положено заниматься дѣломъ, а не слоняться по чужимъ комнатамъ? Неужели дѣло обстоитъ такъ плохо, что даже и тутъ безъ дымки или безъ покрывала обойтись неудобно? Не нравится мнѣ и «празднословіе». Если бы разумѣть «сквернословіе», это было бы понятно, а ставить въ какой-то грѣхъ, влекущій за собою уничтоженіе своекоштныхъ студентовъ, простую болтливость въ возрастѣ отъ 19 до 25 лѣтъ, — это для меня очень странно. Неужели казеннокоштные студенты какой-нибудь академіи ведутъ разговоры только душевспасительные? Неужели и старцы сѣдовласые не ведутъ, да еще и не рѣдко, а не то что «иногда», разговоръ совсѣмъ непригодныхъ для напечатанія въ «Душеполезномъ Читеніи»?

Своекоштные беспокоятъ казеннокоштныхъ въ ихъ помѣщеніяхъ «даже своими тамъ занятіями». Повторяю: во время «занятныхъ часовъ» своекоштные должны быть на своихъ мѣстахъ, дома; за этимъ инспекція *обязана* слѣдить во всѣхъ академіяхъ. А если не слѣдить, то она должна подлежать взысканію. Если же составитель «Записки» хотѣлъ сказать, что своекоштные приходятъ къ казеннокоштнымъ студентамъ во время, свободное отъ занятій и читаютъ книги или дѣлаютъ какія-нибудь выписки и тѣмъ беспокоятъ казеннокоштныхъ, то казеннокоштный, жалующійся на подобныя безпокойства, долженъ быть вразумленъ инспекціею, а инспекція должна будетъ принять къ свѣдѣнію, что изъ подобныхъ господъ выйдутъ со временемъ нетерпимые люди, даже совсѣмъ скоты. Такой духъ

нужно искоренять, какъ зловредный, совершенно несогласный съ евангельскимъ закономъ братской любви, братскаго общенія.

Записка продолжаетъ: «если академіи должны оставаться закрытыми заведеніями,—а сего нужно желать по многимъ причинамъ,—то несогласно съ этимъ ихъ отличительнымъ характеромъ, чтобы студенты жили по квартирамъ».

Отдадимъ честь заботамъ составителя «Записки» о сохраненіи за академіями «характера закрытыхъ заведеній»; не будемъ спорить и относительно выгодъ, которыя связаны съ закрытостью того или другого учебнаго заведенія, но любопытно то, что заботы объ этомъ предметѣ не простираются туда, куда протирать ихъ было бы *очень* нужно, а простираются туда, куда протирать ихъ не только не *очень* нужно, но даже *почти* и не нужно. Сначала поясню свою мысль сравненіемъ. Противъ заботъ объ «улучшеніи быта духовенства» спорить я и не могу и не желаю. Но если бы эти заботы простираемы были только на протоіереевъ столичныхъ церквей, а не на бѣдное сельское духовенство, то проекту, прилагающему сказанныя заботы только къ столичнымъ протоіереямъ, я не въ силахъ буду оказать свое сочувствіе. То же самое и въ настоящемъ дѣлѣ. Извѣстно, что въ академіи поступаютъ молодые люди въ возрастѣ, обыкновенно, отъ двадцати до двадцати двухъ лѣтъ, что почти всѣ они поступаютъ изъ семинарій и по окончаніи курса въ нихъ имѣютъ право и вступить въ семейную жизнь и поступить въ священники, или въ діаконы; извѣстно также, что въ семинаріи поступаютъ мальчики отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ; извѣстно и то, что въ духовныя училища поступаютъ мальчики отъ восьми до десяти лѣтъ. О доставленіи *маленькимъ мальчикамъ* выгодъ пребыванія въ закрытомъ заведеніи мы не хотимъ прилагать должнаго попеченія, а по большей части *предоставляемъ* таковое мѣстному духовному и мѣстному епархіальному начальству, о доставленіи же возрастнымъ людямъ,—полноправнымъ кандидатамъ на жизнь семейную, на служеніе высокое и ответственное, — о доставленіи имъ всѣхъ выгодъ пребыванія въ закрытомъ заведеніи мы прилагаемъ попеченіе *исключительное* и *очень усердное*. (Припомните поспѣшность обнародованія не утвержденныхъ еще законовъ о своскоштныхъ студентахъ).

Какъ хотите, но при такихъ обстоятельствахъ никто не будетъ въ состоянiи убѣдиться въ *искренности, силѣ и цѣлесообразности* нашей благопопечительности объ охраненiи духовныхъ юношей отъ неудобствъ, связанныхъ съ жизнью на частныхъ квартирахъ. Кромѣ того, и благопопечительность о дѣтяхъ духовенства требовала бы не доставленiя московско-ярославской желѣзной дорогѣ случая отправлять изъ Сергiева посада по два вагона (и безъ этого по тридцати слишкомъ рублей дивиденда получаютъ акціонеры), молодыхъ людей, державшихъ повѣрочное испытанiе на поступленiе въ академiю, но или устроенiя при академiи общежитiй, или, по крайней мѣрѣ, доставленiя заинтересованнымъ людямъ возможности устроить таковыя *на свой счетъ*. Утверждать, что «общежитiя» несогласны съ «отличительнымъ характеромъ» духовно-учебнаго заведенiя, едва ли кто рѣшится. Дать года два, три сроку на изготовленiе такихъ общежитiй было бы полезно и для духовенства, и для дѣтей его, и ни для кого не обидно.

Что касается собственно Московской академiи, то здѣсь дѣло могло бы устроиться очень просто. Жили же въ одной изъ лаврскихъ гостиницъ, въ новой, въ *десяти* номерахъ, своекоштные студенты XI-го и XII-го курсовъ. Можно было снять и сорокъ №№. Лавра убытковъ не понесла бы. Правда, что пришлось бы сбавить арендную плату съ буфета, потому что свокоштнымъ студентамъ онъ не по карману; но эта скидка покрыта была бы платою за номера; «простойныхъ» дней не было бы, кромѣ лѣтнихъ, вакаціонныхъ мѣсяцевъ, когда свободные отъ студентовъ номера гостиницы охотно будутъ расхватываться богомольцами, Отъ академiи обѣ лаврскiя гостиницы, и старая и новая, отстоятъ шаговъ на сто; надзоръ тамъ двойной, то-есть, кромѣ инспекторскаго, и монастырскiй. Бывало, случится, что студентъ возьметъ въ руки гитару, а инспектору это уже почти тотчасъ дѣлается извѣстно отъ монаха, завѣдывавшаго гостиницею. Строгости такiя были, что и въ закрытомъ заведенiи не отыщешь. А какой корпусъ воздвигнуть теперь въ лаврскомъ Пафнутаевомъ саду! Человѣкъ на двѣсти хватило бы. Конечно, лавра строила его не для студентовъ своекоштныхъ; но мѣста въ Пафнутаевомъ саду достало бы и на пять такихъ корпусовъ, была бы

только *охота* строить и соблюдать въ цѣлости «отличительный характеръ духовно-учебныхъ заведеній», во многихъ семинаріяхъ, впрочемъ, еще не соблюдаемый. Садъ Паөнугіевъ огороженъ каменной стѣной; можно и сторожей въ саду или около стѣны поставить, какъ они стоятъ у входа въ садъ академическій.

Записка продолжаетъ: «лучше довести меньшее количество воспитанниковъ до окончанія курса твердыми въ добромъ направленіи, нежели съ допущеніемъ своекоштныхъ умножить число сомнительныхъ и неблагонадежныхъ».

Теперь читатель уже самъ, безъ моего содѣйствія, едва ли въ состояніи будетъ почувствовать страхъ передъ «умноженіемъ числа сомнительныхъ и неблагонадежныхъ», какъ-будто неизбежно долженствующемъ послѣдовать за *допущеніемъ* бытія *своекоштныхъ* студентовъ. Будучи свободенъ отъ страха, читатель тѣмъ съ большимъ спокойствіемъ можетъ заняться разсмотрѣніемъ необыкновенной тонкости, съ какою построены сейчасъ выписанныя фразы. Составитель ихъ не желаетъ сказать, что тѣмъ меньше будетъ студентовъ въ академіи, тѣмъ они будутъ «лучше» въ нравственномъ отношеніи; не желаетъ сказать и того, что студенты, оставшіеся въ маломъ, или въ значительно уменьшенномъ количествѣ, всѣ до одного будутъ хороши. Онъ только боится *умноженія* «сомнительныхъ и неблагонадежныхъ» и въ маломъ числѣ избранныхъ казеннокоштныхъ студентовъ. Безспорно, съ *умноженіемъ* числа студентовъ *можетъ умножиться* и число студентовъ не совсѣмъ хорошихъ. Но вотъ здѣсь-то именно и нужно было пустить въ употребленіе единицы мѣры и вѣса. Нужно было рѣшить вопросъ: «каково будетъ процентное отношеніе хорошихъ къ нехорошимъ»? Если бы напримѣръ, на каждую *минию* сотню студентовъ, при умноженіи количества своекоштныхъ студентовъ, оказалось хорошихъ девяносто, а не совсѣмъ хорошихъ, или, по комитетской терминологіи, «сомнительныхъ и неблагонадежныхъ» оказался только десятокъ на сотню, то тревожиться мыслью объ *умноженіи* числа нехорошихъ студентовъ не было бы достаточныхъ оснований: умноженіе числа *нехорошихъ* съ громаднымъ избыткомъ покрывалось бы умноженіемъ числа *хорошихъ* студентовъ. Если я торгую такъ, что наживаю по десяти процентовъ въ годъ, но одинъ

процентъ теряю ежегодно отъ торговой неблагонадежности тѣхъ лицъ, которымъ отпускалъ я свой товаръ въ кредитъ: то, при годовомъ оборотѣ во сто тысячъ рублей, я наживу чистаго барыша *девять* тысячъ рублей, а одну тысячу рублей потеряю безвозвратно. Если же мои торговые обороты возрастуть до милліона ($1,000000 = 100000 \times 10$), и я буду терять за неисправными должниками въ десять разъ болѣе, чѣмъ прежде, то-есть буду терять въ годъ не одну тысячу рублей, какъ прежде, а десять тысячъ рублей, то сокрушаться объ *умноженіи* своихъ убытковъ мнѣ не слѣдуетъ, потому что, потерпѣвъ убытокъ въ десять разъ больше, чѣмъ наживалъ прежде, то-есть вмѣсто *девяти* тысячъ ежегоднаго барыша получу *девяносто* тысячъ. Съ какой же стати я буду плакаться на свою несчастную судьбу, на *умноженіе* своихъ убытковъ?

Посмотримъ на *умноженіе сомнительныхъ и неблагонадежныхъ* и съ другой точки зрѣнія. На примѣрахъ XL-го и XLI-го курсовъ студентовъ Московской духовной академіи мы видѣли, что студенты своекоштные, при извѣстныхъ условіяхъ, заключаютъ въ себѣ гораздо меньше элементовъ «сомнительности и неблагонадежности», чѣмъ сколько заключаютъ ихъ въ себѣ студенты казеннокоштные. Эти нежелательные элементы оказываются состоящими въ *обратно пропорціональномъ* отношеніи къ преобладанію казеннокоштныхъ надъ своекоштными въ составѣ курсовъ. Говоря проще, изъ изслѣдованія о нравственномъ уровнѣ казеннокоштныхъ и своекоштныхъ студентовъ двухъ курсовъ открылось, что чѣмъ болѣе на курсѣ состоитъ своекоштныхъ студентовъ, тѣмъ меньшая доля «сомнительности и неблагонадежности» приходится на каждаго студента въ отдѣльности. У своекоштныхъ XLI-го курса приходился одинъ «сомнительный и неблагонадежный» на каждыхъ десять чело-вѣкъ, и слѣдовательно, при раскладкѣ поровну на каждую своекоштную голову приходился 0,1 «неблагонадежности и сомнительности», а на каждую казеннокоштную голову приходилось 0,5 этого нежелательнаго элемента. Отсюда ясно, что отъ *умноженія* своекоштныхъ студентовъ должно проистекать оскудѣніе въ той долѣ неблагонадежности, какая должна причитаться каждому недѣлимому, входящему въ составъ курса.

Цифирная точка зрѣнія, очевидно, не послужить союзницею для «Объяснительной записки». Но, кромѣ цифирной, есть еще иная точка зрѣнія, съ которой открываются совсѣмъ новые виды на нравственное состояніе студенческой молодежи. Нравственный уровень учебнаго заведенія, духъ студентовъ, не цифрою ихъ опредѣляется, а множествомъ другихъ условий, съ понятіемъ количества не имѣющихъ никакой органической связи. Соучастникамъ составленія «Объяснительной записки», людямъ разныхъ по времени курсовъ академическихъ, — весьма полезно было бы припомнить время своего ученія, когда цифра товарищей ихъ по академіи была очень незначительна, когда всѣхъ студентовъ было отъ 84 до 105 *) человекъ одновременно, не болѣе. Одни ли свѣтлыя воспоминанія о направленіи и поведеніи своихъ товарищей хранить ихъ память, или въ ней сохранился не малый запасъ и воспоминаній совершенно иного рода, — объ этомъ я ихъ не спрашивалъ; но за то самъ я, какъ старожилъ посадскій (съ 1838 года) всегда имѣвшій, притомъ же, въ числѣ и профессоровъ и студентовъ академіи близкихъ родственниковъ, шесть лѣтъ учившійся въ Виѣанской семинаріи, находящейся въ трехъ верстахъ отъ академіи, бывавшій въ академіи и у родныхъ и у знакомыхъ студентовъ, могъ бы поразсказать о тѣхъ временахъ не мало такого, что уже не было терпимо въ болѣе позднія времена, когда число студентовъ болѣе, чѣмъ втрое, превышало число студентовъ прежнихъ временъ *). И мало было студентовъ, и *своекоштныхъ* совсѣмъ не было, но если бы пришла нужда или охота поразсказать разныя подробности студенческаго быта того времени, то студенты XL-го и XLI-го курсовъ оказались бы чуть не невинными младенцами сравнительно съ своими, не очень далекими отъ нихъ по времени, предшественниками. *Количество* учащихся тутъ совсѣмъ ни причесть, и даже самый завзятый спорщикъ не въ силахъ ос-

*) Напримѣръ, въ 1844 году на обоихъ академическихъ курсахъ было 105 человекъ; въ 1846 году — 98 человекъ; въ 1848 году — 96 человекъ; въ 1850 году также 96 человекъ; въ 1852 году — 94 человекъ; въ 1854 году — 84 человекъ и тому подобное.

**) Въ 1883—4 учебномъ году было до 360 студентовъ; въ 1884—5 году — до 350.

порить ту истину, что начальство всегда имѣеть полную возможность и «подтянуть» и «распустить» какую угодно школу, и малочисленную и многочисленную. Даже Петровскую академію и любой ветеринарный институтъ и тѣ всегда возможно было привести въ порядокъ, если бы только было побольше охоты вникнуть въ дѣло поглубже и затѣмъ понести серьезные труды. Безъ послѣдняго условія тоже ничего подблатать нельзя, сколько бы вздоховъ и воплей мы ни выпускали, и сколько бы *словъ* ни извергали. Не излишне, можетъ быть, напомнить читателю и ту непререкаемую и общеизвѣстную истину, что можно плохо смотрѣть и за малымъ количествомъ студентовъ; можно хорошо смотрѣть и за большимъ количествомъ студентовъ и держать ихъ въ должномъ порядкѣ. Хорошій отецъ и большую семью удержать въ рукахъ, а плохой отецъ и съ однимъ сыномъ не справится.

«Записка» продолжаетъ: «честь заведенія надобно предпочитать интересамъ и видамъ частныхъ лицъ».

Эта сентенція, рассматриваемая въ качествѣ отвлеченнаго положенія, не можетъ вызывать ни на какое прекословіе, но приложимость ея къ дѣлу о бытіи своекоштныхъ студентовъ должна быть отринута самымъ рѣшительнымъ образомъ. Подъ частными лицами можно разумѣть, въ данномъ случаѣ, *или* своекоштныхъ студентовъ, *или* родителей ихъ. Интересы родителей, желающихъ дать дѣтямъ академическое образованіе, во всякомъ случаѣ не могутъ оказаться враждебными «честь» академіи. Честь академіи могла бы пострадать отъ удовлетворенія родительскихъ интересовъ только въ томъ случаѣ, если бы родителямъ предоставлено было право вталкивать въ академію своихъ тупыхъ или непутныхъ сынковъ безъ семинарскихъ и гимназическихъ аттестатовъ и безъ пріемныхъ испытаній. А такъ какъ родителямъ подобное право доселѣ не предоставлено: то ихъ расчеты на поступленіе сынковъ въ высшее учебное заведеніе никакого ущерба для чести академіи произвести не могутъ.

Если же подъ «частными лицами» разумѣть людей, желающихъ учиться въ академіи и соединяющихъ съ поступленіемъ въ нее тѣ или другіе «интересы и виды»: то, каковы бы ни были эти интересы и виды, они при добромъ поведеніи и усердныхъ за-

нятіяхъ студента никакого ущерба для чести академіи причинить не могутъ. «Честь заведенія» можетъ пострадать только отъ бездѣльничанья и отъ худого поведенія учащихся, а ни какъ не можетъ пострадать ни отъ того, что человѣку хочется поучиться, ни отъ того, что ему хочется попасть со временемъ на преподавательскую должность въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, ни отъ того, что хочется ему поступить въ священники столицы или какого-нибудь губернскаго города, или даже сдѣлаться архіеремъ, ни отъ того, что его прельщаетъ мысль, которая едва ли у кого и бываетъ,—мысль о ношеніи со временемъ магистерскаго и кандидатскаго крестика, или даже отъ желанія пощеголять въ мундирѣ, если бы таковой изобрѣтенъ былъ для студентовъ не въ самое послѣднее время. Кажется, я перечислилъ все возможные «интересы» поступающаго въ академію студента, и ни въ одномъ изъ нихъ нельзя усмотрѣть рѣшительно ничего противнаго «чести заведенія».

Судя по дальнѣйшей рѣчи «Записки», можно думать, что она подъ „интересами и видами частныхъ лицъ“ разумѣла предполагаемое ею у студентовъ стремленіе извлечь матеріальныя выгоды изъ обученія въ академіи. Предположеніе это „Записка“ облакаетъ въ слѣдующую странную форму:

«За немногими исключеніями люди съ ограниченными способностями и слабою подготовкою стремятся въ академіи совсѣмъ не по ревности къ духовному просвѣщенію, а только для того, чтобы доставить себѣ потомъ выгодное положеніе въ обществѣ.

Требуя всегда и отъ себя и отъ другихъ употребленія выражений точныхъ, и не желая дѣлать въ настоящемъ случаѣ исключенія для составителя «Записки», я прежде всего немножко пошучу надъ «ограниченными способностями». Я полагаю, что и казеннокоштные студенты и своекоштные, проникшіе въ академическія зданія со взносомъ двухъ сотъ двадцати рублей, что даже и они не имѣютъ способностей «неограниченныхъ»; таковъ ужъ удѣлъ всего сотвореннаго Богомъ. А переходя къ серьезной рѣчи, приходится сказать не мало относительно тѣхъ недостатковъ мышленія, какіе обнаруживаются въ выписанныхъ строкахъ.

Высказана, хотя и въ неудовлетворительной формѣ, мысль,

что нужно принять мѣры противъ наплыва въ академію *плохихъ* семинаристовъ и гимназистовъ. Мысль эта основана на предположеніи совершенно произвольномъ, что будто академическіе совѣты принимаютъ въ составъ студентовъ и мало способныхъ и надлежаще не подготовленныхъ людей. Для твердыхъ рѣчей объ этомъ предметѣ нужно точно знать, какъ производятся въ академіяхъ приемные экзамены. При точномъ знаніи дѣла никакъ нельзя утверждать, что академіи производятъ вступительный экзаменъ неудовлетворительно. Выдержать этотъ экзаменъ не легко, и это всѣмъ давно извѣстно. Охотники могли бы навести въ академическихъ архивахъ справки, изъ которыхъ оказалось бы, что устные отвѣты, къ которымъ есть удобство приготовиться тщательно, рѣдко оказываются неудовлетворительными въ глазахъ экзаменаторовъ: но въ отмѣткахъ профессоровъ, читающихъ экспромпты, совсѣмъ не рѣдкость встрѣтить не только $2\frac{1}{2}$, но и $2+$, 2, $2-$, $1\frac{1}{2}$ и даже единицу, а пятерки раздаются за сочиненія съ такою бережливостью, что на сотни лучшихъ воспитанниковъ, приѣзжающихъ семинарій изъ тридцати, обыкновенно, достается пятерки двѣ, три, а бываетъ, что чистую пятерку даже и никто не получить. Очевидно, что хорошія отмѣтки не разбрасываются зря, какъ попало. Да и нѣтъ причины академіямъ брать въ составъ студентовъ *всякаго* изъ (*лучшихъ*) воспитанниковъ семинарій и гимназій; лишніе, къ тому же еще и не очень способные люди, вполнѣдствіи только будутъ обременять профессоровъ и тратю на нихъ времени на экзаменѣ и при чтеніи ихъ семестровыхъ сочиненій. Свидѣтельство о строгости приемныхъ экзаменовъ можно усматривать и въ томъ, что изъ числа не принятыхъ въ академію по приемному экзамену выходятъ иногда даже и архипастыри русской церкви, стало быть, такіе люди, которые могутъ же занимать мѣста, во всякомъ случаѣ требующія не малаго разума. Преувеличенный страхъ, внушаемый представленіемъ объ «ограниченности» способностей у своекоштныхъ студентовъ, долженъ разсѣяться, если обращено будетъ должное вниманіе на то, что приемный экзаменъ для поступления въ академію имѣютъ право держать только *лучшіе, перво-разрядные* воспитанники семинарій и гимназисты, получившіе

аттестаты *зрѣлости*. Едва ли есть достаточныя основанія утверждать, что семинарскіе аттестаты на званіе студента семинаріи и гимназическіе аттестаты зрѣлости составляютъ документъ совѣзмъ не благонадежный. Едва ли удобно будетъ такъ уничижительно смотрѣть на эти аттестаты уже и по тому одному, что гимназическіе аттестаты зрѣлости открываютъ обладателямъ ихъ безпрепятственный доступъ во всѣ университеты, а семинарскимъ аттестатамъ перваго разряда высшее начальство предписываетъ (указъ Св. синода отъ 12 іюня 1881 года за № 2512) оказывать такое довѣріе, при которомъ совѣты академій должны принижать даже довѣріе къ собственному своему разумѣнію и подчинить его разумѣнію семинарскихъ правленій, имѣвшихъ, какъ то утверждается въ указѣ, болѣе способовъ узнать дѣйствительное состояніе силъ и познаній учениковъ семинарій, чѣмъ сколько имѣютъ таковыхъ способовъ совѣты академій во время производства пріемныхъ экзаменовъ. Если «Объяснительная записка», въ виду всего прописаннаго мною, остережется отъ увлеченія не полезною для нея мыслию, что семинарскіе аттестаты перваго разряда и гимназическіе аттестаты зрѣлости выдаются совѣзмъ глупымъ ученикамъ, то она должна была бы оберечь себя и отъ выраженія страха передъ возможностью наплыва въ академію людей *неспособныхъ* къ умственному труду. Съ признаніемъ же, на основаніи выданныхъ подлежащими начальствами аттестатовъ, способности обладателей аттестатовъ къ умственному труду нужно соединить и твердую надежду на то, что поступленіе въ академіи значительнаго числа лучшихъ учениковъ семинарій и гимназій не будетъ бесплодно, если не для развитія науки вообще, то, по крайней мѣрѣ, для дѣла расширенія просвѣщенія въ духѣ, согласномъ съ требованіями православной церкви.

Взору составителя «Объяснительной записки» я желаю показать новую и, можетъ быть, неожиданную для него перспективу, на которую напрашивается онъ самъ, и которая для него, по всей вѣроятности, будетъ не особенно привлекательна.

Предъ показываніемъ «неожиданной перспективы» мнѣ очень хотѣлось бы занять какое-нибудь мѣстечко въ любомъ статистическомъ комитетѣ. Я составилъ бы карточки и разослалъ

бы ихъ по всѣмъ духовнымъ училищамъ и семинаріямъ съ требованіемъ „заполнить“ карточки, въ подлежащихъ мѣстахъ, тѣми или другими цифрами, взятыми изъ дѣйствительности. А теперь карточекъ разослать не могу, а если и разошлю, то отвѣта мнѣ не пришлютъ. Между тѣмъ мнѣ весьма нужно было бы имѣть точныя данныя для отвѣта на вопросъ такой: «изъ каждой сотни дѣтей, поступающихъ въ томъ или другомъ году въ первый классъ духовныхъ училищъ той или другой епархіи, сколько человѣкъ чрезъ десять лѣтъ оканчиваетъ курсъ семинарій? Если бы оказалось, что оканчиваетъ курсъ, по прошествіи десяти лѣтъ, человѣкъ не болѣе девяти,—эту цифру беру изъ данныхъ, собранныхъ въ очень маломъ количествѣ мѣствъ,—и если изъ этихъ девяти въ первомъ разрядѣ оканчиваютъ не болѣе троихъ и если изъ этихъ троихъ, даже и *одинъ* не всегда, по мнѣнію составителя „Записки“ годится для того, чтобы можно было допустить его къ слушанію лекцій въ высшемъ учебномъ заведеніи, то едва ли можно *терпѣть* тотъ порядокъ ученія, какой практикуется въ низшихъ и среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, дающихъ подобные результаты. Пришлось бы признать ихъ требующими коренной ломки; пришлось бы признать не только бесполезность, но и вредность недавно произведенныхъ реформъ въ семинарскомъ и училищномъ уставахъ... Я желалъ только показать «неожиданную перспективу».

Предположеніе составителя «записки» относительно побужденій, какими руководствуются семинаристы и гимназисты, желающіе поступить въ академію,—предположеніе, облеченное имъ въ одежду рѣшительной увѣренности, умѣстной только въ случаѣ обстоятельнаго разслѣдованія душевнаго настроенія и потаенныхъ намѣреній семинаристовъ и гимназистовъ, могу признать заслуживающимъ вѣроятіе, то-есть допускаю, что многихъ изъ нихъ можетъ привлекать въ академію не ревность къ духовному просвѣщенію, а надежда добиться, пройдя высшую школу, до болѣе или менѣе безбѣднаго существованія. Такое, совсѣмъ не идеальное стремленіе молодыхъ людей я почитаю присущимъ не только большинству семинаристовъ и гимназистовъ, поступающихъ въ академію, но и громадному большинству всего человѣческаго рода (по моимъ наблюденіямъ *девяти*

человѣкамъ изъ каждаго десятка). Въ точности знаю, что да-же при такъ именуемомъ *отреченіи* двадцати трехъ или двадцати четырехъ-лѣтнихъ юношей *отъ міра* мечты о власти и о матеріальномъ благосостояніи занимають, обыкновенно, не мало-важное мѣсто въ душахъ этихъ носителей *идеальныхъ* стремленій и составляютъ ту почву, которую по преимуществу воздѣлываютъ люди, почему-нибудь заинтересованные въ расширеніи института ученаго монашества. Я не только попутно наблюдалъ, но и съ особымъ тщаніемъ входилъ въ изслѣдованіе многихъ субъектовъ этой категоріи и знаю хорошо, что дѣйствительное удаленіе отъ міра въ пустыню и на сухояденіе *совсѣмъ* не входитъ въ ихъ планы. Это очень хорошо понимаютъ и лица, заинтересованныя пріумноженіемъ «ангельскаго чина» и ущедряють земными благами всѣхъ воспріявшихъ сей чинъ, поощряя тѣмъ самымъ ко вступленію въ него и прочихъ зрителей разныхъ перемѣнъ въ судьбахъ человѣческихъ. Потому ничего нѣтъ удивительнаго, что «отсутствіе» отреченія отъ разныхъ матеріальныхъ благъ «присуще» и громадному большинству людей всякихъ званій и состояній. Нельзя же не признать, что нѣкоторое количество матеріальныхъ средствъ неизбежно требуется не только для удовлетворенія потребностей тѣлесныхъ, но и многихъ потребностей нравственныхъ и духовныхъ. При этомъ удобномъ случаѣ припомню читателю, что для возможности дать сыну высшее богословское образованіе отецъ долженъ имѣть *свободныхъ* денегъ *двѣсти двадцать рублей въ годъ*, отнюдь не менѣе. И нужда купить книгу, и нужда оказать помощь ближнему могутъ достаточно, — не менѣе чѣмъ нужда во что-нибудь одѣться и обуться и что-нибудь съѣсть, — могутъ достаточно изъяснять и оправдывать у каждаго стремленіе имѣть въ своемъ распоряженіи какія -нибудь, хотя и небольшія, матеріальныя средства. Корить семинаристовъ и гимназистовъ за то, что они не отрѣшились отъ всѣхъ земныхъ попеченій, *не вѣтили* всякія матеріальныя нужды въ *уметы* (Фил. 3, 8), — корить за это можно только тому, кто *ни при какихъ* условіяхъ не пожелаетъ *полагать дверь оражденія о устахъ своихъ...*

Еще иное было бы дѣло, если бы по окончаніи академическаго курса раздавались куски, прельщающіе своею *жирностію*:

тогда можно было бы сказать о поступающихъ въ академію: «вотъ и сіи ринулись за жирными кусками». Но всякому извѣстно, что по окончаніи академическаго курса *жирные куски* даются только воспитанникамъ академіи, принявшимъ монашескій чинъ, а остальные воспитанники или занимають въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ преподавательскія мѣста съ окладомъ по *семи сотъ рублей* въ годъ, или остаются болѣе или менѣе продолжительное время безъ всякихъ окладовъ, или же пристраиваются въ жизни къ такимъ мѣстамъ, куда судьба толкнетъ ихъ совершенно случайно. Во всякомъ случаѣ *семи-наристу* гораздо скорѣе можно получить *жирный* кусокъ, если онъ поступитъ или писцомъ въ какой-нибудь банкъ, или конторщикомъ въ какое-нибудь торговое предпріятіе, или же писмоводителемъ къ какую-нибудь канцелярію духовнаго вѣдомства. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ мѣстахъ онъ скорѣе и съ большимъ приличіемъ могъ бы подвергнуться со стороны непомерно строгихъ хулителей осужденію за стремленіе «доставить себѣ потомъ выгодное положеніе въ обществѣ», — несравненно скорѣе, чѣмъ на пути «шествованія чрезъ академію».

Въ «запискѣ» читаемъ далѣе, что своекоштные студенты «даютъ частные уроки, или изыскивають другіе посторонніе способы для своего содержанія, которые однако жъ сопряжены съ ущербомъ въ исполненіи прямыхъ студенческихъ обязанностей».

Если на уроки или другія стороннія занятія какой-нибудь студентъ употребитъ часа полтора или два въ сутки, то такую трату времени можно было бы признать весьма значительною лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ остальные студенты все, безъ изыятія, свободное время свое употребляли исключительно на учебныя занятія. Такіе студенты не въ академіи только, но и во всемъ мірѣ составляютъ необыкновенную рѣдкость. Всѣ остальные студенты, за исключеніемъ этихъ феноменовъ, могутъ безъ всякаго ущерба для успѣшности своихъ занятій выгадывать часа полтора или два въ день на занятія стороннія. Даже въ числѣ членовъ Комитета 1881-го года были люди, которые во время студенчества занимали писмоводительскую должность съ цѣлію заработать нѣсколько рублей въ мѣсяцъ.

Письмоводство, не имѣющее никакой связи съ «исполненіемъ прямыхъ студенческихъ обязанностей», не помѣшало же имъ, однако, быть въ числѣ *лучшихъ* студентовъ своего курса, не помѣшало и написать магистерскія диссертации, появившіяся въ печати *). Многіе даже изъ профессоровъ академій и университетовъ, сами двигающіе науку впередъ, не рѣдко принимаютъ на себя обязанности, не имѣющія ничего общаго съ исполненіемъ своихъ прямыхъ профессорскихъ обязанностей, и не только не наносятъ ущерба послѣднимъ, но съ большимъ успѣхомъ исполняютъ и первыя и послѣднія.

«Записка» продолжаетъ: «Братства для пособія бѣднымъ студентамъ... покровительствуютъ ученому нищенству (пролетариату)».

Когда я въ первый разъ прочелъ эти слова, у меня даже глаза перекосило.

Что есть *ученое нищенство*? Отвѣчаю: ученое нищенство есть такое достойное плача положеніе человѣка, находясь въ которомъ онъ, не взирая на свою обязанность имѣть много познаний и собственныхъ сужденій по предмету своихъ ученыхъ занятій, не имѣетъ таковыхъ совѣмъ и подбирается кое-чѣмъ изъ чужихъ книжекъ.

Что есть *пролетаріатъ вообще*? Пролетаріатъ есть состояніе человѣка, имѣющаго гражданскую полноправность и необходимость добывать своимъ трудомъ насущное для себя пропитаніе, но неспособнаго и не имѣющаго охоты ни къ какому производительному труду, который давалъ бы ему матеріальныя средства, нужныя для поддержанія жизни. Производительность такого человѣка, рассматриваемая въ отношеніи къ нему самому, къ обществу, къ государству, ограничивается исключительно физиологическимъ процессомъ, именно рожденіемъ потомства (*proles*) количественно увеличивающаго населеніе и, слѣдовательно, матеріальную силу государства. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ пролетарій совершенно бесполезенъ для кого бы то ни было, бесполезенъ и для другихъ, и для себя.

*) Даже и самъ предсѣдатель Комитета былъ, во время пребыванія въ академіи, *письмоводителемъ* по экономической части.

Что есть *ученый* пролетаріатъ? Если совокупимъ слово «пролетаріатъ» съ словомъ «ученый», то должны будемъ получить представленіе о такомъ состояніи ученаго человѣка, находясь въ которомъ онъ ничего не производитъ, кромѣ продуктовъ учености, то-есть дѣлаетъ свое надлежаше дѣло, за что, конечно, нужно сказать ему «спасибо». Если же расторгнуть органическую связь между понятіями и замѣнить ее механическою, то можно будетъ получить представленіе о такомъ «ученомъ», который ничего, *кромѣ дѣтей*, не производитъ.

Теперь попробуемъ приложить разъясненныя мною понятія къ своекоштнымъ студентамъ, и посмотримъ, что такое у насъ будетъ выходить.

Понятіе объ «ученомъ нищенствѣ» рано будетъ прилагать къ своекоштнымъ студентамъ. Они и сами, конечно, не имѣютъ претензіи считать себя учеными; они и идутъ въ академію только потому, что желаютъ *учиться*. Приобрѣтутъ ли они должныя познанія, будутъ ли они впоследствии издавать какіе-нибудь ученые труды, побираться ли будутъ, или трудиться самостоятельно, все это дѣло будущаго, котораго никто провидѣть не можетъ, и едва ли кто-нибудь можетъ по праву сказать, что братства, дающія матеріальныя пособія своекоштнымъ студентамъ, покровительствуютъ «будущимъ нищимъ-побирохамъ» въ области науки. Нужно будетъ сначала посмотрѣть, что они будутъ дѣлать въ области науки, а затѣмъ уже и судить объ ихъ дѣятельности.

Если же своекоштные студенты будутъ производить только то, что производятъ пролетаріи, то непремѣнная обязанность инспекціи будетъ заключаться не только въ прекращеніи всякаго имъ покровительства со стороны братства, но и въ принятіи болѣе энергическихъ мѣръ. Въ случаѣ упорнаго стремленія своекоштныхъ студентовъ къ доставленію государству потомства (*proles*), инспекція обязана озаботиться немедленнымъ удаленіемъ изъ академіи такихъ преждевременныхъ пролетаріевъ.

Въ виду очевидной неприложимости къ своекоштнымъ студентамъ ни правильнаго понятія объ «ученомъ нищенствѣ», ни правильнаго понятія о «пролетаріатѣ», нужно предположить, что составитель «Записки» соединялъ съ этими словами какой-ни-

будь другой смыслъ. По всей вѣроятности, онъ хотѣлъ укорить братства за то, что они помогаютъ людямъ бѣднымъ и, для вящей силы своего укора, пожелалъ употребить слова, звучащія погромче: ученое «нищенство», «пролетаріатъ». Не обремененная въ громкія фразы, мысль укора можетъ получить такой видъ: *нехорошо дѣлаютъ братства, помогая бѣднымъ людямъ получать богословское образованіе*. Изложенная въ такой формѣ мысль становится ясною: но за то пріобрѣтаетъ совсѣмъ не привлекательное качество, а именно, ясно открываетъ всю свою несообразность съ правильными понятіями о предметахъ. Такъ несочувственно относиться къ бѣдности студентовъ, это противно ученію доброй нравственности; такъ несочувственно относиться къ богословскому образованію, это противно долгу христіанскому. А у меня лично есть и спеціальныя причины построже отнестись къ осужденію братствъ за ихъ дѣятельность на пользу нуждающихся студентовъ. Во-первыхъ, я самъ составлялъ «Уставъ Братства Преподобнаго Сергія для вспоможенія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской духовной академіи»; онъ мое родное дѣтище; мнѣ нужно за него заступиться противъ обидчиковъ. Во-вторыхъ, мнѣ жалко потерять жертвователей; иные изъ нихъ даже не отъ избытка, а при скудости дѣлали и продолжаютъ дѣлать значительныя пожертвованія въ пользу братства. Когда они узнаютъ, что они «не хорошо» дѣлали, то они перестанутъ давать, и тогда своекоштнымъ студентамъ нашей академіи будетъ плохо; можетъ даже случиться, что жертвователи потребуютъ свои пожертвованія назадъ: какъ тогда быть? Въ-третьихъ, мнѣ очень жалко столь чтимаго не только мною, но и всѣми другими, предсѣдателя братства преподобнаго Сергія. Въ какое смущеніе придетъ его милосердая душа, такъ горячо заботящаяся о неимущихъ студентахъ, когда онъ, Димитрій Ѳеодоровичъ Голубинскій, узнаетъ, что онъ разводитъ «ученое нищенство» и распространяетъ тотъ самый пагубный «пролетаріатъ», который уже надѣлалъ столько бѣдъ въ западной Европѣ! Мнѣ давно приходило на мысль сказать при случаѣ Димитрію Ѳеодоровичу, что его дѣятельность по братству грозитъ опасностію для общественнаго благоустройства и что она, во всякомъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ проти-

вленіе начальству. Начальство желаетъ сокращенія и даже уничтоженія своекоштныхъ студентовъ, а онъ поддерживаетъ бытіе своекоштныхъ студентовъ всѣми зависящими отъ него способами. Какъ называется такой образъ дѣйствій и къ чему онъ можетъ привести?

Итакъ, у меня есть много причинъ построже отнестись къ осужденію братствъ за ихъ дѣятельность на пользу неимущихъ студентовъ. Самую строгую и суровую критику на составителя разбираемаго мѣста «Объяснительной записки» я произнесу сейчасъ же и облечу ее въ слова: «присоединяюсь къ словамъ» записки вполнѣ... Да, скажу я, вы правы: наши студенты своекоштные суть дѣйствительно въ большинствѣ своемъ неимущіе, почти совсѣмъ нищіе (см. *Антука*, стр. 46—50).

Къ этой истинѣ мнѣ остается прибавить очень немного. Остается, во-первыхъ, сказать, что въ нищетѣ своей семинаристы, поступающіе въ академіи, не сами виноваты, потому что, учась въ семинаріи, они не имѣли еще удобнаго времени накопить денегъ, а виноваты въ ней отцы ихъ. не успѣвшіе освободиться отъ нищеты, несмотря ни на усиленное раскрываніе своихъ «жадныхъ», «завидующихъ» глазъ, ни на «обдираніе живыхъ и мертвыхъ». Остается, во-вторыхъ, напомнить читателю, что авторъ «Записки» корилъ семинаристовъ за стремленіе «доставить себѣ (поступленіемъ въ академію) выгодное положеніе въ обществѣ», между тѣмъ какъ имъ слѣдовало бы, повидимому, навсегда оставаться полунищими. Наконецъ, въ-третьихъ, для полнаго и не подлежащаго никакой апелляціи оправданія дѣятельности братства преподобнаго Сергія, съ предсѣдателемъ его во главѣ, остается мнѣ еще привести слова Спасителя, написанныя въ двадцать пятой главѣ евангелія отъ Матѳея (стихи 33—46): *Тогда речетъ Царь суцымъ одесную его: придите благословенніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкался бо, и дасте ми ясти: возжадался и напоисте мя: страненъ бѣхъ, и введосте мене: нагъ, и одѣясте мя. Речетъ и суцымъ ошуюю его: идите отъ меня проклятіи въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его. Взалкался бо, и не дасте ми ясти: возжадался, и*

не напоите мене: страненъ бѣхъ, и не введосте мене: наизъ, и не одѣясте мене. И идутъ сѣи въ муку вѣчную...

«Записка» продолжаетъ: «Въ надеждѣ на нихъ (на братства) привлекается еще большее количество молодыхъ людей, безъ достаточнаго запаса познаній и безъ всякихъ средствъ къ жизни».

Грустный для любителей просвѣщенія смыслъ недовольства дѣлами христіанскими милосердія и исполненіемъ евангельскихъ заповѣдей, не долженъ смущать братчиковъ уже и по тому одному, что «Записка» сама свидѣтельствуетъ ясно, что благотворенія братчиковъ направлены въ надлежащее мѣсто, туда, гдѣ благотвореніе *совершенно необходимо*. «Записка» заявляетъ категорически, что молодые люди, поступающіе въ академіи, не имѣютъ *никакихъ* средствъ къ жизни. Не зачѣмъ, стало быть, благотворителю тревожиться заботливою мыслью о томъ, не притворяются ли бѣдняками эти «молодые люди», нѣтъ ли гдѣ-нибудь людей, болѣе имѣющихъ нужду въ благовременной матеріальной поддержкѣ? Благотворитель-братчикъ можетъ протянуть студенту руку помощи съ полною увѣренностію въ настоятельной нуждѣ своего добраго дѣла. Онъ поможетъ людямъ «безъ всякихъ средствъ къ жизни».

Составителю «Записки» не нравится, что дѣятельностію братствъ парализуется дѣйствіе, какое естественно должно было бы воспослѣдовать отъ наложенія на «людей безъ всякихъ средствъ» обязанности уплачивать ежегодно по двѣсти слишкомъ рублей за содержаніе въ академіи. Требуется *отвлекать* молодыхъ людей отъ высшаго богословскаго образованія, а не *привлекать* къ нему. Положимъ, что братчикъ даетъ *совершенному бѣдняку* хотя половину суммы, потребной для взноса въ академію; другую половину бѣднякъ самъ всѣми неправдами *вытямжигитъ* для себя посредствомъ писемъ, адресованныхъ ко всѣмъ даже и самымъ отдаленнымъ родственникамъ («по седьмую воду на киселѣ» включительно) и такимъ образомъ «привлечется» въ академію. Привлекая такимъ путемъ молодыхъ людей въ академію, братчики не безъ основанія могутъ думать, что они не то чтобы въ самомъ дѣлѣ *привлекаютъ* въ академію, а только поддерживаютъ въ бѣднякѣ, поступающемъ въ ака-

демію, *надежду кое-какъ перебиться* даже и въ томъ случаѣ, если ему не удастся поступить въ *незначительное*, а назадъ тому семь лѣтъ еще *уръзанное* на цѣлую треть число казеннокоштныхъ студентовъ. Самый строгій судія молодыхъ людей долженъ бы признать, что «надежда кое-какъ перебиться» не можетъ быть отнесена къ категоріи силъ, обладающихъ особою *притягательностію* и *неодоимостію* для сопротивляющихся ей.

Мимоходомъ брошенное въ совѣты академій обвиненіе въ томъ, что они принимаютъ въ составъ студентовъ такихъ молодыхъ людей, которые не выдержали удовлетворительно пріемныхъ испытаній («безъ достаточнаго запаса знаній»), оказалось бы напраслиною, если бы, на примѣръ, совѣтъ Московской духовной академіи привлечь обвинителя къ законной отвѣтственности. Не зная намѣреній совѣта московской духовной академіи относительно привлеченія автора «Записки» къ отвѣтственности за ложное обвиненіе, я предпочитаю теперь же дать нѣкоторыя разъясненія по этому дѣлу.

Совѣтъ Московской духовной академіи, независимо отъ употребленія строгости при производствѣ вступительныхъ экзаменовъ, употребляя и по окончаніи вступительныхъ экзаменовъ особую и для стороннихъ людей даже неудоборазумѣваемую строгость въ отношеніи къ молодымъ людямъ, державшимъ экзамень. Совѣтъ не довольствуется отмѣткою *удовлетворительно*, а требуетъ отвѣтовъ *больше, чѣмъ удовлетворительныхъ*. Такой, недоумѣнный для стороннихъ людей образъ дѣйствій совѣта изъясняется закономъ о «вмѣстительности академическихъ зданій». Прослѣдимъ это дѣло, начиная съ злополучнаго для «молодыхъ людей» 1883 года.

Въ 1883 году держали вступительный экзамень 120 человекъ; изъ нихъ признаны выдержавшими испытаніе 62 человека; остальные 58 человекъ признаны не выдержавшими испытаніе, хотя *семнадцать* изъ нихъ выдержали экзамень *удовлетворительно*. Въ этомъ году совѣтъ призналъ выдержавшими испытаніе только тѣхъ, кто въ общемъ итогѣ полученныхъ экзаменскихъ отмѣтокъ имѣлъ излишка не менѣе *шести* (51 вмѣсто 45).

Въ 1884 году, по распространеніи извѣстія объ отправленіи

по московско-ярославской желѣзной дорогѣ двухъ вагоновъ съ державшими вступительный въ академіи экзаменъ, нѣсколько убавилась охота держать экзаменъ на поступленіе въ академію: пріѣхали только 104 человекъ, на шестнадцать человекъ меньше предшествующаго года и на двадцать меньше 1882 года. Строгость экзаменовъ была еще болѣе усилена. но на бѣду свою выдержали экзаменъ удовлетворительно девяносто восемь человекъ. Дѣлать нечего, «вмѣстительность зданій» не допускала такого количества неофитовъ богословской школы; совѣтъ постановилъ признать выдержавшими испытаніе только тѣхъ, кто въ общемъ итогѣ полученныхъ экзаменическихъ отмѣтокъ имѣлъ излишка не менѣе *четырехъ съ половиной* ($49\frac{1}{2}$ вмѣсто 45). Тридцать одинъ человекъ, выдержавшіе испытаніе *удовлетворительно* и даже нѣсколько болѣе, чѣмъ удовлетворительно, должны были возвратиться къ родному очагу и, къ огорченію родителей, привезти роднымъ извѣстіе, что они «не выдержали экзаменъ».

Въ 1885 году прибыли на экзаменъ уже только 95 человекъ; изъ нихъ приняты въ число студентовъ 66 человекъ; остальные 29 человекъ признаны не выдержавшими испытаніе, хотя 22 изъ нихъ имѣли удовлетворительныя отмѣтки. Послѣдній изъ принятыхъ въ академію имѣлъ въ общемъ итогѣ экзаменическихъ отмѣтокъ излишка *семь съ четвертью* ($52\frac{1}{4}$ вмѣсто 45).

Въ 1886 году прибыли 119 человекъ; изъ нихъ приняты въ число студентовъ 55 человекъ; остальные 64 человекъ признаны не выдержавшими испытаніе, хотя *пятьдесятъ четыре* изъ нихъ имѣли удовлетворительныя отмѣтки. Послѣдній изъ принятыхъ въ академію имѣлъ въ общемъ итогѣ экзаменическихъ отмѣтокъ излишекъ *семь съ половиною* ($52\frac{1}{2}$ вмѣсто 45).

Въ 1887 году прибыли 87 человекъ; изъ нихъ приняты въ число студентовъ 53 человекъ; остальные 34 человекъ были признаны не выдержавшими испытаніе, хотя шестнадцать изъ нихъ имѣли удовлетворительныя отмѣтки. Послѣдній изъ принятыхъ имѣлъ въ общемъ итогѣ отмѣтокъ излишка *пять* (50 вмѣсто 45).

Въ 1888 году прибыли 71 человекъ; изъ нихъ приняты 52;

остальные 19 человекъ были признаны не выдержавшими испытанія, хотя *тринадцать* изъ нихъ имѣли удовлетворительныя отмѣтки. Послѣдній изъ принятыхъ имѣлъ въ общемъ итогѣ отмѣтокъ излишка *пять съ четвертью* ($50\frac{1}{4}$ вмѣсто 45).

Въ 1889 году прибыли 72 человекъ; изъ нихъ приняты 50 человекъ; остальные 22 человекъ были признаны не выдержавшими испытанія.

Въ 1890 году прибыли 91 человекъ; изъ нихъ приняты 49; остальные 42 человекъ были признаны не выдержавшими испытанія, хотя *двадцать восемь* изъ нихъ имѣли удовлетворительныя отмѣтки. Послѣдній изъ принятыхъ имѣлъ въ общемъ итогѣ отмѣтокъ излишка *шесть съ половиною* ($51\frac{1}{2}$ вмѣсто 45).

Въ 1891 году прибыли 71 человекъ; изъ нихъ приняты 59; остальные 12 человекъ были признаны не выдержавшими испытанія, хотя *пять* изъ нихъ имѣли удовлетворительныя отмѣтки. Послѣдній изъ принятыхъ имѣлъ въ общемъ итогѣ отмѣтокъ излишка *четыре съ половиною* ($49\frac{1}{2}$ вмѣсто 45).

Въ 1892 году прибыли 110 человекъ; изъ нихъ приняты *семьдесятъ шесть*; остальные *тридцать четыре* признаны были не выдержавшими испытанія, хотя *двадцать девять* изъ нихъ получили удовлетворительныя отмѣтки. Послѣдній изъ принятыхъ имѣлъ въ общемъ итогѣ отмѣтокъ излишка *семь съ половиною* ($52\frac{1}{2}$ вмѣсто 45).

Въ 1893 году прибыли 95 человекъ; изъ нихъ приняты 65 человекъ; остальные *тридцать* признаны были не выдержавшими испытаніе, хотя *двадцать шесть* изъ нихъ получили удовлетворительныя отмѣтки. Послѣдній изъ принятыхъ имѣлъ въ общемъ итогѣ отмѣтокъ излишка *девять* (54 вмѣсто 45).

Изъ этихъ данныхъ открывается ясно, во-первыхъ, то, что если бы совѣтъ Московской духовной академіи привлекъ автора «Объяснительной записки» къ суду за неправильное обвиненіе въ допущеніи къ слушанію академическихъ лекцій людей, не имѣвшихъ «достаточнаго успѣха знаній», то судъ не могъ бы внести обвиняемому оправдательный приговоръ.

Во-вторыхъ, открывается *весьма важный* фактъ, именно тотъ, что, начиная съ злополучнаго 1883 года, изъ одной московской академіи выброшены въ качествѣ жертвъ «Объяснительной за-

писки» *двѣсти сорокъ одинъ* юноша. съ отличнымъ успѣхомъ окончившіе курсъ средняго образованія и *удовлетворительно* сдавшіе вступительный въ академію экзаменъ. Это въ одной только академіи.—а ихъ четыре; это въ одиннадцать только лѣтъ,—а ихъ можетъ набраться со временемъ и *сто* одиннадцать. Не дешевенькія жертвы приноситъ богословское просвѣщеніе составителю «Объяснительной записки», и не мелкіе или какіе-нибудь личные интересы связаны съ тою строгою критикой, которой я подвергаю доводы, употребляемые «Запискою» для прекращенія бытія своекоштныхъ студентовъ.

Число жертвъ, принесенныхъ «Запискѣ» одною Московскою академіею,—не говоря о трехъ остальныхъ академіяхъ, должно еще возрасти отъ двухъ причинъ.

Во-первыхъ. естественно допустить присутствіе человѣческихъ чувствъ въ тѣхъ людяхъ, отъ которыхъ зависитъ размѣщеніе студентовъ въ академическихъ зданіяхъ. Когда приходится выбирать между двумя членами дилеммы: *или* потѣснѣ помѣстить студентовъ, *или* нѣсколько юношей лишитъ академическаго образованія, то трудно предположить, что требованія гигиены возьмутъ верхъ надъ требованіями состраданія къ юношамъ. которымъ ради соблюденія гигиеническихъ требованій пришлось бы быть выброшенными изъ академіи. Требованія сострадательнаго сердца всегда ли могутъ быть удовлетворены безъ ущерба для здоровья лицъ, набившихся въ академическія помѣщенія наподобіе сельдей,—это вопросъ не очень легко разрѣшимый. Учащеніе случаевъ смерти отъ чахотки, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ академіяхъ, можетъ быть показателемъ не совсѣмъ благоприятнымъ. Впрочемъ я по врачебной гигиенѣ совсѣмъ мало смыслю. Предположительно только допускаю, что и тутъ дѣло не обходится безъ принесенія грустныхъ жертвъ «Объяснительной запискѣ».

Во-вторыхъ,—здѣсь я становлюсь уже на совсѣмъ твердую почву,—не всѣ изъ принятыхъ въ академію, въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ, поступили самымъ дѣломъ въ число студентовъ. На всѣхъ принятыхъ въ академію, даже при утѣсненіи въ размѣщеніи, мѣста въ академическихъ зданіяхъ все-таки оказывалось недостаточно. Каждый почти курсъ студенты, занявшіе по вступительному экзамену послѣднія мѣста въ спис-

кѣ. имѣли прискорбіе слышать объявленіе, что они могутъ остаться въ числѣ студентовъ только въ томъ случаѣ, если въ посадѣ будутъ жить ихъ родители. Къ нѣкоторымъ студентамъ, имѣвшимъ матерей, дѣйствительно пріѣзжали ихъ матери, предъявляли свои документы, снимали въ посадѣ помѣщеніе, поселялись со своими сынками и дѣлались невольными обитательницами посада на болѣе или менѣе продолжительное время. Нѣкоторые изъ матерей позволяли себѣ и продолжительныя отлучки изъ посада, не спрашивая себѣ отпускныхъ билетовъ у академическаго начальства. Такъ могло быть обставлено дозволенное закономъ проживаніе своекоштныхъ студентовъ у родителей но, конечно, въ тѣхъ только случаяхъ, когда у студента была мать. Если же студентъ не имѣлъ въ живыхъ матери, то онъ не могъ вышепрописаннымъ способомъ удовлетворить требованіямъ устава академическаго; отцу студента, — священно или церковнослужителю, — нѣтъ возможности предъявлять билетъ на прожитіе въ посадѣ въ теченіе продолжительнаго времени. Выбытіе матери въ міръ загробный, кромѣ своего общаго горестнаго значенія для сына, имѣло для своекоштнаго студента, принятаго въ концѣ списка, еще спеціально прискорбное значеніе. Изъ міра загробнаго мать не могла уже получить билетъ на прожитіе въ Сергіевомъ посадѣ, а потому и не могла держать при себѣ сына на квартирѣ. Даже и у тѣхъ студентовъ, которые имѣли и отца и мать, не всѣ матери были такъ догадливы, чтобы выправить себѣ билеты на жительство въ посадѣ. Кологривская дьяковица въ простотѣ сердца воображала, что и на самомъ дѣлѣ придется всѣ четыре года прожить съ Сергіевомъ посадѣ! Эта недогадливость, конечно, не могла бы имѣть мѣста если бы осуществилось сдѣланное мною въ статьѣ: «Уваженіе къ закону» («Богословскій Вѣстникъ», 1893 г. январь) предположеніе издавать ежегодникъ подъ заглавіемъ «Настольная книга»: Указатель (на такой-то годъ) путей къ объѣзду и обходу законовъ Россійской Имперіи». Но за отсутствіемъ такого ежегодника и вслѣдствіе собственной недогадливости кологривскихъ дьяковицъ сынки ихъ возвращались къ родному очагу и умножали собою число живыхъ жертвъ, приносимыхъ «Объяснительной запискѣ».

Нѣкоторые ушли отъ сего жертвоприношенія, воспользовавшись отсутствіемъ въ законѣ указанія на разстояніе, въ какомъ родительскій домъ можетъ находиться отъ академическихъ зданій, и жили отъ этихъ зданій верстахъ въ десяти, по желѣзной, впрочемъ, дорогѣ. Но когда возникъ вопросъ о возможности пребыванія въ родительскомъ домѣ на сороковерстномъ (по желѣзной же дорогѣ) разстояніи отъ академическихъ зданій, то вопросъ разрѣшенъ отрицательно. Если на десятиверстномъ разстояніи можно было жить студенту въ родительскомъ домѣ, а на сороковерстномъ нельзя, то очевидно, что существуетъ какая-то промежуточная между этими разстояніями верста, приносящая несчастье своекоштному студенту. Которою по счету придется это несчастная верста, мнѣ неизвѣстно. Злополучный обитатель отдаленнаго родительскаго дома пытался выпросить себѣ позволеніе жить въ посадѣ у дяди своего, но законъ не предоставляетъ дядямъ родительскихъ правъ относительно обитанія своекоштныхъ студентовъ, и дядинъ племянникъ палъ жертвою «Объяснительной записки».

Итакъ, сынки, не имѣющіе матерей, или имѣющіе матерей недогадливыхъ, или же имѣющіе родительскій домъ на разстояніи болѣе, чѣмъ получасовой ѣзды по желѣзной дорогѣ, подпали необходимости увеличить собою цифру *двухъ сотъ сорока слишкомъ студентовъ*, ставшихъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ жертвою новыхъ правилъ относительно своекоштныхъ студентовъ.

«Записка» продолжаетъ: «жертвователямъ и благотворителямъ эти люди въ тягость, ибо свободно выражаютъ предъ ними навязчивое попрошайство и недовольство ихъ распоряженіями».

Читая такія рѣчи, не знаю, что и подумать: то ли, что въ нашей «деревенской» академіи и нравы и порядки совсѣмъ другіе, чѣмъ въ остальныхъ академіяхъ, или то, что для подобныхъ рѣчей нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній? При нашей академіи есть братство; знаю, что и въ другихъ академіяхъ существуютъ братства. «Жертвователи и благотворители» не имѣютъ у насъ никакихъ личныхъ отношеній къ студентамъ; дадутъ въ братство, сколько пожелаютъ,—вотъ и все. Съ просьбами студенты обращаются въ совѣтъ братства, или къ инспектору, которыхъ однихъ только и касается это дѣло,

и которые въ просьбахъ студентовъ и не могутъ и не должны усматривать ни «тягости» для себя, ни «навязчиваго попрошайства». Никакихъ выраженій недовольства со стороны «глаголемыхъ попрошаекъ» я не имѣлъ случая слышать ни разу въ теченіе восьми лѣтъ; а если бы услышалъ, то вразумилъ бы такъ, что и другимъ стало бы не повадно выступать съ выраженіями недовольства «благодѣяніями». Вообще для меня рѣчь о навязчивомъ попрошайничествѣ, о недовольствѣ благодѣтеляхъ, о чувствахъ тягости, испытываемыхъ какими-то благотворителями, представляется въ высшей степени странною, совсѣмъ для моего разума невмѣстимою. Жаль, что у меня нѣтъ возможности разслѣдовать происхожденіе жалобы составителя «Записки», но я увѣренъ, что открытъ бы что-нибудь совсѣмъ неожиданное и для себя и для читателя.

Если бы даже можно было согласиться съ тѣмъ, что какими-то благотворителями испытывается тягость (зачѣмъ же они благотворять, вмѣсто того, чтобы прямо гнать въ зашей?) при разставаніи съ тѣмъ или другимъ количествомъ рублей, что студенты навязчиво пристають къ нимъ съ своимъ попрошайничествомъ, что они какъ-то *свободно (!)* выражаютъ свое попрошайничество, то вину студентовъ можно будетъ усмотрѣть лишь въ томъ, что они еще не обладаютъ навыкомъ въ различеніи людей, и кидаются за помощью въ такія мѣста, которыхъ всячески слѣдовало бы избѣгать и на которыхъ нужно было бы сдѣлать вывѣску съ надписью: «тутъ помощи не подаютъ».

Во всякомъ же случаѣ стремленіе прекратить бытіе своекоштныхъ студентовъ за то, что они кому-то надоѣли просьбами о помощи, — составляетъ чрезмѣрно жестокою расплату за причиненное безпокойство.

Стремленіе прекратить бытіе своекоштныхъ студентовъ съ полною ясностью выразилось въ дальнѣйшихъ словахъ «Записки»:

Въ своекоштныхъ воспитанникахъ никакой нѣтъ нужды.

Доводъ противъ бытія своекоштныхъ студентовъ, сейчасъ приведенный, заслуживаетъ не малаго удивленія уже однимъ выборомъ мѣстопробыванія. Произошло въ выборѣ для него мѣста нѣчто совершенно своеобразное, малодоступное моему разу-

мѣнню. Я всегда находилъ совершенно естественнымъ тотъ порядокъ приведенія доводовъ, кокого держался одинъ артиллерійскій генералъ, вызванный къ отвѣту на вопросъ: «почему не стрѣлялъ его отрядъ во время боя?» Генералъ отвѣчалъ: «на это была сотня причинъ, во-первыхъ, пороху совсѣмъ не было»... На этомъ мѣстѣ отвѣта рѣчь его была прервана словами: «вполнѣ достаточна и ваша первая причина; остальныхъ девяносто девяти нѣтъ нужды перечислять». Это совершенно въ порядкѣ вещей. А въ настоящемъ случаѣ я начинаю находить даже свое собственное положеніе очень страннымъ: спорилъ я много противъ разнообразныхъ причинъ, по которымъ надлежало прекратить бытіе своекоштныхъ студентовъ; думалъ, что дѣло дѣлаю. Вдругъ, совершенно неожиданно открывается, что всѣ предшествующіе доводы «Записки» и вызванныя ею пререканія мои составляли только напрасный «переводъ» бумаги: оказывается, что своекоштные студенты, о нравственныхъ и учебныхъ качествахъ которыхъ доселѣ шла рѣчь, совершенно никому и ни къ чему не нужны, что бытіе ихъ совершенно бесполезно. «Въ своекоштныхъ студентахъ никакой нѣтъ нужды». Если бы это положеніе могло быть доказано, то во всѣхъ предшествующихъ ему положеніяхъ «Записки» не было бы совершенно никакой нужды. Къ утѣшенію и своекоштныхъ студентовъ и къ моему собственному, вышеприведенное положеніе «Записки» никогда не можетъ быть доказано.

Раскрываемъ дѣйствующій уставъ православныхъ духовныхъ академій и читаемъ параграфъ первый: «православная духовная академія имѣетъ цѣлью доставлять высшее богословское образование, въ духѣ православія, для просвѣщеннаго служенія церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности». Прочитавъ, задаемъ себѣ вопросы:

1) Можетъ ли академія доставлять *своекоштнымъ* студентамъ высшее богословское образование въ духѣ православія? Да, можетъ одинаково доставлять его *какъ казеннокоштнымъ, такъ и своекоштнымъ студентамъ*.

2) Могутъ ли *своекоштные* студенты академіи пользоваться полученнымъ ими богословскимъ образованіемъ для просвѣщеннаго *служенія церкви*? Да, могутъ.

3) Могутъ ли своекоштные студенты вступать на *настырское, духовно-учебное и друія поприща дьятельности*? Да, могутъ.

Авторъ «Записки» не могъ не сознавать, что другихъ отвѣтовъ дать нельзя: но онъ пытается затемнить дѣло ясное. Я съ своей стороны, какъ старый, опытный инспекторъ, никакъ не поущу сдѣлать это. Во время моего восьмилѣтняго инспекторства не одна, можетъ быть, сотня человѣкъ заинтересована была въ томъ, чтобы «провести» меня: но могу сослаться на всѣхъ бывшихъ въ мое время студентовъ, что они сами, въ концѣ концовъ, всегда признавали бесполезность усилій, направленныхъ къ этой дѣли. Конечно, я не пожелаю утратить свою репутацію и въ данномъ случаѣ.

Свое положеніе, что «въ *своекоштныхъ* студентахъ никакой нѣтъ нужды», авторъ «Записки» желаетъ защитить такимъ оборотомъ мысли: своекоштные «не обязаны поступать на духовно-учебную службу, не обязаны принимать и священный санъ». Истинное положеніе дѣла здѣсь укрывается отъ читателей употребленіемъ тонкости, не возбуждающей моего сочувствія. Авторъ, во-первыхъ, изъ *отсутствія* обязанности желаетъ извлечь то заключеніе, что *своекоштные студенты совсѣмъ и не нужны*. Этого слѣдствія никакъ нельзя получить изъ *отсутствія обязанности*. Если бы можно было сказать, что своекоштные не поступаютъ на духовно-учебную службу, не принимаютъ священный санъ и, слѣдовательно, на два изъ указанныхъ уставомъ *поприщъ* не вступаютъ: тогда получилась бы, по крайней мѣрѣ, возможность говорить, что своекоштные избѣгаютъ *двухъ важныхъ поприщъ* служенія церкви. Но автору хорошо извѣстно, что своекоштные воспитанники въ дѣйствительности, почти безъ изыятій, поступаютъ или на духовно-учебную службу, или принимаютъ священный санъ. Укрывая истинное положеніе дѣла, «Записка» не хочетъ говорить о томъ, что есть, а указываетъ только на *отсутствіе* у своекоштныхъ воспитанниковъ обязанности дѣлать то, что они дѣлаютъ. Обязанности нѣтъ, а между тѣмъ своекоштные поступаютъ такъ, какъ будто эта обязанность существуетъ для нихъ. Нѣтъ, этимъ ухищреніемъ «Записка» меня не проведетъ.

Отъ ухищренія «Записка» переходитъ къ прорицанію. Если бы своекоштные. — говоритъ «Записка», — «изъявляли согласіе служить въ духовныхъ училищахъ, то и тамъ *скоро вѣсь мѣста будутъ заняты академическими воспитанниками, которыхъ по-сему для училищной службы нѣтъ надобности умножать*».

Допустимъ, что предсказаніе „Записки“ когда-нибудь исполнится, что ни одному своекоштному не придется, вслѣдствіе закона непроницаемости тѣль,—занять учительское мѣсто въ духовно-учебномъ заведеніи: и тогда для своекоштныхъ останется на необъятномъ пространствѣ земли русской много свободнаго мѣста. Въ каждой епархіи найдется для нихъ много священническихъ мѣсть; на Руси такихъ мѣсть—десятки тысячъ. Нельзя, конечно, забыть мнѣ и того, что уставъ академическій кромѣ «пастырскаго и духовно-учебнаго поприща» прямо говоритъ и о «другихъ поприщахъ дѣятельности», которыя авторъ «Записки» вынужденъ пройти совершеннымъ молчаніемъ, чѣмъ, конечно, никакъ провести меня не сможетъ.

Прибавлю нѣсколько словъ о «другихъ поприщахъ». Я держуъ того убѣжденія, что высшее богословское образованіе не только не вредно, но и весьма полезно даже для тѣхъ питомцевъ высшей богословской школы, которые стали бы уходить на какое угодно «поприще». Даже и «акцизному чиновнику» оно полезно, и для церкви не безразлично, имѣетъ ли таковой чиновникъ богословское образованіе, или же считаетъ для себя, на своемъ жизненномъ пути, совершенно излишнимъ балластомъ доброкачественное знаніе истинъ вѣры. По моему, чѣмъ выше и шире расходится по разнымъ слоямъ общества серьезное богословское образованіе, тѣмъ лучше это для дѣла церкви православной. Если наступитъ когда-нибудь время широкаго распространенія богословскихъ знаній во всѣхъ слояхъ общества, то истинному сыну православной церкви нужно будетъ только радоваться этому. Ограниченіе богословскаго образованія тѣсными рамками служебныхъ потребностей «вѣдомства православнаго исповѣданія» есть порожденіе такого міросозерцанія, которое не можетъ свидѣтельствовать о любви къ православной церкви и ея ученію *).

*) Имѣю достаточное основаніе сказать, что и покойный И. С. Аксаковъ

«Записка» заканчиваетъ свою борьбу съ своекоштными студентами двумя замѣчаніями, не имѣющими никакого значенія для дѣла борьбы, но не пригодными для того, чтобы согласиться съ ними. Скажу и о нихъ нѣсколько словъ, хотя ощутительной надобности въ этомъ нѣтъ.

«Въ числѣ студентовъ,—говорить «Записка»,—не должно быть ни женатыхъ, ни семейныхъ». Не могу согласиться съ этимъ. Иное дѣло—позволять студенту жениться, какъ это неразумительно дозволено было прежде въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ; иное дѣло—не допускать въ академію женатыхъ и семейныхъ. По нѣсколькимъ опытамъ, имѣвшимъ мѣсто въ Московской духовной академіи, нѣтъ никакихъ причинъ препятствовать поступленію въ академію людей женатыхъ или вообще семейныхъ. «Записка» не указываетъ оснований, по которымъ слѣдуетъ воспретить семейному человѣку полученіе богословскаго образованія. Составитель «Записки», можетъ быть, страшится, что семейные студенты будутъ особенно «назойливы въ своемъ попрошайничествѣ» и будутъ «для жертвователей и благотворителей не только въ тягость», но и въ совершенно невыносимое бремя? Страхъ напрасенъ, съ одной стороны, потому, что человѣкъ съ кучей дѣтей и самъ сообразить, что, ничего не имѣя, онъ не долженъ въ теченіе четырехъ лѣтъ академическаго ученія подвергать свою семью условіямъ бѣдственнаго существованія; съ другой стороны, небольшія ежегодныя пожертвованія въ пользу братствъ, особенно отъ лицъ, совершенно обеспеченныхъ и оставляющихъ послѣ себя болѣе или менѣе дальнимъ родственникамъ сотни тысячъ, неизвѣстно зачѣмъ накопленныхъ, совершенно оградятъ «благотворителей» отъ всякаго «безпокойства» со стороны семейныхъ «пролетаріевъ».

По мысли «Записки», исключеніе изъ правила о недопущеніи въ академію людей женатыхъ и семейныхъ нужно дѣлать только для лицъ священнаго сана, но и то съ слѣдующимъ ограниченіемъ: «и священнослужителей можно принимать только обеспеченныхъ въ содержаніи, или вдовыхъ, которые обыкновенно поступаютъ въ число казеннокоштныхъ».

осудилъ бы тѣхъ изъ своихъ друзей, которые пожелали бы стать на осуждаемую мною точку зрѣнія.

Любопытно было бы знать, какую сумму семейный священник долженъ былъ бы представить академическому правленію во свидѣтельство своей «обезпеченности» и въ огражденіе благотворителей отъ «назойливости»; притомъ, именными билетами онъ долженъ былъ бы представить, или взятыми только на поддержаніе? Недоумѣніе возбуждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ священника женатаго требуется обезпеченіе, а отъ *вдоваго* не требуется, хотя бы женатый былъ самъ другъ, а вдовый имѣлъ бы кучу дѣтей. Неужели единственнымъ основаніемъ для освобожденія вдоваго священника отъ обязанности показать академическому правленію свои «капиталы» послужила надежда на поступленіе вдоваго священника въ монашество? Возбуждаетъ недоумѣніе и засвидѣтельствованіе того, ничѣмъ, ни уставомъ, ни практикою, не подтверждаемаго факта, что будто бы вдовые священнослужители «обыкновенно поступаютъ въ число казеннокоштныхъ». Въ нашей академіи и теперь есть нѣсколько вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, но *своекоштныхъ* между ними *болѣе*, чѣмъ *казеннокоштныхъ*. По отношенію къ нашей академіи положеніе, утверждаемое «Запискою», совершенно несправедливо; не знаю, окажется ли оно болѣе справедливымъ и въ отношеніи къ остальнымъ тремъ академіямъ.

Всѣ доводы, обращенные «Запискою» противъ своекоштныхъ студентовъ, подвергнуты мною подробному разбору. Несомнѣнно, что эти доводы силы имѣть *не могутъ*. Но есть одинъ доводъ, который для многихъ можетъ имѣть силу, и однакожь въ «Запискѣ» не приведенъ.

Многимъ людямъ, получающимъ вознагражденіе за свои труды не сдѣльно, но помѣсячно, или поденно, врождено стремленіе расходовать свои силы на подлежащія имъ труды съ возможно большею бережливостью. Для нихъ уничтоженіе своекоштныхъ студентовъ можетъ составлять дѣло значительной важности. Чѣмъ меньше будетъ студентовъ, тѣмъ легче будетъ для лицъ, обязанныхъ производить экзамены, читать сочиненія и проповѣди студентовъ, выдавать имъ книги и, особенно, наблюдать за ихъ поведеніемъ. Но въ нашей академіи едва ли найдутся люди, которые не подписались бы обѣими руками подъ тѣмъ

положеніемъ, что «эти интересы частныхъ лицъ представляютъ величину совершенно несоизмѣримую со степенью того вреда, который произойдетъ отъ ихъ удовлетворенія».

Довѣріе къ доводамъ «Объяснительной записки», направленнымъ противъ бытія самокоштныхъ студентовъ, не должно было бы имѣть мѣста у тѣхъ лицъ, которыя дали бы себѣ трудъ изучить «Записку» въ другихъ ея отдѣлахъ. «Записка» составлена была такъ небрежно, что эта небрежность кидается въ глаза весьма рѣзко.

«Объяснительная записка» нѣсколько разъ впадаетъ въ явное разнорѣчіе съ объясняемыми ею параграфами проекта устава, составленнаго Комитетомъ 1881 года. Приведу нѣсколько примѣровъ.

На страницѣ 7-й (строки 6 и 7) «Записка» говоритъ, что Комитетъ допустилъ, по особо уважительнымъ причинамъ, опредѣленіе на инспекторскую въ академію должность и экстраординарнаго профессора, имѣющаго духовный санъ; а въ проектѣ устава было сказано (параграфъ 31, примѣчаніе), что должность инспектора можетъ быть возлагаема на экстраординарнаго профессора, имѣющаго духовный санъ и *степень доктора*.

На страницѣ 15-й (строка 2-я) «Записка» говоритъ, что члены правленія избираются совѣтомъ на *безсрочное время*, а въ проектѣ устава было сказано, что члены правленія избираются совѣтомъ на *четыре года* (параграфъ 97-й).

На страницѣ 22-й (строка 3-я) «Записка» говоритъ, что въ списокѣ наукъ философскихъ, преподаваемыхъ въ академіи, поименованы только *три* философскія науки: логика, психологія и исторія философіи, а въ проектѣ устава (параграфъ 104-й) поименованы *четыре* философскія науки: логика, психологія, метафизика, исторія философіи. Тѣ же *четыре* науки показаны и въ приложенномъ къ проекту устава распредѣленіи предметовъ академическаго курса.

На страницѣ 29-й (строки 30 и 31) «Записки» говоритъ: «найденно достаточнымъ требовать отъ студента въ первые два года по одной, а въ послѣдніе два по двѣ проповѣди». А въ проектѣ устава (параграфъ 129-й) сказано было: «для студентовъ всѣхъ

курсовъ обязательно составленіе проповѣдей *въ томъ количествѣ, какое будетъ опредѣлено совѣтомъ академіи*“.

Кромѣ разнорѣчій съ объясняемымъ проектомъ устава надлежало обратить вниманіе на слѣдующія странности, встрѣчающіяся въ «Объяснительной Запискѣ».

На стр. 13-й (строка 4) «Записка» допустила невѣрности въ сложеніи и вычитаніи. Она утверждаетъ, что по дѣйствовавшему тогда уставу (1869 года) въ общихъ собраніяхъ совѣта присутствуютъ, кромѣ предсѣдателя, *шестнадцать* членовъ, а нужно было сказать: *семнадцать*.

На страницѣ 23-й (строка 21) «Записка» неправильно утверждаетъ, что будто въ семинаріи преподавалась тогда библейская исторія, между тѣмъ какъ она по дѣйствовавшему тогда семинарскому уставу не полагалась въ числѣ предметовъ семинарскаго преподаванія.

На той же 23-й страницѣ (строки 26 и 27) «Записка» говоритъ то, чего понять нельзя, а именно: «къ другому же отдѣлу (наукъ), который относительно можетъ быть названъ практическимъ, причислены прочіе предметы изъ общаго академическаго округа».

Разсуждая (совершенно, замѣчу, несправедливо) о преимуществахъ коллоквиумовъ передъ диспутами, «Записка» признала необходимыхъ не допускать до слушанія защиты ученыхъ произведеній, представленныхъ на соисканіе ученой степени, не допускать, —кого бы вы думали?— студентовъ академіи! «Записка» не допускаетъ въ залу, въ которой происходитъ ученый диспутъ, людей трехъ категорій: во-первыхъ, *студентовъ академіи*, во-вторыхъ, *простолудиновъ* и, въ-третьихъ, *вообще лицъ, которыя не понимаютъ дѣла*. Въ то же время «Записка» почитаетъ нужнымъ *приглашать въ залу диспута всѣхъ любителей духовнаго просвѣщенія*, не разбирая, конечно, понимаютъ ли они дѣло, или нѣтъ. Меня совершенно поражаетъ сопоставленіе, по отношенію къ воспрещенію присутствовать на ученыхъ преніяхъ, трехъ категорій: студентовъ, простолудиновъ и вообще людей, не понимающихъ дѣла, а равно и исключеніе студентовъ даже изъ категоріи *любителей духовнаго просвѣщенія*, хотя самое наименованіе молодыхъ людей студентами (*Studiosi*) да-

вало бы имъ, кажется, право не быть выгоняемыми изъ залы диспутовъ.

Въ заключеніе рѣчей относительно «Объяснительной Записки» не лишнимъ считаю прибавить, что она примѣчательна и степенью отсутствія дѣловаго, точнаго, логическаго изложенія. Примѣры приводить не нужно; достаточно и тѣхъ выписокъ изъ «Объяснительной Записки», которыя сдѣланы въ моей статьѣ *).

Совершенно естественно, что выработанный комитетомъ 1881 года проектъ академическаго устава и объяснительная къ нему записка вызвали мысль о необходимости подвергнуть ихъ „*пересмотру*“ и „исправленіямъ“. Это дѣло передано было въ другія руки, а не самому Комитету. Прежде чѣмъ оконченъ былъ трудъ пересмотра и исправленій, одинъ изъ наиболѣе существенныхъ плодовъ дѣятельности Комитета оказался настолько зрѣлымъ, что получилъ немедленно же значеніе закона. Законъ былъ изданъ въ формѣ опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 6—13 іюля 1883 года. Она и составляетъ *второй* нашъ источникъ для изученія основаній, по которымъ измѣнено положеніе своекоштныхъ студентовъ академій.

Этотъ *второй* источникъ новаго не даетъ намъ ничего и представляетъ только сокращенное изложеніе нѣкоторыхъ мыслей Комитета. Въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 6—13-го іюля 1883 года читаемъ: «дѣйствующій нынѣ уставъ православныхъ духовныхъ академій допускаетъ въ академіи, кромѣ казеннокоштныхъ студентовъ, неопредѣленное число своекоштныхъ воспитанниковъ и вольныхъ слушателей (§§ 7 и 8). Эти воспитанники и вольные слушатели, не обязываясь по окончаніи курса, служить по духовному вѣдомству, въ продолженіе всего курса ученія живутъ, за весьма немногими исключеніями, внѣ академическихъ зданій, на вольныхъ квартирахъ, и будучи такимъ образомъ удалены отъ непосредственнаго надзора академическаго начальства, далеко не имѣютъ, какъ показалъ опытъ, той твердости въ добромъ направленіи, какая желательна въ воспитанникахъ духовно-учебныхъ заведеній. Большинство изъ

*) См. „Щать“.

нихъ, поступая въ духовныя академіи не по призванію и не для пользы православной церкви, а единственно для снисканія внѣшнихъ выгодъ, какія даетъ высшее учебное заведеніе, по справедливому замѣчанію учрежденнаго Святѣйшимъ Синодомъ въ 1881 году Комитета для пересмотра дѣйствующаго устава духовныхъ академій, оказывается невнимательнымъ къ своимъ обязанностямъ, дозволяетъ себѣ опускать классы и уклоняться отъ надзора инспекціи» («Церк. Вѣстникъ», 1883 г., № 29).

Въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода сокращенно изложено то самое, что уже извѣстно читателямъ изъ предшествующихъ страницъ моей статьи. Новое въ опредѣленіи представляютъ только послѣднія полторы строки словами: *дозволяютъ себѣ опускать классы и уклоняться отъ надзора инспекціи*. Я понимаю эти слова въ томъ смыслѣ, что «инспекціи затруднительно имѣть должный надзоръ за своекоштными студентами». Такая мысль есть и въ «Объяснительной Запискѣ». При отсутствіи должнаго надзора студенты своекоштные *могутъ* опускать классы, но уклоняться отъ надзора инспекціи, *если она пожелаетъ имѣть должный надзоръ*, своекоштные студенты, конечно, не имѣютъ никакой возможности. Инспекція, если захочетъ, можетъ раза по два въ день побывать на квартирахъ студентовъ своекоштныхъ и посмотрѣть, какъ они себя имѣютъ. Воспрепятствовать сему своекоштные студенты средствъ не имѣютъ *).

Составленный комитетомъ 1881 года проектъ устава духовныхъ академій потребовалъ, какъ уже извѣстно читателямъ, *пересмотра и исправленій*. «Объяснительная Записка» къ проекту и по причинамъ этихъ исправленій и по своимъ внутреннимъ качествамъ уже не могла достигнуть своего назначенія, именно, разъяснять положенія устава и указывать основанія этихъ положеній. Явилась новая «Объяснительная Записка». Она и составляетъ *третій* источникъ для изученія основаній къ упраздненію тѣхъ параграфовъ (128 и 154) прежде дѣйствовавшаго устава (1869 года), которые касались своекоштныхъ студентовъ. Въ *новой* «Объяснительной Запискѣ» читаемъ:

*) См. „Щитъ“.

«Изъ имѣвшихся въ виду при пересмотрѣ устава духовныхъ академій *даннымъ* *) выяснилось, что жителство студентовъ внѣ академическихъ зданій сопровождается большими неудобствами. Помѣщаясь на вольныхъ квартирахъ и будучи такимъ образомъ удалены отъ непосредственнаго надзора академическаго начальства за ихъ образомъ жизни, своекоштные студенты, какъ показалъ опытъ, не имѣютъ той твердости въ добромъ направленіи, какая желательна и необходима въ воспитанникахъ духовно-учебныхъ заведеній. Къ обязанностямъ своимъ они менѣе внимательны, чѣмъ казеннокоштные; нерѣдко позволяютъ себѣ опускать классы и вообще отличаются нѣкоторою распущенностью. Если академіи должны оставаться закрытыми заведеніями,—а этого нужно желать по многимъ причинамъ,—то не согласно съ такимъ ихъ отличительнымъ характеромъ, чтобы студенты жили по квартирамъ. Лучше имѣть и довести до окончанія курса меньшее число воспитанниковъ, твердыхъ въ добромъ направленіи, нежели съ допущеніемъ своекоштныхъ умножить число сомнительныхъ въ семъ отношеніи. Притомъ же всѣ лучшіе воспитанники семинаріи принимаются въ академію на казенное содержаніе; въ качествѣ своекоштныхъ являются только воспитанники сравнительно слабые, и нужно замѣтить, что большинство изъ нихъ стремится въ академію не по призванію, не по ревности къ духовному просвѣщенію и къ пользѣ церкви православной, а только для того, чтобы воспользоваться тѣми преимуществами и относительными выгодами въ общественномъ положеніи, которыя предоставляются окончившимъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, какъ высшихъ учебныхъ заведенійхъ. Между тѣмъ въ такихъ своекоштныхъ воспитанникахъ нѣтъ никакой нужды. Они свободны отъ обязательства поступать на духовно-учебную службу; не обязаны принимать и священный санъ; а положенное нынѣ, по штату, значительно увеличенное противъ прежняго, число казеннокоштныхъ сту-

*) Повидимому, нужно разумѣть здѣсь тѣ давня, которыя имѣлъ въ виду, при пересмотрѣ устава академическаго, Комитетъ 1881-го года, и которыя уже не были въ виду у лицъ, подвергшихъ пересмотру труды Комитета. Такимъ образомъ за точность и полноту данныхъ долженъ отвѣтствовать только Комитетъ 1881-го года.

дентовъ въ академіяхъ вполнѣ удовлетворяеть потребностямъ церкви и духовнаго просвѣщенія. Всѣ таковыя соображенія уже вызвали со стороны Святѣйшаго Синода предъ началомъ текущаго учебнаго года распоряженіе въ томъ смыслѣ, что своекоштные студенты могутъ быть принимаемы въ академіи только въ качествѣ пансіонеровъ» и проч.

Выписанныя объясненія «Записки» повторяютъ сказанное въ первой «Объяснительной Запискѣ», но съ опущеніемъ нѣкоторыхъ неудобныхъ мѣстъ и въ изложеніи не представляющемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ особенностей, какія усматриваются въ первой по времени «Запискѣ». Новое, встрѣчающееся въ *третьемъ* источникѣ, состоитъ изъ двухъ указаній, именно изъ указанія на увеличеніе штатнаго числа казеннокоштныхъ и изъ указанія на состоявшееся уже со стороны Святѣйшаго Синода распоряженіе (6—13 іюля 1883 года).

Для Московской духовной академіи увеличеніе штатнаго числа казеннокоштныхъ студентовъ (со *ста двадцати до ста восьмидесяти*, на шестьдесятъ человѣкъ) не имѣло никакого значенія, потому что еще за пять лѣтъ до введенія устава 1884 года, именно въ 1879 году, увеличено было для Московской академіи число казеннокоштныхъ вакансій *шестьюдесятью* вакансіями. Это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Великій дѣятель и покровитель духовнаго просвѣщенія, Макарій, митрополитъ Московскій, въ первый же годъ своего управленія Московскою митрополіею, то-есть въ 1879 году, возбудилъ дѣло объ увеличеніи числа казеннокоштныхъ вакансій въ своей академіи, «*вслѣдствіе предполагаемаго усиленнаго поступленія въ оную семинарскихъ воспитанниковъ*». Тогдашній оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, далъ по сему дѣлу заключеніе, вполнѣ соответствовавшее желаніямъ московскаго Владыки, и Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ г. оберъ-прокурора, опредѣлилъ: «положенное по штату Московской духовной академіи число казеннокоштныхъ студенческихъ вакансій (120) увеличить на 60 вакансій... съ занесеніемъ потребнаго на сей предметъ расхода насчетъ духовно-учебнаго капитала (Указъ Св. Синода отъ 24 августа 1879 года за № 2917). Предположенія высокопреосвященнаго митропо-

лита Макарія относительно *возможнаго* увеличенія числа желающихъ держать вступительный въ академію экзамень оправдались на дѣлѣ. Въ 1877 году держали экзамень 50 человекъ; въ 1878 году 52 человека, въ 1879 году и 1880 по 67 человекъ; въ 1881 году 105 человекъ, а въ 1882 году—уже 124 человека. Можно предположить, что если бы митрополить Макарій не скончался въ іюнь 1882 года; то необычайный наплывъ въ академію *ста двадцати четырехъ* человекъ далъ бы ему, по всей вѣроятности, поводъ вновь ходатайствовать объ увеличеніи числа казеннокоштныхъ вакансій въ Московской духовной академіи. Если прибытіе въ 1878 году 52-хъ юношей способно было побудить ученѣйшаго архипастыря къ ходатайству о прибавкѣ пятнадцати вакансій на каждый курсъ, то прибытіе въ 1882 году *ста двадцати четырехъ* юношей побудило бы его, вѣроятно, ходатайствовать о прибавкѣ вакансій, по крайней мѣрѣ, двадцати на каждый курсъ. Итакъ, для Московской духовной академіи внесеніе въ штаты прибавочныхъ шестидесяти стипендій имѣло только то практическое значеніе, что изъ штата, Высочайше утвержденнаго, труднѣе изъять, при перемѣнѣхъ возрѣвнѣй на значеніе высшаго богословскаго образованія, тѣ прибавочныя казеннокоштыя вакансіи, существованіе которыхъ обезпечивалось только, во-первыхъ, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода и, во-вторыхъ, состояніемъ духовно-учебнаго капитала: на вакансіи, внесенныя въ штаты, сумма должна итти уже изъ государственнаго казначейства, а не изъ духовно-учебнаго капитала. Въ этомъ же самомъ смыслѣ внесеніе въ штаты увеличеннаго числа вакансій имѣло значеніе и для другихъ академій, въ которыхъ только годомъ позднѣе противъ Московской, но уже (съ 1880 года) увеличено было число казеннокоштныхъ вакансій до той цифры, которая внесена въ штаты, Высочайше утвержденныя 20-го апрѣля 1884 года. Потому слова нашего *третьяго* источника, то-есть, второй «Объяснительной Записки»: «а положенное нынѣ, по штату, значительно увеличенное противъ прежняго, число казеннокоштныхъ студентовъ въ академіяхъ вполнѣ удовлетворяетъ» и проч., эти слова должны имѣть не тотъ смыслъ, что взамѣнъ уничтоженія своекоштныхъ студентовъ, живущихъ на вольныхъ квартирахъ, взамѣнъ уничто-

женія полупансіонеровъ, взаи́мнъ ограниченія студентовъ-пансіонеровъ «вмѣстительностію академическихъ зданій», придумано вознагражденіе въ видѣ *увеличенія числа казеннокоштныхъ вакансій*, а должны имѣть только тотъ смыслъ, что эти вакансіи, существовавшія уже нѣсколько лѣтъ, новымъ академическимъ уставомъ *внесены въ штаты, Высочайше утвержденные*, закрѣплены за академіями *прочно*.

Свидѣтельствомъ суетности надеждъ и расчетовъ человѣческихъ можетъ служить то, что случилось съ этими упроченными вакансіями черезъ три года. Въ 1887 году онѣ были уничтожены *заключеніемъ* хозяйственнаго при Святѣйшемъ Синодѣ управления. Это *необычайное* приключеніе произошло такъ:

«Хозяйственное управление при Святѣйшемъ Синодѣ, принимая во вниманіе, что въ послѣдніе годы изъ числа ежегодно оканчивающихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ воспитанниковъ, распределяются на мѣста по духовно-учебному вѣдомству или священнослужительскія далеко не всѣ воспитанники, а отъ минувшаго года болѣе $\frac{2}{3}$ остались безъ мѣста, что при такомъ положеніи дѣла количество обучающихся въ духовныхъ академіяхъ воспитанниковъ оказывается въ значительной мѣрѣ превышающимъ дѣйствительную потребность въ нихъ для духовно-учебныхъ заведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и *увеличеніе съ 1880 года числа казеннокоштныхъ студенческихъ вакансій въ каждой академіи на 60 человекъ представляется нынѣ излишнимъ*, тѣмъ болѣе, что сверхъ штатнаго числа казеннокоштныхъ воспитанниковъ имѣется еще въ каждой академіи не малое число стипендіатовъ, именно: въ С.-Петербургской 13, Московской 21, Кіевской 21 (въ томъ числѣ десять стипендій юбилейныхъ) и въ Казанской 6, а также значительное число воспитанниковъ своекоштныхъ, и что въ С.-Петербургской академіи, кромѣ штатныхъ воспитанниковъ, стипендіатовъ и своекоштныхъ, содержатся насчетъ духовно-учебнаго капитала еще 4 воспитанника западнаго края, которые могли бы быть приняты въ число штатныхъ, полагало: 1) число казеннокоштныхъ вакансій для духовныхъ академій назначить прежнее, положенное по штату 1869 г., т.-е. для С.-Петербургской, Московской и Кіевской по 120 и для Казанской 110 и, сообразно сему, сокращеніе настоящаго числа ка-

зеннокоштныхъ вакансій въ академіяхъ производить въ теченіи 4-хъ лѣтъ, начиная съ 1887⁷/₈ учебнаго года, по 15 вакансій въ каждой академіи въ годъ, и 2, содержаніе, ассигнуемое нынѣ особо на 4-хъ сверхштатныхъ воспитанниковъ западнаго края въ С.-Петербургской академіи, по окончаніи ими курса, прекратить».

Заключеніе хозяйственнаго управленія было *утверждено опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода* отъ 4 мая—3 іюня 1887 года за № 830. Таковъ былъ печальный конецъ, постигшій „положенное по штату увеличенное число казеннокоштныхъ студентовъ въ академіяхъ“. Изъ этого *приключенія* я вывожу, между прочимъ, такое *заключеніе*, что лѣтнее время, начиная съ мая, особенно неблагоприятно для интересовъ духовнаго просвѣщенія. Лѣтомъ даже хозяйственное управленіе,—и то, не огравичиваясь указаннымъ ему кругомъ дѣятельности, начинаетъ прилагать свою хозяйственную точку зрѣнія къ предметамъ, простирающимся далеко за поле хозяйственныхъ интересовъ и успѣваетъ упразднить Высочайше утвержденные штаты высшихъ духовно-учебныхъ заведеній. Если бы читатель полюбопытствовалъ узнать, на какомъ *юридическомъ* основаніи хозяйственное управленіе почло себя въ правѣ выработывать такія положенія („*принимая во вниманіе... полагало*“), которыя неразрывно связаны съ „упраздненіемъ“ Высочайше утвержденныхъ штатовъ духовныхъ академій, то я не сумѣлъ бы удовлетворить любопытство читателя отвѣтомъ точнымъ и рѣшительнымъ.

Повидимому, хозяйственное управленіе обратило свое вниманіе, во-первыхъ, на то, что предназначенныя имъ къ уничтоженію *двѣсти сорокъ* штатныхъ казеннокоштныхъ вакансій представляютъ собою ежегодную сумму въ 50, 700 рублей, которыми можно какъ-нибудь и иначе, хозяйственнѣе, распорядиться, а *во-вторыхъ*, на то, что эти вакансіи получили начало своего бытія ранѣе Высочайше утвержденныхъ въ 1884 году штатовъ духовныхъ академій, именно, явились на благо академій еще въ 1880 году, по почину дѣятелей, уже сошедшихъ съ своего поприща (одинъ умеръ, другой занялъ мѣсто въ постороннемъ вѣдомствѣ), и не были въ свое время внесены въ шта-

ты, хотя для нихъ и должно было быть „испрошено, установленнымъ порядкомъ, Высочайшее соизволеніе“ (см. Указъ Св. Синода отъ 24 августа 1879 года за № 2917). Обративъ, по всей вѣроятности, свое вниманіе на эти двѣ стороны дѣла, хозяйственное управленіе не удѣлило своего вниманія въ достаточной степени третьей сторонѣ дѣла, имѣющей существенную важность: вакансіи впослѣдствіи внесены были въ штаты духовныхъ академій, удостоившіеся Высочайшаго утвержденія въ двадцатый день апрѣля 1884 года.

Дѣлая свои предположенія, оправдываемыя до нѣкоторой степени и приведеннымъ мною „заключеніемъ“ управленія, я, конечно, воздержусь отъ оцѣнки тѣхъ хозяйственныхъ соображеній, которыя легли въ основу „заключенія, выработаннаго хозяйственнымъ управленіемъ“. Дѣло духовнаго просвѣщенія, разсматриваемое исключительно съ хозяйственной точки зрѣнія, можетъ быть трактуемо весьма своеобразно; никто за это взыскивать не можетъ, потому что просвѣщеніе само по себѣ, а хозяйство само по себѣ.

Другое указаніе второй «Объяснительной записки», котораго не могло и быть въ первой «Запискѣ», содержится въ словахъ «всѣ таковыя соображенія (о пользѣ уничтоженія своекоштныхъ студентовъ квартирныхъ, полупансіонеровъ и тѣхъ, которые не умѣстятся въ академическихъ зданіяхъ) уже вызвали со стороны Святѣйшаго Синода *предъ началомъ текущаю учебнаго года распоряженіе* въ томъ смыслѣ, что своекоштные студенты могутъ быть принимаемы въ академіи только въ качествѣ *пансіонеровъ*», число которыхъ въ каждой академіи «опредѣляется вмѣстительностью зданій». Это замѣчаніе, завершающее собою доводы, направленные *противъ* своекоштныхъ студентовъ, направлено, повидимому, къ цѣли убѣдить, что дѣло этого поправить уже нельзя. Такой цѣли, если она была, замѣчаніе достигнуть не можетъ; оно не могло бы достигнуть и другой цѣли, если бы таковая имѣлась въ виду,—именно цѣли показать, что дѣло утверждено непоколебимо. И та и другая цѣль не могутъ быть достигнуты по той причинѣ, что опредѣленія Святѣйшаго Синода, касающіяся дѣлъ учебныхъ, административныхъ, хозяйственныхъ и тому подобныхъ, никогда не

присвоили себѣ значенія истинъ непогрѣшимыхъ; разъ принятыя, они не восходятъ на степень непререкаемыхъ правилъ вѣры и благочестія и безъ всякихъ неудобствъ могутъ быть *отмѣняемы* опредѣленіями самого же Святѣйшаго Синода.

Можетъ быть, я утомилъ читателя. Вторично прошу обратить вниманіе на то, что я назвался специалистомъ. Специалисту при его рѣчахъ всегда полагается оказывать большее снисхожденіе, чѣмъ остальнымъ людямъ.

«Ну ужъ и специалистъ же, нечего сказать», подумаетъ иной читатель. Я, разумѣется, кланяюсь и благодарю, но отрады не чувствую.

«Однако, на этотъ роточекъ не мѣшало бы накинуть платочекъ»,—подумаетъ другой читатель. При мысли о накидываніи платочка мнѣ не нравится особенно то, что ужъ очень это старо. Пишу въ самомъ концѣ девятнадцатаго столѣтія, и вдругъ читатель приложитъ ко мнѣ одно изъ тѣхъ мѣропріятій, которыя вошли въ употребленіе еще за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова. Даже обидно!

Утѣшеніе дастъ мнѣ только тотъ читатель, который подумаетъ: «да, пора прекратить такое положеніе дѣлъ; одиннадцати лѣтъ за глаза достаточно для удовлетворенія интересовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣломъ духовнаго просвѣщенія».

Я настолько не сочувствую Пилатовскому отношенію къ истинѣ (глагола Пилатъ: *что есть истина?* Іоан. 18, 38), настолько увѣренъ не только въ бытіи ея, но и въ окончательномъ торжествѣ ея надъ всяческою неправдою, что совершенно искренно и чистосердечно предложу слѣдующее.

Пусть изъ среды людей искренно ли ошибающихся, или не безкорыстно служащихъ неправому дѣлу, выйдутъ охотники поспорить противъ положеній, защищаемыхъ въ моей статьѣ. Не по вѣрѣ въ свои силы, а по надеждѣ на силу истины, я громко прошу выбрать для спора людей съ самымъ бойкимъ перомъ и, пожалуй, даже совсѣмъ незастѣнчивыхъ. Пусть они сдѣлаютъ, что могутъ: на ихъ рѣчи я дамъ посильный отвѣтъ. Твердо надѣюсь сдѣлать съ статьями моихъ критиковъ то же, что сдѣлалъ съ «Объяснительной запиской»... Тогда въ сознаніи

всѣхъ истина должна будетъ получить «одолѣніе и для подлежащихъ распорядителей останется только одно: немедленно отмѣнить стѣненія, основанія которыхъ такъ слабы, а дѣйствія такъ сильны.

П. Горскій-Платоновъ.

1894 года апрѣля 22.

Къ написанному назадъ тому пять лѣтъ не могу не прибавить небольшую выписку изъ «Московскихъ Вѣдомостей» за прошлый 1898 годъ (№ 171 отъ 24 іюня). Въ руководящей статьѣ, написанной по поводу появленія отчета г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода находимъ слѣдующее:

„Къ сожалѣнію ¹⁾ четыре духовныя академіи не привлекаютъ достаточно слушателей, коихъ состоитъ нынѣ лишь 900 ²⁾, т.-е. на 50 человѣкъ меньше прежняго. Это, конечно, составляетъ грустное указаніе на то, что наша учащаяся молодежь все еще слишкомъ остается подъ тѣмъ тлетворными вліяніями отъ которыхъ, къ счастью, все болѣе освобождается „взрослая“ Россія“. Плодъ, принесенный мѣрами, нарочито направленными къ сокращенію числа студентовъ, редакція «Московскихъ Вѣдомостей» почитаетъ плодомъ „тлетворныхъ вліяній“ и, по видимому, желаетъ для молодежи освобожденія отъ такихъ «вліяній». Это достойно не малаго удивленія.

1899 года декабря 15.

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ До 1888 года число студентовъ Московской духовной академіи расло быстро и дошло до цифры 360. Затѣмъ число студентовъ, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ стало убывать. Теперь, въ декабрѣ 1899 года, *всѣхъ* студентовъ имѣется только 215 человѣкъ, а за вычетомъ 24 иностранцевъ (грековъ, сербовъ, болгаръ, и пр.) только 191 человѣкъ. Ясно изъ этихъ цифръ, что мѣры, принятыя въ видахъ сокращенія числа студентовъ, были весьма благоуспѣшны.